ПИОНЕР

ФЕВРАЛЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1960 год 2

СТУПЕНЬКА взята!

Вот хороший день! Дробь барабана, сиг- нал горна, парадный пионерский строй... Те- бе вручают пионерский значок... Да не простой, а значок «ступеньки» первой, второй или тре- тьей. До какой доро какую осилил. Пожа луй, этот день запомнит-

ся так же, как и тот, ко гда тебя приняли в пио неры.

Но немногие наш читатели смогут сейча похвастать значком «ступеньки». «У нас школе,— скажут ребя- та,— всего этого и в по мине нет, а значки мы первый раз видим во здесь на рисунке».

Ну а кто ж в этом ви новат! Посмотрите, кт в отряде уже выполнил все требования ваше «ступеньки», соберите сбор и вручите этим пионерам заслуженный ими значок. Глядишь, другие потянутся з ними.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 37-й

КАК пройти вокруг Земли посуху?
ЧЕМ растопить северные льды?
ЧТО поможет озеленить пустыню?

Эти вопросы перестанут быть для вас загадочными, когда вы прочитаете о мире, где забудут слово «война».

ЕСЛИ вы хотите посмеяться, прочитайте рассказ Виктора Драгунского.

ЕСЛИ любите поспорить, загляните в КЛУБ «ПИОНЕРА».

ЕСЛИ вы хотите узнать о необыкновенных событиях — а они подчас могут совершаться и в самой обычной жизни,— начинайте читать сказку В. Каверина «Много хороших людей и один завистник».

А ВЕЧЕРОМ, когда сделаете все уроки, заберитесь в тихий уголок и принимайтесь за повесть Анатолия Мошковского «Не погаснет, не замерзнет». Только пусть лучше никого не будет вокруг, потому что, может быть, вам захочется поплакать...

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

Анатолий МОШКОВСКИЙ
Рисунки О. Коровина.

НЕ ПОГАСНЕТ, НЕ ЗАМЕРЗНЕТ

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

ГЛАВА I

ОНА — ЭТО ВЕТЕР С МОРЯ

Городок, где жила Маринка, раскинулся на берегу широкой Чаячьей губы. Когда-то здесь были шумные птичьи базары, поэтому губу так и прозвали в старину поморы. Но после того, как здесь стала военно-морская база, птицы улетели в другие места, и теперь только одинокие чайки со сварливыми, обиженными криками носились над водой. Эта губа через узкий пролив соединялась с Баренцовым морем, бескрайним, темно-серым, переходящим, как говорил папа, в огромный Ледовитый океан, и где-то там, далеко-далеко отсюда, в туманах и льдах, темнели необитаемые каменные острова, косолапо ходили белые медведи и таился Северный полюс.

С моря часто дули студеные полярные ветры, вздували в губе пенистые волны и раскачивали узкие, как нож, серые суда — подводные лодки. Из трех человек, населявших этот городок, двое обязательно были моряками, и, наверное, поэтому городок назывался Матросском.

Маринка родилась в нем и была моряцкой дочкой. Она давно привыкла к ветрам, которые с хрустом давили на стекла их квартиры, и к налетавшим с моря снежным зарядам,— тогда бурые сопки, окружавшие город, мгновенно застилало белой завесой и под ботиками даже в июне похрустывал снег.

Папа часто спрашивал у нее:

— Ну как, северянка, не скучаешь по югу?

Маринка вздыхала и признавалась:

— Скучаю.

И каждое лето, как и большинство ребят Матросска, ее увозили на юг скорые поезда.

Кто постарше, ехал в пионерские лагеря средней полосы, а маленькая Маринка с мамой — к бабушке, в калужскую деревушку Снегирево. Здесь девочка в первый раз увидела на колхозном поле рожь. Упругая, шумная, рослая — в два раза выше ее! Маринка тянула к себе тонкие стебли, теребила жесткие усатые колоски, и на ладонь высыпались продолговатые твердые зернышки. А когда глянешь на рожь издали — ну, совсем волны в Чаячьей губе, только там они студеные, мокрые и серые, а тут теплые и золотистые.

А какая здесь была трава — с головой накроет! Березки тут не стлались по камням, а стояли высокие, крепкие, и на них даже можно было взобраться. А кто знал, что в реке можно купаться? Бросишься с берега в воду — и совсем не холодно. Теплые, легкие волны щекочут тело, ласкают своими по-кошачьи мягкими лапками, плещутся о берег.

— Нравится тебе тут? — спрашивала мама.

Маринка моргала, уплетая за обе щеки хлеб и запивая густым парным молоком из глиняного горлача.

Но проходила неделя, вторая, наступала третья, и Маринке становилось как-то не по себе в этой уютной бабушкиной деревеньке, и все чаще снился ей военный городок за Полярным кругом, городок на камнях, где нет ни одного деревца выше нее, и все они — березки да ивы — какие-то крученные-перекрученные, жесткие, узловатые, и зубчатые листки у них не больше копейки. Ей снились сумрачные сопки с маячными огоньками на вершинах и волны в губе. Ах, какая ледяная там вода даже летом: сунешь в воду палец и тут же выдернешь — холодно!

А на пятую неделю Маринку уже тянуло в свой городок, и она с утра говорила об этом маме, но мама равнодушно пожимала плечами.

— Не торопись, успеешь.

И Маринка ждала и не могла дождаться, когда застучит колесами скорый поезд, унося ее на север. Здесь, в деревеньке, все было временным и не своим, а вот там, в Матросске, была своя, постоянная, настоящая жизнь.

Она приезжала в городок на камнях, и все становилось на свои места. Вверху с жарким воющим свистом проносились реактивные истребители — рядом был аэродром. Иногда со стрекозиным стрекотом медленно пролетали смешные зеленые вертолеты и опускались куда-то за губу, за плоскую рыжую сопку. С причалов долетали пронзительные свистки военных судов, стук моторов и крики парового крана; он, по словам соседского мальчишки Женьки, грузил на подводные лодки торпеды.

Все было в этом городке на своем месте.

Как-то раз Маринка копалась возле дома в песке и услыхала, как одна девочка с портфелем сказала другой:

— Это нашей Лидии Алексеевны дочка.

— А ты откуда знаешь?

— Она в этом доме живет. И глянь на глаза девчонки — точь-в-точь.

Маринка улыбнулась. Это очень хорошо, что она похожа на маму. Наверное, это ученицы ее. Разглядели! Соседка по квартире, тетя Маша, тоже говорила, что Маринка — вылитая мама. А когда как-то вечером мама показала соседке свои фотографии, где она была снята ребенком, тетя Маша рассмеялась. Она переводила взгляд с карточки на Маринку и обратно и покачивала головой.

— Не отличишь! Ну как две капли...

И только одно тревожило девочку: будет ли она такая, как мама, когда вырастет большой? Мама удивительная! Она взлетала на третий этаж и сбегала вниз так быстро, что Маринке почему-то казалось, что она, как Женька, обязательно съезжает на перилах, и однажды, чтобы проверить, так ли это, Маринка приоткрыла дверь и глянула на лестницу: нет, мама сбегала по ступенькам. Все, что она делала, она делала легко и быстро, с каким-то веселым удовольствием. Вернувшись из школы, она целыми днями сновала по комнате: готовила обед, стирала, штопала, ставила в тетрадках красным карандашом пятерки и двойки...

И всегда все успевала. Но не только этими вещами занималась мама. Иногда она уходила с Маринкой в Дом офицера. По узкой, полутемной лесенке они спускались в плавательный бассейн. В нем даже зимой была теплая вода. Мама переодевалась в кабине и выходила какая-то совсем не похожая на себя: в резиновой шапочке и синем купальном костюме.

Во всем гарнизоне только три женщины занимались в секции плавания, а мужчин — человек пятьдесят, поэтому-то времени женщинам отводили маловато.

Мама быстро взбегала на тумбу и, выбросив вперед руки, ныряла. Маринка следила, как в прозрачной воде, пуская вверх пузырьки, легко двигаются ее ноги и руки, смуглые

и сильные; как мама, разрезая синей шапочкой воду, мчится вперед и маленькие волны плещутся о стенки бассейна. Потом мама выскакивала из воды, упруго подпрыгивала на холодном цементном полу, и с ее локтей, ушей и носа капало, а по плечам и крепким круглым рукам текли ручейки, и все тело мгновенно покрывалось зябкими пупырышками. Она хлопала себя по бокам, кричала подругам что-то о холодном воздухе — негромкий голос ее гремел под низкими сводами бассейна — и снова бросалась в воду.

Но это еще не все, что умела делать мама.

Когда перед Первым мая в Доме офицера был объявлен конкурс на лучший пирог, мама испекла такой, что сам контр-адмирал, входивший в жюри конкурса, пробуя его, смачно причмокивал языком, и жюри единогласно решило присудить маме первый приз. С тех пор в гардеробе у них висит на металлических плечиках призовое платье, темно-синее, блестящее, со сборками.

Но больше всего мама любила ходить в ярко-сером, с голубой искрой костюме. Подстригалась мама коротко, и когда ходила, густые белокурые волосы развевались и кипели на ветру. Она легко взлетала на третий этаж и, не переведя дыхания, могла тут же со смехом рассказать тете Маше, как капитан второго ранга Андреев гнался по улице Матросска за козой, решившей полакомиться листвой высаженных у тротуаров полярных березок, и глаза у мамы блестели, отражая солнце, небо и море.

Однажды Маринка подслушала, как папа сказал маме:

— Взял бы я тебя на лодку. Штурманом стала бы. Легко бы обучил: ты сообразительная. Да вот жаль: не берут в подводные силы женщин. Не женское это дело.

— Хоть в поход прихватил бы когда-нибудь! — попросила мама.

— Нельзя. Не разрешат.

— Эх вы, мужики! — улыбнулась мама, поправляя у зеркала волосы.— Тираны вы все, как один, и на земле и на воде! А теперь, оказывается, и под водой.

Папа на это заметил:

— Дай вашему брату волю — рад не будешь.

И при этом папа состроил такую безнадежно-мученическую гримасу, что мама, вскинув голову, начала хохотать, и чем больше говорил на эту тему папа, тем звонче смеялась она.

Вот какая у Маринки мама! И все говорят, что они очень похожи. А что касается тети Маши, так она прямо сказала: «Не отличишь! Ну как две капли...» За это Маринка еще больше полюбила тетю Машу, и даже ее сын Женька, непоседливый и крикливый, с исцарапанными руками, в растерзанной и перепачканной одежде, стал приятен ей. Он вечно что-то мастерил. Чаще ломал. Взявшись однажды починить свой велосипед, он только искривил колесо и погнул спицы; пытаясь прикрепить отвалившуюся фару детского самосвала, он нечаянно повредил заводной механизм. Он задирал Маринку, целыми днями стучал молотком и мешал ей спать, но теперь она прощала ему все.

Однажды, будучи в миролюбивом настроении, Женька спросил у нее:

— А знаешь, почему тебя зовут Маринка?

Девочка открыла рот: разве можно знать, как и почему тебя назвали? Но Женька тут же сообщил, что как-то к ним зашла Маринкина мама и рассказала его матери: еще до рождения дочери она спорила с мужем, как лучше назвать ребенка. На всякий случай они заготовили два имени: если родится мальчик, пусть это будет Севка. Всеволод — очень мужское, строгое и в то же время звучное имя. С этим согласились и мама и папа, а вот на тот случай, если родится девочка, их мнения в выборе имени разошлись. Мама настаивала на имени Лена: это и красиво, и лирично, и мягко — или Женя: это тоже звучит и для девочки не очень затасканно.

А что касается папы, так он упорно настаивал на том, чтоб девочку назвали только так, как ее зовут сейчас,— Маринка.

— Ты пойми, Лида,— уговаривал папа,— я человек моря, и мне близко все, что напоминает о нем. Марина — это картина, изображающая море, волны, чаек, корабли; ультрамарин — это ярко-синяя краска, основная краска художников-маринистов, пишущих море; моряна — это ветер, дующий с моря... Она — наш первенец, родится у самого моря, и пусть ее имя, где бы мы ни были, напоминает нам Заполярье, Чаячью губу и море, бескрайнее, шумное море...

Маринка смеялась: как это забавно и странно, что она могла родиться мальчишкой! И ведь никто, ну никто-никто не знал, что она не захотела родиться вот таким курносым, крикливым и вечно перепачканным мальчишкой и, обманув всех, взяла и родилась девочкой!

Дальше Женька рассказал Маринке, что после долгих споров папа уломал маму, но она сказала, что это ее последняя уступка.

Дней пять после этого ходила Маринка и улыбалась. Совсем другими казались ей теперь мама с папой. И кто, кто же мог подумать, что она — это ветер с моря, синяя даль и корабли на горизонте?.. И она всегда должна напоминать папе о его молодости и службе на подводной лодке, о жизни на военной базе, на берегу Чаячьей губы!

ГЛАВА II

ЦВЕТЫ С МАЯЧНОЙ СОПКИ

Случилось это в один из тех редких дней, когда папа был дома. Закинув ногу на ногу, он сидел на диване и читал журнал «Юность». Рядом, забравшись с туфлями на диван, возилась с куклой Маринка. Она положила куклу навзничь, круглые голубенькие глазки ее закрылись, и девочка, теребя рукав папиного кителя с золотыми нашивками — двумя широкими и одной узкой, зазвенела:

— Пап, а Ниночка спит, и знаешь, что ей снится?

— Что? — спросил папа, не отрывая глаз от журнала.

— Белый мишка на льдине, косолапый такой и смешной, он живет в снежной пещере и лапкой ловит рыбу для медвежат: ударит рукой по воде и нацепит на коготь рыбешку... Пап, да ты не слушаешь меня!

— Слушаю.— Папа перевел глаза со страницы на куклу, круглощекую, румяную, с золотистыми приглаженными волосиками, и сказал: — Не снится ей медведь, ей кровать с одеялом снится... И больше ничего.

Он положил руку на голову дочери и опять перевел глаза на страницу журнала.

Дочь тем временем посадила куклу, и лучистые, бездумно-голубенькие глазки ее открылись и, застыв в немом восторге, уставились в одну точку.

— Папа, а теперь...

Мама, проверявшая за столом у окна ученические тетрадки, не выдержала:

— Марина, можно помолчать?

— Можно,— сказала Маринка,—вот только папа посмотрит, как Ниночка сидит, и я буду молчать, и долго-долго буду молчать, пусть только...

— Сережа,— сказала мама,— брось свой журнал! Не видишь, что Марина мне мешает? Читаю предложение и не могу понять, правильно оно составлено или нет.

— Сейчас,— проворчал папа,— только страницу дочитаю.

Голос Маринки не умолкал ни на минутку. Дочитав страницу, папа начал возиться с нею: таскал на плечах, бросался подушками с дивана, щелкал по носу куклу.

— Сережа,— сказала мама, поднимаясь из-за стола и трогая у затылка короткие светлые волосы,— сегодня погода хорошая, сухо и солнце светит.

— Убраться? — обиженно спросил папа.

— Зачем... Просто погуляйте. Это и тебе полезно.

— Спасибо за совет,— сказал папа.— Пойдем, Маринка, родная мама нас выгоняет, как последних шалунов из класса. Папа один свободный денек выкроил, чтоб заняться повышением своего культурного уровня, так и тот домашнее начальство аннулирует... Одевайся...

Мама строго посмотрела на них, не выпуская из руки красный карандаш.

— И чтоб не дурачиться.

Папа накинул черную флотскую шинель с блестящими пуговицами и чуть набок посадил на густые черные волосы морскую фуражку.

— Это что значит? Разъяснения не последуют?

Папа говорил таким голосом, что Маринка никак не могла догадаться, шутит он или сердится.

— Сам знаешь.— Мама повернулась к ним спиной, и граненый красный карандаш ее грозно повис над тетрадкой, крупно исписанной лиловыми чернилами.

— Пошла в торпедную атаку,— сказал папа, утаскивая из комнаты дочку.

Они долго гуляли по городу, и Маринка храбро шагала ботиками по лужам и грязи. На широких погонах папы сверкали четыре маленьких звездочки, и все встречавшиеся им офицеры и матросы брали под козырек, и папа отвечал им тем же. И Маринке было очень приятно: вот большие, а тоже играют!

Иногда моряки подходили к ним и обращались к папе:

— Товарищ капитан-лейтенант!..— И дальше что-то говорили о подводных лодках, о каких-то балластных цистернах.

Маринка ничего в этом не понимала, но очень гордилась, что ее папа не просто там старшина первой статьи, или капитан первого ранга, или даже адмирал, а одновременно и капитан и лейтенант!

Гуляя с папой вдоль крохотных полярных березок, высаженных у домов, Маринка заметила, что папа то и дело посматривает на Маячную сопку. Темно-глыбистая, нелюди-

мая, голая, точно зелень с нее ободрал ветер, она круто уходила над городком в небо.

И когда они вдоволь нагулялись по гладкому тротуару, папа еще раз кинул взгляд на вершину этой сопки и вдруг сказал:

— А может, слазим?

— Куда? — спросила Маринка.

— Вот туда.— Папа кивнул на Маячную сопку.— Давно не был там. Как привез твою маму сюда, слазили мы с ней наверх, показал я ей все, что есть вокруг, чтоб знала, где мы живем. Но это было давно. С тех пор уже не взбирались.

— Конечно, полезем,— сказала Маринка,— я с большим удовольствием.

Они прошли улицу до конца и стали подниматься по узкой каменистой тропке. Но идти тропинкой было бы очень далеко, и папа решил взять сопку на приступ. Они карабкались отвесно вверх по камням, выбоинам, щербатинам и кривым, извилистым трещинам. Папа не выпускал из своей руки ее ладошки. Вниз ехал мелкий щебень, катились камушки. Издали сопка казалась безжизненно голой, скучной, а теперь вдруг Маринка увидела, что камень ее покрывают зеленые и рыжеватые мхи, сизые лишайники. В ложбинках кое-где упруго топорщились стелющиеся березки. Но как удивилась Маринка, увидев в расщелине маленькие цветики с лиловыми лепестками!

— Папа,— крикнула она,— хочу!

Он понадежней пристроил дочку на склоне сопки — ни с места! — и полез выполнять ее приказ. Иногда, если цветок рос вблизи, Маринка сама срывала его: брала за стебель, долго крутила и дергала. Когда они добрались до вершины, в руке у папы был целый букет.

Чем выше поднимались они, тем сильней дул ветер.

— Не холодно? — спросил папа.

— Нет,— посиневшими губами вывела дочка.

Папа поплотнее застегнул ее пальтишко.

Они стояли на вершине, сопротивляясь ветру, валившему их навзничь, и смотрели вперед. Видно отсюда было далеко: сзади — широкая Чаячья губа с игрушечным военным городком у подножия сопки и пирсами для боевых кораблей, справа — узкое горло губы, а зато впереди до края неба колыхалось большое-пребольшое море. Налетал ветер, и по морю пробегали зыбкие серые полосы. Надвигались, заталкивая небо, грязно-черные, опухшие тучи, и море из синего превращалось в зеленовато-серое, неприветливое.

Оно было без конца. Оно вливалось в небо, и тоненькая черта горизонта иногда размывалась, и тогда казалось, что море везде, даже над головой.

— А где полюс? — спросила Маринка, дуя в варежку.

Папа внимательно посмотрел на нее.

— Вон там.— Он показал рукой наискосок.— А вон там Америка, видишь? — Папина рука поплыла правей.

— Вижу.

— А что ты видишь, интересно?

— Мерику.

Он засмеялся и поглубже, на самые уши, натянул Марине вязаную шапочку. Ударил ветер, и он едва успел схватить за козырек сорвавшуюся с головы фуражку. Надвинул ее на самые глаза, поднял воротник шинели и сказал:

— Да я тебя совсем заморожу.

Он быстро сел за валун, распахнул шинель, посадил в нее дочку, застегнул шинель. Из нее, точно из норки, выглядывала головка в синей вязаной шапочке. Под шинелью было очень тесно, мешали руки, и Маринка для большего удобства обняла папу. От него исходило такое тепло, словно он был печкой, в которую засыпали ведро каменного угля.

И совсем не нужно было стоять: все вокруг было видно очень далеко.

Так они сидели с полчаса, смотрели на море, и никакой ветер не был страшен Маринке. Она узнала, что в годы войны на этой сопке находился сильный маяк, он показывал нашим кораблям дорогу в гавань, и сопку с тех пор прозвали Маячной. И еще папа рассказал ей, трогая истрескавшийся, выкрошенный от ветра, дождей, солнца и холода, но все еще твердый, как железо, гранит, что вот здесь кончается наша земля, и дальше тянется все вода, вода и вода, и через тысячи морских миль начинается совсем другой материк. Вот где они живут — на самом краю света...

Маринка поудобней подобрала ноги, вздохнула.

— Материк...

Вдруг она встрепенулась, высунула из-под шинели руку и показала:

— Папа, гляди... гляди!

Три черточки с тонкими змейками дыма двигались у горизонта. Потом ветер донес слабые звуки выстрелов.

— Корабли,— сказал папа,— эсминцы. Молодцы, хорошо идут!

Так они сидели, смотрели на море, и никакой ветер не был страшен Маринке.

— А зачем они там ходят?

Папа убрал ее руку внутрь, получше запахнул шинель, и Маринка снова очутилась, как в берлоге.

— На учении они. Понимаешь, ребята ходят в школу учиться правильно писать и решать задачки, а матросы тоже должны учиться метко стрелять из пушек, пускать торпеды и не бояться никакого шторма. А это надо для того, чтобы плохие люди, ну, короче говоря, наши враги, не мешали жить ни тебе, ни маме и ни одному человеку в нашей стране. Вот почему и боевые корабли уходят на учение, и все мы тут служим, и существуют наш городок и база...

— И твой корабль тоже уходит учиться? — Маринка шевельнулась под шинелью.

— И мой.

— А он лодка или корабль?

— Он корабль, Маринка, и очень грозный корабль, но только небольшой и узкий, и его издавна прозвали подводной лодкой.

Спускаясь вниз, папа одной рукой держал дочку, второй опирался о камни, цеплялся за жесткий кустарник, и к его рукаву прилипли крохотные листки березки. Иногда папа останавливался и беспокойно посматривал на городок, на его улицы, точно побаивался кого-то. В городе он тоже не переставал оглядываться. Он переносил Маринку через канавы и большие лужи, отдавал проходившим морякам честь, но все время глядел то вправо, то влево, то оборачивался назад.

Потом сказал:

— Пойдем-ка другой дорогой. Она чище.

Но та, другая дорога была вся в камнях и грязи, и папа в основном нес Маринку на руках. Опустив ее на сухой островок, папа сказал, трогая на ее шапочке пушистый шарик:

— Давай не будем говорить маме, где мы были, а? А то она испугается и будет сердиться.

— Давай,— согласилась Маринка, укладывая в букете цветок к цветку.

Неподалеку от их дома папа втащил ее в магазин, купил Маринке пирожное — она тут же у прилавка вонзила в него зубы — и плитку шоколада «Золотой якорь». Сунув плитку в карман шинели, он сказал: «Добро»,— взял Маринку за руку, и они вышли из магазина.

— А теперь куда? В кубрик или еще подрейфуем?

Маринка хорошо знала: кубрик — это дом, а дрейфовать — значит гулять.

— Подрейфуем еще,— сказала она.

Но дрейфу помешала мама. Она внезап-

но вышла из-за угла дома. Папа чуточку побледнел и выразительно посмотрел на Маринку. Она понимающе подмигнула ему щелочками глаз.

— Ну, где странствовали? — сухо спросила мама.

— Да так... тут... неподалеку...

— Что-то очень долго,— сказала мама.— Я и тетрадки исправить успела, и в кулинарном кружке отзанималась, и вот уже сколько времени вас ищу. Весь город обошла.

— Плохо искала,— ответил папа.— Кто виноват?

И, проговорив это, он вытащил из шинели плитку шоколада:

— Ломай.

— Что это ты вдруг? — сказала мама.

— А почему бы и не купить?..

Маринка притихла и с любопытством ждала, как выпутается папа и что будет дальше. Но, судя по всему, мама не очень верила папе, и выпутывался он как-то вяло и больше смотрел на мамины боты. И тут Маринка почувствовала, что должна немедленно вмешаться в разговор и выручить папу.

— А мы с папой тебе цветиков нарвали,— сказала она и в маленькой озябшей руке протянула букетик с жесткими лиловыми цветами.

— Спасибо,— сказала мама.— Что-то вы все сегодня такие добрые: один предлагает шоколад, другая — цветы. Да, кстати, я, кажется, знаю, где они растут...— По ее губам едва заметно скользнула улыбка.

— Мам, а ты там тоже была, да? — спросила Маринка.

— Где это «там» и почему это «тоже»? — делая ударение на словах «там» и «тоже», спросила мама.

— На... на...— Маринка запнулась и страшно покраснела.

Она вдруг поняла, что проговорилась и выдала папу, и это можно было понять хотя бы уже по тому, что он неподвижно и пристально рассматривал угол кирпичного дома, точно в нем было что-то интересное.

Мама нагнулась к ней.

— И не простыла?

— Нет,— уронила Маринка, убитая и вспотевшая.

Мама выпрямилась.

— Тогда скорее идем домой, цветы нужно в воду, а то завянут. Скорее...

Маринка просияла, и они втроем быстро зашагали к дому.

ГЛАВА III

ЛЮДИ

Иногда Маринка думала: а есть ли у нее папа? Вечно он в своей базе или в море. Поздно вечером или рано утром он осторожно поднимал ее, сонную и недовольную, из кроватки, целовал в белокурые колечки волос, смотрел в глаза, потом так же бережно укладывал, и неделю, а то и две — три в их комнате не было слышно скрипа его ботинок, выветривался запах его табака. И если б не старая черная шинель, висевшая в маленькой передней, и не его фотография на столе, можно было подумать, что папа никогда и не жил тут и его вообще не было на свете.

Правда, мама говорила, что папина подводная лодка ушла в поход и вернется он не скоро, но легче от этого Маринке не становилось.

Зато мама не уходила ни в какие походы, а только в школу за два квартала, где учила ребят, каждый день была дома, и помогала Маринке не вспоминать, не грустить о папе, который сейчас плавает где-то в Ледовитом океане и «отрабатывает», как выражаются военные моряки, свои задачи.

А потом все в Маринкиной жизни перевернулось. Заболела мама.

Ее увезли в больницу так внезапно, что Маринка, очутившись в пустой комнате одна, в первые минуты ничего не понимала. Как все случилось непоправимо быстро и просто! По словам Женьки, вчера утром мама пошла с ребятами на экскурсию к Чаячьей губе и там рассказывала о строении горных пород, о течениях и ветрах. В воде у берега лежали некогда сорвавшиеся с гор валуны, и по ним лазали мальчишки. Мама велела всем сойти на берег. Сошли все, кроме одного. Желая похвастаться своей ловкостью, он прыгнул на самый дальний камень, но поскользнулся, бултыхнулся в воду и сразу стал тонуть.

Девочки подняли визг, и Маринкина мама, долго не думая, сбросила с себя пальто, туфли с ботами и в одних чулках кинулась по валунам к крайнему камню. Течение далеко отнесло мальчишку, и когда Маринкина мама бросилась за ним в воду, его уже не было видно: утонул. Она несколько раз ныряла в том месте, где он исчез, нашла, выплыла с ним на берег, тут же растерла его и отвела домой.

Все, что было дальше, Маринка знала сама. Она очень удивилась, увидев маму в мокром платье, с мокрыми волосами. Мама

быстро переоделась во все сухое, выпила горячего чаю с малиновым вареньем, легла, укрывшись двумя одеялами, да еще попросила Маринку набросить поверх старую папину шинель.

Но два одеяла и шинель не могли согреть ее. Маринка отчетливо слышала, как мамины зубы выбивают мелкую дрожь. А к вечеру поднялась высокая температура. Наутро тетя Маша сбегала в поликлинику за врачом, и вот «Скорая помощь» увезла маму в больницу. Маринка видела, как маму по лестнице сносили в носилках две санитарки в белом, и она, покорная, неподвижная, присмиревшая, лежала под одеялом и смотрела на нее, Маринку, своим больным, измученным взглядом. Ее снесли по той самой лестнице, по которой еще позавчера легко взлетала она, постукивая каблуками по ступенькам, и Маринка из комнаты всегда узнавала ее: других таких шагов не было в их подъезде.

Маринка подслушала у двери, как врач говорил тете Маше:

— Гриппозная пневмония... Организм молодой... Скоро встанет на ноги.

Открылась задняя дверца, носилки с мамой вдвинули в машину, и белый длинный «ЗИЛ», захлебываясь плачем сирены, понесся по улице.

— Идем,— сказала тетя Маша и повела девочку вверх по лестнице.— Полежит твоя мама, отлежится и снова будет учить ребят и плавать в бассейне.

— Будет?

И слезы у Маринки подкатились к глазам.

— Конечно, будет! Она ведь такая молодая еще, и здоровая, и упрямая...

— Да, верно,— согласилась Маринка.

И вот она очутилась в опустевшей комнате. Папы тоже не было в городе: он ушел на подводной лодке в далекий рейс, и сейчас его где-то качают волны Баренцова моря. Мама в больнице, а он ничего не знает. Вдруг в комнате что-то зажужжало и стукнуло ее в ногу. Маринка вздрогнула. В ее ботинок уткнулся маленький заводной автомобиль и, вращая всеми своими колесами, норовил перепрыгнуть ботинок. Маринка отдернула ногу, и машина, насколько хватило завода, проехала по полу и остановилась под столом.

Маринка улыбнулась и бросилась за автомобилем. Сквозь приоткрытую щель двери на нее смотрел Женька. С ним она всю жизнь не ладила. То они воевали за приблудного черного с белыми лапками котенка Великана: Женька решил сделать из него шофера своего огромного самосвала и, привязав к кабине, возил по квартире. А Маринка хотела совсем другого: как бы понаряднее сшить для котенка платьице... И от этого происходило много свар. То Женька нашел в кухне ее книжку с картинками и так разрисовал цветными карандашами, что девочка два дня всхлипывала от обиды и не могла успокоиться.

Дверь отворилась пошире, и Женька вошел.

— Идем к нам,— сказал он,— будем строить ветряную мельницу.

— И она будет крутиться?

— Конечно, будет. Только не от ветра.

Усевшись за столом, они мастерили из железных планочек, колесиков и винтиков «Конструктора» ветряную мельницу, а потом подъемный кран и самолет. А когда пришло время обедать, обедали вместе. Вечером тетя Маша уложила Маринку спать, пожелала ей спокойной ночи, и девочка спокойно проспала до самого утра.

С этого дня девочку кормила, поила и укладывала спать тетя Маша, а забавлял Женька. Но все равно жить без папы и мамы было очень грустно.

— Выше нос,— командовал Женька,— скоро отец с моря приедет... Знаешь, кто он у тебя?

— Знаю,— отвечала Маринка.— Он подводник. Командир.

Женька ехидно морщил нос.

— И все?

— А что еще? Капитан-лейтенант, четыре звездочки.

Женька покатывался со смеху.

— Он хороший командир. Может, самый лучший в соединении.

— Ну! — ахала Маринка.

— А то как! И самый молодой.

— Это мой папа-то? — На этот счет у Маринки было свое, особое мнение.

— Твой... Он даже получил благодарность от самого командующего всем Северным флотом.

Они гуляли по улице, кривой, горбатой улочке городка, расположенного на склоне сопки. Отсюда была видна губа и пирсы базы. Женька шел, засунув руки в карманы, и говорил:

— А ты что, и не слыхала ничего?

— Нет,— вздыхала Маринка.

— А подводную лодку-то от эсминца отличишь?

Девочка пожимала плечами.

— Не знаю.

— Ну вот скажи мне, который из этих кораблей подводная лодка?

Маринка долго вглядывалась в суда, стоявшие у пирса и поодаль на рейде, морщила лоб, шевелила губами и наконец ткнула пальцем в узкое длинное судно возле берега.

Женька рассмеялся.

— Да это баржа. Баржа-самоходка. Она десанты возит, ну, танки еще и пушки.

И вдруг Маринке жгуче захотелось увидеть подводную лодку, ту самую лодку, на которой уплыл и должен возвратиться с моря папа.

— Нет их сейчас тут,— сказал Женька,— на учениях все.

И все же попутно он немного просветил ее: показал огромные серые эсминцы с тонкими мачтами и пушками, торчащими из крутых башен; маленькие торпедные катера — они, как жучки, проносились по воде, оставляя за собой легкий пенистый след, большую и плоскую плавучую казарму, в которой живут моряки...

Тут же, на берегу Чаячьей губы, куда они скоро спустились, Маринка узнала, что Женька будет подводником, и его лодка побьет все рекорды: нырнет под воду у Чаячьей губы, а вынырнет, распугивая китов, где-нибудь у знойной Африки, и хотя, конечно, девчонкам нечего делать на боевых кораблях, он уж по знакомству, так и быть, распорядится, чтоб ее, Маринку, пустили на борт лодки.

— Ведь хочешь со мной поплавать?

— Уй, как хочу! Только долго ждать, а?

— Ничего не долго.

— А сколько?

Она восторженно синими глазами смотрела на будущего командира.

Женька покусывал губы, подсчитывая.

— Года так три — четыре.

— Ну, это еще ничего,— утешилась Маринка.

Приезд отца всегда радовал ее. Но что творилось с нею в этот раз, когда через три дня папа вернулся из похода! Он неслышно вошел в комнату, громадный, смуглый, добрый, чуточку незнакомый после долгого отсутствия, и она бросилась к нему в руки:

— Папа, папочка!

Он поднял ее с пола, тронул губами волосы. Она хотела обо всем по порядку рассказать про маму, но папа все уже знал. Он снял шинель и фуражку, повесил в передней на вешалку, сел на диван и вытащил из кармана скомканную газету «На страже Заполярья».

Опершись локтями о валик дивана, он полчаса, наверное, смотрел в одну заметку и никак не мог ее прочитать, и Маринка заметила, что в том месте, куда он пристально смотрел, медленно расплывалось мокрое пятнышко.

Девочка посмотрела на потолок. Нет, он был совершенно сухой.

— Папа,— спросила Маринка,— ты что?..

— Ничего,— сказал он,— поход был трудный. Устал.

Он отложил газету, заходил по комнате, зачем-то тронул корешки книг на этажерке, щелкнул по циферблату будильника, опять сел на диван. Жестом подозвал к себе Маринку, посадил на колено и спросил:

— Как жилось без мамы? Не скучала?

— Нет,— сказала Маринка,— не скучала. Мне было весело. Только вот мама...

— Ясно,— проговорил папа.— Ты у меня молодец. Так и нужно...

На завтрак он принес из магазина четыре пирожных, брикет масла, черный и белый хлеб и поставил на керогаз в кухне чайник. Масло он намазывал ей толщиной в хлеб, в чашку клал по четыре куска сахара и все время смотрел на нее.

А когда Маринка укладывалась спать, он поправил ее одеяло и, мягко держа в своих огромных руках ее голову, опять долго-долго смотрел ей в лицо, и глаза его остро блестели, а потом опустил руки и как-то тихо, как-то осторожно сказал:

— А теперь спи... спи, Лида...

Девочка уставилась на него большими глазами.

— Я Маринка,— тихо ответила она, потому что Лидой звали не ее, а маму.

— Спи, Маринка, спи...

Утром девочка слышала, как папа говорил в передней тете Маше:

— Спасибо, Марья Павловна... Мы так стесняем вас... Но что ж мне еще делать? Положение мое безвыходное... Родственников поблизости нет...

— Что вы, что вы, Сергей Александрович! — отвечала тетя Маша и сморкалась в платок.— Как вы можете так говорить? Я очень привязалась к Мариночке. Замечательная девочка... Вы только не стесняйтесь, оставляйте ее, если нужно. Я и вам могу варить обед.

— Спасибо,— говорил папа,— учту. Как хорошо, что вокруг нас люди. Настоящие люди.

В обед следующего дня папа зашел за Маринкой, взял ее за руку и повел по улице. Впервые в жизни попала она в офицерскую

столовую. Папа повесил на крючок ее пальтишко, на тот же крючок повесил свою длинную черную шинель. На полочку сверху он положил фуражку с золотым крабом и усадил Маринку за стол. За ним уже сидели два офицера, Маринкины знакомые, бывавшие у них дома.

Пока папа ходил в буфет, девочка серьезно беседовала с ними.

За соседними столиками тоже было немало знакомых, они улыбались ей, помахивали руками. Папа поставил на стол стакан сметаны, положил рядом два оранжевых апельсина, и Маринка принялась за еду.

— Ну как?.. Как? — спросил белобровый лейтенант.

Папа пожал плечами и провел мизинцем по столу.

— Плохо.

Маринка не донесла ложечку сметаны до рта и вскинула голову:

— Что плохо, па?

Папа досадливо сморщил лоб.

— Сметана капает на стол, платье испачкаешь... Аккуратней ешь... Сейчас суп принесут.

— А что плохо? — опять спросила она.

Папа смотрел в стол.

— Лодку плохо убрали сегодня... От начальства нагоняй.

— А-а-а...— протянула Маринка и, успокоенная, принялась быстро есть сметану, пачкая губы и подбородок.

Больше папа ни с кем не говорил о подводных лодках, и только после обеда, когда Маринка одевалась, товарищи отозвали его в сторону, и они о чем-то разговаривали вполголоса.

Но папе, видно, некогда было водить ее каждый день в столовую, и домой к ним приходил молодой краснощекий матрос с папиной лодки. Он приносил еду в специальных алюминиевых судках, наливал ей в тарелку суп и, прищелкивая пальцами, торжественно объявлял:

— Явился по приказу командира!

Матрос садился рядом на стул и, пока девочка ела, рассказывал, что в большие штормы, когда лодку здорово качает на волнах, суп то и дело выплескивается из мисок, и нет никакой возможности подзаправиться, и поневоле приходится лодке погружаться в глубину моря, где не качает и можно спокойно поесть.

Ела Маринка без особого аппетита, то и дело откладывала в сторону ложку. Тогда матрос, пугая девочку, таращил глаза:

— Явился по приказу командира!..

— Марина Сергеевна, пользуйтесь случаем, что нет шторма. А то как ударит! — Он брал в руки тарелку и принимался так топать ногами — грохот волн — и покачивать тарелку — сильная качка,— что рисовый суп едва не выливался через край.— Скорей бери ложку!

Она хватала ложку и поспешно погружала в суп.

Матрос был такой разговорчивый и знал столько смешных историй из жизни подводников, что Маринка сама не замечала, как съедала все, и случалось, матрос даже подливал ей из судка. Иногда приходил другой матрос, долговязый, с хмурым лицом. При виде Маринки он преображался, брал под козырек, уморительно гримасничал.

После обеда он давал ей поиграть бескозырку с двумя черными ленточками, похожими на девчоночьи косы старшеклассниц,

и рассказывал про свой аул в горах Дагестана, где родился и где у него жила такая же маленькая, как Маринка, сестренка, только волосы и глаза у нее темные.

Чтобы Маринка не смеялась все время, но и ела, он на несколько минут умолкал, и опять его длинное и смуглое лицо становилось хмурым и скучным. А потом все начиналось сначала: он говорил, собирая судки, а она хохотала. И внезапно замолкала, точно пугалась такого громкого и счастливого смеха.

ГЛАВА IV

ОПЯТЬ В МОРЕ

Шли дни. Маринка все сильнее тянулась к отцу и, казалось, ни минуты бы не могла прожить без него. Она терпеливо ждала, когда он вернется с работы, и, чтобы убить время, рисовала в альбоме цветными карандашами разных зверюшек с обезьяньими хвостами и птиц с кривыми клювами и с хохолками на голове. Таких зверюшек и птиц, наверно, и в природе не было, и Маринка сама их выдумывала. Когда фантазии не хватало, она принималась выдумывать разные платья для своих кукол, и если бы она могла сшить их из материи, куклы были бы очень довольны.

Как-то вечером папа сказал ей:

— Меня, Маринка, два дня не будет дома.

Она испуганно посмотрела на него.

— Ну, чего ты, чего?.. Всего два дня, и вернусь.

— Опять в море?

— Да.

И он рассказал, что его подводная лодка на два дня уходит на полигон, а говоря просто, уходит в море на торпедные стрельбы.

— Учиться? — спросила Маринка, вспомнив, как однажды на Маячной сопке папа рассказывал ей об учении эсминцев.

— Ага,— ответил папа,— и высшее командование будет ставить нам отметки за быстроту поиска «противника» и точность попадания в него торпедами, совсем так же, как ставила отметки своим ученикам мама.

Маринке сразу стало весело. Но вдруг она поняла, что никак не сможет остаться дома одна на целых два дня.

— Возьми и меня с собой. Мне страшно одной!

— А тетя Маша? А Женя? Они ведь твои друзья.

Маринка задумалась.

— А меня взять нельзя?

— Никак, Маринка. Это военный корабль. Туда маленьких детей не берут.

— А ты меня спрячь, а? Незаметно возьми.

— О, ты уже большая. Тебя в кармане не унесешь.

Маринка улыбнулась, помолчала, потом спросила:

— А под водой плавать мокро?

— Почему же? Нет... Это рыбам и нерпам мокро, а мы ведь плаваем внутри корабля. Там у нас сухо, светло, тепло.

— А рыбу там ловить можно? Высунул руку и поймал за хвост треску.

— Рыбу не поймаешь, ведь лодка герметически задраена, закупорена, понимаешь, плотно. Ни одна капелька забортной воды не должна просачиваться внутрь.

Маринка посмотрела на отца и вдруг заплакала:

— Папа, не уходи!

— Не могу, доченька. Таков приказ.

Он погладил ее по мягким волосам.

«Ну что ж,— подумала Маринка,— ничего не поделаешь. Раз нужно, так нужно. Папа врать не будет».

И Маринка отпустила папу на его подводную лодку, которая только так называется — лодкой, а на самом деле является боевым, грозным кораблем.

Папа разрешил ей проводить его. Он поплотнее завязал на ее шее шарф, велел получше затянуть шнурок на левом ботинке, и они вышли из дому. Папа был в своей шинели с золотыми нашивками на рукавах, а на Маринке была неизменная вязаная шапка с шариком на макушке, меховая шубка, на руках связанные мамой варежки.

— А домой дорогу найдешь?

— Найду.

Да и как не найти домой дорогу, если Маринка сотни раз вдоль и поперек обегала с Женькой городок, а потом она и с мамой не раз провожала папу в базу!..

Дорога шла вниз мимо громадных светлых зданий, упиралась в высоченный дом, сворачивала влево. Папа с дочкой прошли вдоль плотного забора с колючей проволокой вверху и остановились возле проходной — зеленого домика с одним оконцем и дверью. В дверях с автоматом в руках стоял матрос в коротком черном бушлате, в бескозырке. Увидев папу, он чуточку вытянулся и козырнул.

— А теперь домой.— Папа поднял Маринку, поцеловал, опустил на землю и шагнул к двери.

У двери он остановился и посмотрел на дочку.

— Ну, иди.

Маринка стояла и смотрела на отца.

Сколько раз провожала она с мамой его

вот до этих дверей! Папа прощался, кивал или жал руки и проходил внутрь, туда, к берегу губы, к пирсам и военным кораблям, а они с мамой оставались вот тут, перед дверью.

Там была его служба, его товарищи и подчиненные, оттуда он уходил в морские походы, а вот Маринка ни разу еще не перешагнула порога в этот взрослый, неведомый ей мир. Папа и живет ради того, чтоб каждый день входить в эти двери и что-то делать за ними.

— Чего ж ты не идешь? — спросил папа.— Я не могу с тобой.

— Хорошо, я пойду,— сказала Маринка.— А ты скорее возвращайся.

— Есть! — ответил папа.

Она отвернулась и со склоненной головой, медленно пошла по дороге вверх, не очень уверенно переставляя тонкие, в больших ботинках ноги. Теперь ветер дул с губы, дул ей в спину, и папа долго смотрел на дочку. Дойдя до газетного киоска, Маринка вдруг повернулась к нему и застыла.

К горлу подступил сухой комок. Он помахал ей, и она ответила ему маленькой ручкой в синей варежке, связанной мамой. Лицо его вздрогнуло, он глотнул воздух и быстро шагнул через порог проходной.

В дверях стоял матрос в коротком черном бушлате.

ГЛАВА V

СВИДАНИЕ

По тротуару двигались две тени: одна — огромная, медленная, вторая — маленькая и быстренькая, легко перебиравшая тонкими ножками. Это были Маринка с папой. Они шли к высокому каменному дому — больнице, где лежала мама.

Как и всегда, навстречу им попадалось много моряков, и если на погонах у них были золотистые матросские или старшинские лычки или маленькие офицерские звездочки — не больше четырех, они первые, отдавая честь, вскидывали к виску руку. Если же на погонах у офицеров лежала одна, две или три большие звезды и они по званию были старше папы, он первый отдавал честь.

Маринка всегда удивлялась: идет папа и вроде глядит под ноги, а все замечает, всех встречных моряков видит, и, кажется, не было случая, чтоб он зазевался и не отдал честь.

Они вошли в вестибюль, получили старенькие, залатанные халаты. Папа неуклюже просовывал руки в рукава халатика, и тот натягивался и трещал. Папа был смешон в нем: на спине халат не сходился, обшлага синего кителя с золотыми нашивками торчали из коротких рукавов. Няня надела и на Маринку халат и, чтоб он не волочился по полу, подоткнула и закрепила английской булавкой.

Вторая тетя в белом сказала им, в какую палату перевели маму, и они неслышно зашагали по ковровой дорожке длинным коридором с белыми дверями и фикусами у огромных окон. Папа шел и читал таблички с номерами на дверях.

У одной двери они остановились.

— Кажется, здесь,— сказал папа, оглянулся и переступил с ноги на ногу.

— Ну открывай,— проговорила Маринка.

— Подожди,— ответил папа,— сейчас...

Он проглотил слюну, пригладил на макушке волосы, взялся за медную ручку двери, и Маринка вдруг увидела, что все лицо у него мокрое.

Маринке надоело ждать, и она нажала на ручку. Скрипнула дверь, они вошли в маленькую белую палату и остановились. Койка, стул, тумбочка. Из-под одеяла на них смотрели огромные запавшие глаза. Синие, они были так заметны на фоне белизны подушки, простыни и стен, что внутри у Маринки что-то стиснулось, и она схватила папу за руку.

Зашевелилось одеяло, из-под него медленно вылезли две тонкие руки и потянулись к ней.

— Маринка...— раздался знакомый тихий голос, и Маринка только теперь окончательно поверила, что они не ошиблись дверью и это мама.

— Мама! — закричала Маринка.— Мама! — И бросилась к ней, уткнулась лицом в ее руку и всхлипнула.

Папа повесил на спинку стула сетку с апельсинами и, легонько отстранив Маринку, склонился над мамой. За его спиной с болтающимися тесемками халата девочка не видела маму. Она видела одну только руку ее, тонкую, точно высохшую, с вспухшими синими жилами и легкой синевой под ногтями. Она лежала на краю койки, до странного неподвижная, прозрачная, сухая.

Потом папа чуть приподнялся, тронул разбросанные по подушке мамины волосы и произнес:

— Крепись. Крепись, мальчишка...

Это было непонятно Маринке, но он часто называл маму мальчишкой, и она всегда улыбалась ему, точно была очень довольна этим. Ни за какие деньги не хотела бы стать Маринка мальчишкой, ну, ни за какие! А мама еще была довольна! Улыбнулась она и на этот раз, а может, и не улыбнулась, а только хотела: губы ее дрогнули в уголках и показали на мгновение кончики зубов, и все лицо вдруг, совсем как недавно у папы, стало влажным, и папа вытер его краем полотенца, висевшего на спинке койки.

— Вот я и вернулся,— сказал папа.

«Какой он чудной,— подумала Маринка,— говорит о таких пустяках! Как будто и без того не видно, что он вернулся с моря».

Мама кивнула ему. Губы у нее спеклись и шелушились от жара.

— Хорошо,— очень тихо сказала она, но Маринка все слышала.— Я так рада... А то, знаешь, дурочка, все боялась, что ты не успеешь с моря прийти, и я... я...

Папа вдруг почему-то рассердился.

— Лида,— глухо сказал он,— чтоб больше об этом ни слова! Все будет отлично.

— Если хочешь, буду думать так.— Голос ее звучал все слабее.— Ни о чем другом я и не мечтаю. Я б так хотела, чтоб все случилось, как ты говоришь. Ну, расскажи, расскажи, как прошли торпедные стрельбы... Как твои ребята? Ваньку Озолина не укачало на этот раз? А как справляли под водой день рождения электрика Мухина?

Мама знала весь экипаж папиной подводной лодки: офицеров, старшин, матросов.

— Удачно отстрелялись,— сказал папа, поглаживая подбородок,— торпеды прошли под целью.

Мама смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Побрился,— сказала она,— час тому назад побрился, знаю. Ведь у тебя через два часа уже чернеют щеки... Ты у меня молодец... — И дальше она заговорила совсем тихо, почти беззвучно, одним дыханием, но Маринка и на этот раз все услышала: — Ой, как у меня голову ломит, если б ты знал...

Она кончиком языка облизнула губы.

Папа сидел рядом, сидел на кончике стула, и большие руки его тяжело свисали вниз.

— Дал бы свою тебе,— медленно сказал он,— дал бы, если б можно было...

— Знаю, дал бы...— с трудом проговорила мама.— Ты такой, что дал бы... У нас с тобой все хорошо было. Жаль только, что так недолго.

Папа опять стал сердиться.

— Не надо об этом. Ты слышишь, что я говорю? Так еще нам долго будет. Очень долго.

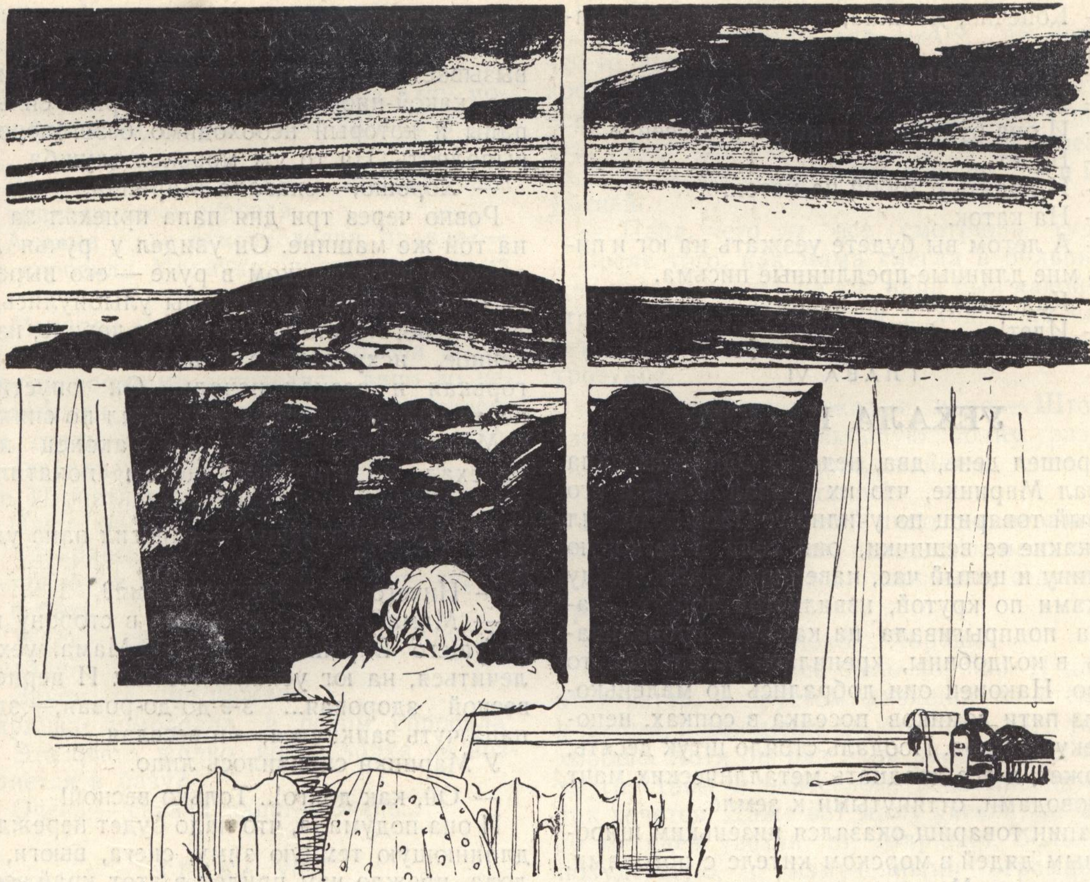
Мама поудобней поправила на подушке голову, закрыла на миг глаза, и Маринка вдруг увидела, что, как и ногти, веки у нее с синеватым оттенком и все исхудавшее, измученное, обтянутое бледной кожей лицо покрыто слабыми, прозрачными пятнышками теней. И Маринке захотелось заплакать.

Но она не заплакала. Она слезла с краешка койки и подошла к окну. Бурые голые сопки, холодные и неопрятные, закрывали полнеба, и на их черноватом фоне промелькнули две чайки — единственный светлый проблеск. Промелькнули и скрылись.

И пока она стояла так у окна, упираясь подбородком в твердый подоконник, за спиной ее слышались голоса.

— Так рано!— говорила мама.— Это непостижимо. Ерунда какая, простудилась. Думала, что как с гуся вода все, что я закаленная, а оказывается...

— Замолчи! — вдруг крикнул папа и резко отодвинулся от койки.— Это неправда!

Маринка подошла к окну. Бурые голые сопки закрывали полнеба.

Пустяковая болезнь... При теперешней науке... Пенициллин и...

В палату неслышно вошла сестра.

— На сегодня хватит,— тихо сказала она.— Больная утомилась.

Папа тотчас встал, халат треснул под мышками, а сзади смешно заболтались тесемки. Маринка поймала нижнюю тесемку рукой, дернула, и все трое — мама, папа и Маринка — негромко засмеялись. Не смеялась только сестра.

Маринка подбежала к койке.

— Мам, ты скоро вернешься?

— Теперь уже скоро. Ну, иди, иди.

Она шла с папой по тихому коридору, потом по лестнице они спускались вниз. Внизу папа снял и отдал гардеробщице оба халата, помог Маринке надеть пальто. Потом натянул свою шинель, молча застегнул ее на все медные пуговицы, взял дочку за руку и, высокий, негнущийся, вышел из больницы и повел Маринку по улице.

Если раньше, когда они шли сюда, папа смотрел под ноги, то сейчас он смотрел прямо перед собой. Вдруг Маринка увидела контр-адмирала. Он вышел из-за угла, широкий и быстрый, с золотыми коваными погонами и огромной звездой на них. Папа шел прямо на него и смотрел вперед. Маринка дернула папу за руку. Контр-адмирал быстро посмотрел на них, козырнул и пошел дальше.

— Чего тебе? — спросил папа.— Иди спокойно.

— Посмотри, кто пошел, посмотри... Он тебе честь отдал.

Папа обернулся.

— Видал?

— Пошли.

Темные, грязноватые облака тянулись по небу, с Чаячьей губы задувал сильный, пронизывающий ветер.

Они поднялись по лестнице к своей двери, и папа долго двигал и крутил в скважине ключ, прежде чем открыл дверь.

Потом они молча пили чай.

— А мама скоро вернется? — первая нарушила молчание Маринка.

— Скоро... Должна скоро... Должна, правда? — спросил папа, словно ища у дочери поддержки и подтверждения своим мыслям.

— Конечно, должна,— успокоила его Маринка.

— И ее поставят на ноги.

— Поставят.

— И она будет еще плавать в бассейне.

— Будет.

— И ходить с тобой на каток.

— На каток.

— А летом вы будете уезжать на юг и писать мне длинные-предлинные письма.

— Каждый день по письму!

— Идет!

ГЛАВА VI

УЕХАЛА НА ЮГ

Прошел день, два, неделя. Однажды папа сказал Маринке, что их позвал в гости его старый товарищ по училищу. Папа захватил кое-какие ее вещички, они сели в легковую машину и целый час, наверное, ехали между сопками по крутой, извилистой дороге. Машина подпрыгивала на камнях, проваливалась в колдобины, кренилась то вправо, то влево. Наконец они добрались до маленького, из пяти домиков поселка в сопках, неподалеку от моря. Поодаль стояло штук десять, а может, и все двадцать металлических мачт с проводами, оттянутыми к земле.

Папин товарищ оказался низеньким широченным дядей в морском кителе с погонами. Он подарил Маринке маленькие часики со стрелками. Сбоку находилось колесико, стоило его покрутить, как внутри часиков что-то трещало и по циферблату двигались стрелки. Дядя тут же надел ей на руку часы и застегнул пряжку.

Они поели и разрешили Маринке одной выпить целую банку консервированного компота. Потом втроем вышли во двор. Вокруг темнели большущие, покрытые ржавыми пятнами осеннего мха камни, тоненько журчал ручей, а где-то не очень далеко, за громадной гранитной глыбой, прикрывавшей домики, грохотало Баренцово море...

— Нравится тебе здесь? — спросил папа.

Маринка не знала, что ответить.

В это время в дверях ближайшего домика появился матрос.

— Товарищ капитан-лейтенант,— громко сказал он,— вас вызывает Матросск.

Папа с низеньким дядей переглянулись. Папа быстро вошел в домик, очевидно, к телефону, но скоро вернулся.

— Контр-адмирал срочно требует,— сказал он устало.— Придется тебе дня два —три здесь побыть, дочка. А я скоро вернусь.

Маринка угрюмо смотрела на него.

— Хорошо?

Ну что тут можно ответить папе, если его вызывает сам контр-адмирал? Опять, наверное, какой-нибудь приказ, который сильней папы и который необходимо безоговорочно выполнять. На то уж морская служба...

— Хорошо,— сказала Маринка.

Ровно через три дня папа приехал за ней на той же машине. Он увидел у ручья Маринку с пароходиком в руке — его вырезал ей один матрос. Губы папы улыбнулись, но лицо у него было какое-то все черное, измученное, исхудавшее, а в глазах застыла горькая и резкая печаль. Он опустился перед ней на корточки, похлопал по спине, и у Маринки от радости, что наконец папа приехал, по круглым щекам покатились слезы.

— Что ты плачешь? — спросил папа удивленно.

— Ничего... А мама уже дома?

— Мама...— Он посмотрел в сторону грохочущего Баренцова моря.— Мама уехала лечиться, на юг уехала. На юг. И вернется весной здоровая... з-з-до-до-ровая,— здесь папа чуть заикнулся,— и веселая.

У Маринки скривилось лицо.

— Ой, как долго!.. Только весной!

И она подумала, что надо будет пережидать длиннющую темную зиму, снега, вьюги, холода, прежде чем придет в этот край весна, и станут таять сугробы, и побегут ручьи...

По той же дороге они вернулись в Матросск, и для Маринки началась одинокая и скучная жизнь, полная раздумий и ожиданий весны. Женька бегал за ней по пятам, веселил ее, выдумывал разные игры. Тетя Маша по-прежнему готовила еду и, если папы не было дома, укладывала спать. Женькин отец и муж тети Маши, дядя Петя, играл с ней в детский китайский бильярд и обещал сводить на свой корабль.

Как-то Маринка гуляла с Женькой у дома. Рядом остановились две женщины с продуктовыми сумками.

— Ох и жизнь здесь,— сказала одна,— земля не принимает! Вот, сказывают, когда хоронили ту, ну, помнишь, молодую,— могилу взрывчаткой рвали, лопата не берет — камень. И под гроб камни, и на гроб камни. И памятник заказывать не нужно — готовый...

Маринка заметила, что Женька пытается оттащить ее от этих женщин и тянет за руку.

— Ты чего? — спросила она.

— Ничего,— грубовато сказал он,— хватит уже, нагулялись.

Вечером Маринка спросила у папы:

— А здесь и могилы взрывают?

Папа тревожно посмотрел на нее.

— Тетеньки две говорили, когда одну молодую хоронили, рвали... Все камень и камень.

— Это верно,— сказал папа, опуская голову,— природа здесь суровая.

— А мама у нас тоже молодая, правда?— вдруг спросила Маринка, присаживаясь на пол.

— Молодая,— проговорил отец,— молодая... —И совсем неожиданно плечи его с золотыми погонами затряслись, лицо до неузнаваемости исказилось. Он тут же отвернулся, странно дернул головой, будто отгонял надоедливую муху, и повернулся к Маринке. И опять лицо его стало прежним.

— Папа, ты что? — вскрикнула она.

— Товарища вспомнил,— сказал он тихо,— погиб на войне. Лодка его не вернулась в базу...

— Жаль,— сказала Маринка.— Хочешь, я заплачу?

— Зачем же... не нужно...

Маринка помолчала, а потом спросила:

— Это очень жалко, когда лодка не возвращается в базу?

— Очень,— сказал папа.— Очень...

ГЛАВА VII

НЕ ПОГАСНЕТ, НЕ ЗАМЕРЗНЕТ

Папа ходил по комнате и останавливался то у этажерки с книгами, то у маминого столика с флакончиками и коробочками, то подолгу смотрел в черное окно. Маринку он словно не замечал, и ей это нравилось. Если б дома была мама, давно б уже гнала спать.

И только девочка подумала об этом, как ее мысль сразу передалась папе.

— Маринка,— сказал он,— спать.

Она вздохнула и скривила брови.

— А почему ты не спишь?

Папа смотрел в окно и отвечал, не оборачиваясь:

— Я большой, могу лечь попозже.

— Почему?

— Вот вырастешь такая, как я, тоже будешь ложиться позже.

Маринка вдруг подумала, что ни разу не видела, как папа и мама ложатся спать. Они укладывали ее, она быстро засыпала, а когда просыпалась утром, они уже ходили по комнате, точно и не ложились.

— Хорошо,— сказала Маринка,— лягу.

Но папа, кажется, не слышал ее. Он все смотрел в свое окно, как будто там было что-то интересное. А там не было ничего, кроме ветра, темных сопок и туч. Иногда вспыхивал прожектор, и на вершинах сопок был виден снег, потом полоса света исчезала, и за окном становилось еще темней и неуютней.

— Папа, чего ты все смотришь туда?

После того, как мама слегла в больницу и ее увезли лечить на юг, папа был какой-то странный: редко смеялся и ходил по паркетному полу, точно по скользкому льду на тротуаре.

— Просто так,— сказал папа.— Шторм начинается, ветер большую волну разгонит... Ну, доченька, раздевайся.

— А плохо, что волны?

Папа повернул к ней лицо с синеватыми пятнами под глазами, подошел к маминому столику и потеребил на коробочке с духами красный хвостик.

— Почему же плохо?.. Хорошо.

У папы всегда все было хорошо. И даже этот ветер, с хрустом давящий на стекла, и шторм, и хождение по комнате — это тоже хорошо. Хотя бы раз папа рассказал о чем-то грустном и невеселом, ведь иногда это так хочется. Даже вот маму увезли, на много месяцев увезли от Маринки, больную, похудевшую, с измученными огромными глазами, увезли на юг, а папа и не пожалел ее при Маринке, не сказал, что без мамы им так плохо...

Последние мысли пришли ей в голову, когда она уже засыпала. Ей приснилось, как они с папой однажды лазили на крутую Маячную сопку и как мама ругала его за то, что он мог там простудить Маринку. Потом с сопки покатились камни, рассыпаясь и превращаясь на лету в зайцев и волков, и те разбегались в стороны. Затем с воды поднялась чайка, крикнула, внезапно стала реактивным самолетом, и он с раскаленным шипучим свистом пронесся над их домом. А потом ее папа, высокий и строгий, стоя на подводной лодке, махнул рукой, и лодка начала медленно погружаться в море. Вот уже он по грудь стоит в воде, по плечи, одна голова в фуражке с золотым крабом уже видна Маринке. А потом исчезла и она, все смешалось, исчезло, утонуло...

Проснулась Маринка от легкого скрипа паркета.

Было совсем темно, окон не видно, и в этой темноте кто-то все ходил и ходил.

— Па!..— слабо позвала Маринка.

Шаги раздались ближе, и над самым ее лицом склонился кто-то большой и темный, и мягко прозвучал папин голос:

— Что ты, Маринка?.. Надо спать... Спи...

— Хорошо,— сказала она,— буду спать, только ты не ходи в темноте...

— Не буду.

Маринка услышала, как папа раздевается, и опять уснула.

И все же уснула ненадолго. В комнате что-то стукнуло. Она открыла глаза. В передней горел свет, и тонкий лучик, пробившись сквозь щель закрытой двери, разрезал комнату надвое.

Девочка вскочила, спрыгнула в ночной рубашке на пол и открыла в переднюю дверь. Отец стоял в короткой меховой куртке и надевал фуражку. У Маринки все сжалось внутри.

— Папа, куда ты?

— Сейчас вернусь. Только сбегаю в базу и вернусь. Одно дело надо проверить.

Ей вдруг показалось, что папа что-то скрывает от нее. Сейчас он, как всегда, уйдет в море и долго-долго не вернется, и она останется одна в этой большой и пустой комнате.

— И меня возьми,— попросила она.— Я не хочу оставаться.

— Да я сейчас приду. Через полчаса.

Но Маринка вцепилась в полу его куртки и крепко держала.

— Возьми! Я не хочу одна...

Уговаривая ее лечь спать, убеждая, что на улице холодно и темно и все дети давно спят, он старался потихоньку оторвать ее пальцы от куртки, но не смог. Тогда он печально посмотрел на нее и вздохнул.

— Ладно. Одевайся.

Он помог ей надеть платье, шерстяную кофточку, натянул меховую шубейку и так сильно затянул на шее шарф, что Маринка с трудом могла повернуть голову. Завязав крест-накрест узел, папа сказал:

— Морским узлом, не соскочит.

Потом осторожно, чтоб никого в квартире не разбудить, прихлопнул дверь, и они стали спускаться по полуосвещенной лестнице. Как только вышли на улицу, на них навалился ветер. Он наверняка бы сбил с ног Маринку, если б папа не поддержал ее.

Ветер дул с моря, плотный, порывистый, и бросал в лицо острые, как стекло, снежинки. Мороз сковал лужи, покрыл ледяной коркой мокрые тротуары, и идти было очень скользко. По небу по-прежнему шарили прожекторы — их уже было два, в губе тревожно и заунывно гудел навигационный буй, извещая корабли об опасности, и Маринке, только что покинувшей дремотное тепло кроватки, было холодно и жутко в этом студеном и безлюдном мире.

Они прошли возле закрытого на замок книжного киоска, миновали огромный дом с темными окнами, свернули влево и пошли вдоль высокого забора к проходной, к маленькому домику со светящимся окошком, к дверям, которые всегда разлучали ее и маму с папой.

Ветер мешал дышать, мешал идти, мешал открыть глаза, такой он был тяжелый и резкий.

— Дыши носом,— приказал папа.

Чем ближе подходили они к проходной, тем явственней долетал до них грохот волн в губе. Он нарастал, становился все отчетливей, и уже можно было различить шипение пены и удары брызг о пирс.

— Папа,— спросила Маринка,— а море может замерзнуть? Что будет, если оно вдруг покроется льдом?

— Не замерзнет,— сказал папа,— оно никогда не замерзает.

— А этот маяк на сопке не погаснет? Ведь такой ветер!

— Нет. Не погаснет...

— Ну, а если такой мороз нападет и такой ураган налетит, тогда море замерзнет, а маяк погаснет? Да? Ну, скажи.

Папа кашлянул и крепче сжал ее руку.

— Все равно не погаснет. И не замерзнет...

Больше Маринка ничего не спрашивала у него.

Город словно вымер. Черные вершины сопок смутно виднелись в небе. Ревел, захлебываясь в плаче, навигационный буй. Грохот шторма висел в воздухе. Он то откатывался, то накатывался с бешеной силой. «И куда это папа так торопится?» — думала Маринка, то и дело повисая на его руке, когда ветер сбивал ее с ног,— никто, кажется, не звонил срочно из штаба, не вызывал, не прибегал за ним, как это случалось, матрос из базы и не докладывал четким голосом, что необходимо немедленно явиться на корабль.

Все спят, весь город спит, темные окна домов спят, звезды в небе спят, только не спит ревучий буй, да маяк, да прожекторы в небе, да она с папой. А еще не спит окошечко в домике у ворот, к которому они уже подошли.

Папа открыл дверь и быстро пропустил

Маринка боялась упасть, но рядом был папа.

внутрь Маринку. Матрос в полушубке, с автоматом на груди отдал папе честь и что-то сказал. Папа слегка нахмурился и, держа одной рукой Маринку, второй полез во внутренний карман куртки, вынул какую-то маленькую книжечку и показал матросу.

Матрос, насупив брови, раскрыл книжечку и посмотрел на крошечную фотокарточку папы, потом вернул папе и сказал:

— Проходите.

— Дочка моя,— чуть виновато проговорил папа, подталкивая вперед Маринку.— Одна осталась...

— Мама поехала на юг,— тут же бодро уточнила Маринка.

Папа быстро потянул ее за руку, и они очутились на пирсе — широкой и длинной площадке; на краю ее прыгали белые и красные огоньки. На столбах ветер мотал электрические лампочки, и по пирсу метались невнятные тени. В стенку его с размаху били волны, и высоко в воздух взлетали сверкающие в свете фонарей брызги.

Папа повел Маринку к прыгающим огонькам.

На волнах тяжело колыхалось большущее судно с мачтами и подъемными лебедками. А справа от него в два, три ряда стояли у пирса какие-то длинные, узкие суда с маленькими домиками посредине, очень похожие на спящих усталых китов.

Шторм сильно вскидывал их, встряхивал, волны перехлестывали суда, и яркие красные и белые огоньки на носах и домиках посредине тоже раскачивались в такт ударам волн. Стальные канаты, державшие их, надрывно скрипели. Вот-вот, казалось, оборвутся.

Брызги тут же замерзали на досках пирса, и папа с Маринкой то и дело поскальзывались на ледяных наростах. Маринка боялась упасть вниз, в шипучие, клокочущие волны, но рядом был папа, и его железная рука до боли сжимала ее ладошку.

Папа остановился возле одного такого кита. У трапа — легкой лесенки, перекинутой с пирса на спину кита,— стоял, кутаясь в полушубок, матрос с пистолетом-автоматом в руках.

Папа подошел к нему. Матрос козырнул.

— Я сейчас, подожди! — заглушая свист ветра, крикнул папа на ухо Маринке и торопливо пошел на спину кита по вздымающемуся и падающему трапу.

Ветер дул в лицо. Маринка съежилась и повернулась боком к губе. К ней подошел матрос в полушубке и ушанке, взял ее за руку, и Маринке сразу стало не страшно: рука у матроса была такая же крепкая и теплая, как и у папы. Теперь никакой ветер не сдует ее с ног!

— Что это? — спросила Маринка, показывая на кита.

— Где? — видно, не расслышав, переспросил матрос. Но потом, поняв, с кем имеет дело, улыбнулся и крикнул: — Это лодка... Подводная лодка.

Маринка только издали видала подводные лодки, и только днем, при свете солнца, и сейчас, ночью, вблизи, не узнала их.

— Ею твой папа командует.

И в эту самую секунду с лодки донесся приглушенный, но все же знакомый папин голос:

— Дать дополнительные швартовые концы!

На крыше домика появились какие-то черные фигурки. Стуча ногами о металл, они стали спускаться по лесенке на спину лодки.

— Дядя,— спросила Маринка,— а зачем давать концы?

Матрос нагнулся к ней.

— Это тросы так называются. Видишь, как ветер разыгрался? Чтоб лодку не било о пирс, нужно лучше закрепить ее тросами.

И он снова заходил у края пирса, как грудного ребенка, баюкая в руках пистолет-автомат. Больше Маринка не боялась, что ветер унесет ее в сопки, и была рада, что матрос отпустил ее руку.

Между тем на темной спине лодки, от носа до кормы, быстро задвигались силуэты людей, потом на домике пронзительно ярко вспыхнул глаз прожектора, и девочка поняла, что это никакой не домик, а рубка — она возвышается над корпусом, и на ней нарисована пятиконечная красная звезда и большая белая цифра.

Широкий луч прожектора освещал людей, которые отдавали по распоряжению папы дополнительные швартовые концы.

Зажглись прожекторы и на других лодках. Видно, и там решили получше укрепить свои корабли.

Потом папа по тому же качающемуся трапу сошел на пирс. Минуты три он постоял так, глядя на лодку, о чем-то поговорил с матросом. Корабль бросало гораздо меньше, это и Маринка видела. Она подошла к папе и громко сказала:

— Теперь лодку не побьет о пирс, да?

Папа засмеялся, не смог удержаться и матрос.

— Ну, Маринка, пойдем. Ты, я вижу, здорово разбираешься в морском деле. Тебя хоть командиром лодки назначай.

— Пожалуйста,— серьезно сказала Маринка.

И мужчины опять рассмеялись.

Папа взял дочку за руку.

— До свидания, дядя! — вежливо сказала девочка матросу.

— Спокойной ночи, Маринка.— Матрос помахал ей рукой и опять принялся ходить по краю пирса, баюкая на груди пистолет-автомат точно так, как Маринка баюкала своих кукол, чтобы они не кричали напрасно и скорее уснули.

— Ты не плакала? — спросил папа, когда они уже шли по городу.

Его вопрос показался ей странным: да как можно плакать, если рядом был такой добрый человек, этот матрос в полушубке!

— Нет,— сказала Маринка,— и не думала.

— Ну и хорошо. Умница.

Ветер свистел, не умолкая. В губе протяжно ревел буй. Дома стояли темные, и город казался безлюдным, незнакомым, чужим. Но так только казалось. Маринка впервые ступила, на полшага ступила в этот тревожный и суровый взрослый мир, мир, в котором надо вскакивать ночью и бежать на пирс, чтоб распорядиться получше закрепить подводные лодки; мир, в котором люди, рискуя своей жизнью, бросаются в ледяную воду, чтоб спасти других людей; мир, в котором действуют непреложные воинские приказы; мир, полный студеного ветра, шторма, острых брызг и неуюта, где не любят жалоб, уныния и слез...

Но сколько доброты и тепла разлито в этом суровом и жестком мире, как много в нем больших, настоящих людей! И, как эти воды, как эти огни маяков, не погаснет жизнь, не замерзнет.

— Слушай, Маринка,— сказал вдруг папа, повернувшись к ней лицом, когда они дошли до своего дома,— ты, я знаю, у меня храбрая девчонка.

— И теперь я ничего не боюсь,— гордо сказала она,— ну ничего-ничего. И ни разу не заплачу.

— Я хочу сказать тебе, Маринка... Хочу сказать...

Она вся потянулась к нему.

— Что, папа?

— То...— тихо произнес он и запнулся,— то, что у нас с тобой нет больше мамы.

Вначале Маринка не поняла.

— Совсем нет?

— Совсем...

— И не будет?

— И не будет. Она умерла.

Маринка уткнулась в его меховую куртку. Плечи ее вздрогнули. Но она не плакала. Она не могла плакать. Папа еще что-то говорил ей, но она не слышала: его слова заглушил дикий порыв ветра, и, чтоб дочка не упала, он подхватил ее на руки и понес к дому.

Ветер ураганной силы нес снег, в губе клокотала и пенилась вода, а над черными каменными сопками, окружавшими Матросск, спокойно и негасимо горели красные маячные огни.

Прошу ответить на вопрос...

И. ОРЛЕАНС

Перевод с английского **П. Грушко.**

Рисунки **А. Брея.**

Почему не носят папы
капюшоны вместо шляпы
и короткие штанишки,
как нормальные мальчишки!

* * *

Тень у каждой есть вещицы —
у горы, мяча и птицы,
у животных и растений...
Лишь у тени нету тени.

МЫЛО

Бывает мыло
разным —
зеленым, желтым,
красным.

Но отмывает
добела,
какой бы краска
ни была!

ДОСКА и тряпка

Ракушкой на белом
пишу я песке,
как будто бы мелом
на школьной доске:
«собака», «дорога»,
«машина», «рука»...
Словечек немного
я знаю пока.

Но вот набежала
на берег волна,
слова прочитала
и стерла она.

Как тряпка стирает
слова на доске,
так море смывает
слова на песке.

СКОЛЬКО надо ЛЕКАРСТВ!

Прошу ответить
на вопрос:
когда слоны
больны,
по скольку капель
в хобот-нос
врачи им влить
должны!

И где найти пипетки
для этих хоботов!
У вас, наверно, детки,
ответ уже готов!

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ—ДРУГ

Рисунки Ю. Копейко.

СКВОЗЬ БУРАН

Подполковник В. ВИРЕН

На полустанок поезд пришел поздней ночью. Остановка была короткой: казалось, паровоз только чуть замедлил ход, чтобы набрать новую скорость. Юрий Аминов спрыгнул на шпалы и осмотрелся: нет ли попутчика? Но лишь один дежурный железнодорожник, сунув сложенные флажки под мышку, бежал к крохотному домику, растирая на ходу уши.

Солдат решительно подтянул лямки вещевого мешка и зашагал в степь. До родной деревни было километров пять. Аминов уверенно шел по едва заметной дороге. Места ему знакомые! Сколько раз с мальчишками расставлял он здесь ловушки на сусликов!

Он шагал и думал: «Мать, небось, не спит, ждет...» Он еще третьего дня дал телеграмму, что едет в краткосрочный отпуск. Мысли перекинулись на другое: «А что, если бы я не знал этой дороги, как бы ориентировался? Звезд на небе не видно, деревья тут не растут, и компаса нет с собой...»

А буран между тем усиливался. Ветер не давал солдату идти быстро, рвал с него шинель, заставлял наклоняться и прятать лицо в воротник.

«Домового ли хоронят, ведьму ль замуж выдают»,— вспомнил солдат пушкинские строки, прислушиваясь к заунывному свисту степного ветра.

И вдруг ему показалось, что кто-то стонет. «Уж не волки ли воют? — подумал солдат.— Да вроде их тут давно не встречали».

Стон повторился... Солдат вынул фонарик, осветил дорогу и увидел полузанесенную снегом детскую калошу. «Да уж не заблудился ли кто?»

Аминов свернул с дороги и направил фонарик в сторону. В луче бледного света бестолково забегали, словно инфузории под микроскопом, колючие снежинки. И вдруг свет упал на фигуры сидящих людей. Две женщины и дети — мальчик и девочка. Щеки у девочки были белыми. Солдат быстро накинул шинель на плечи женщин и растер щеки девочке. Взяв детей за руки, Юрий направился в ближайшее село; оно было совсем в стороне от его родной деревни. Женщин пришлось оставить на месте: они совсем обессилели от многочасового скитания в степи.

Идти было тяжело: ноги вязли в сугробах, холод сковывал движения солдата. Дети то и дело останавливались, надо было растирать им носы и щеки, подбадривать. Он взял на руки девчушку, и это еще замедлило его шаг. А гимнастерка совсем не защищала от стужи...

Прошло более часа, прежде чем Аминов достиг окраины села. Оставив детей в ближайшей хате и натянув ватник, солдат отправился в обратный путь — за женщинами...

Стало уже светать и буран утих, когда комсомолец Юрий Аминов наконец увидел огоньки родной деревни.

А когда через неделю он вернулся в свою часть, то на вопрос командира ответил:

— Никаких происшествий за время моего отпуска не случилось, и замечаний я не получал.

Только когда из Башкирии в часть пришло письмо, в котором рассказывалось о благородном поступке солдата-отпускника, все в части узнали то, о чем по скромности умолчал их однополчанин.

ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО В КНИГЕ

Владислав СТЕПАНОВ

...Вы знаете, конечно, это чувство, когда кажется необходимым увидеть героев полюбившейся книги, пожать им руки, заглянуть в их хорошие, смелые глаза. Вы знаете это чувство и поймете, с каким волнением я снял телефонную трубку, позвонил в номер гостиницы «Украина» и услышал голос живого Яна Гежелякова — героя книги Игоря Неверли «Парень из Сальских степей».

Да, живой Ян (только в жизни он носит фамилию Наровский) разговаривал со мной. Это он вместе со своей матерью Аделью Наровской спасал, прятал русского доктора Владимира Ильича Дегтярева от фашистов.

Через час я уже был в номере гостиницы «Украина», сидел с Наровскими за столом. Гости из Польши только что вернулись после многодневной поездки по югу страны. Они виделись в Новочеркасске с Дегтяревым и были еще полны впечатлений от встречи с ним. За окном гостиницы лежала ночная зимняя Москва. В доме напротив светились уютные огни, и диким казалось, что на этот город когда-то падали бомбы и что люди, сидящие со мной за одним столом, были свидетелями ужасов, которые принесли в их страну фашисты.

...Линия фронта уже ушла за советско-польскую границу. Польша становилась глубоким тылом врага. По шоссе днем и ночью фашисты гнали колонны пленных. В концлагерь — в Остров Мазовецкий. Ежедневно из ворот лагеря выезжал десяток черных машин, увозил мертвых.

— Страшно, наверно, было давать приют Дегтяреву? — спросил я Адель Наровскую.

— Конечно. У меня, кроме Яна, была тогда дочка, совсем еще крошка, и хозяйство на руках. Узнай жандармы, что мы прятали русских, всех бы перевешали.

— Почему «русских»! Разве вы спасли не только Дегтярева!

— Дегтярев — это позднее. Первым был Коля Турков, совсем молодой паренек.

...О подвиге Дегтярева написана книга, о нем знают все. А о Коле Туркове, молодом советском солдате, в нашей стране знают немногие. А между тем он совершил немало подвигов. Вот что рассказал мне Ян.

Это было летом 1941 года. Ян косил траву на опушке леса, когда к нему подошел паренек. Он был босой, в старенькой, с чужого плеча рубахе. Видно, что пленный. Он попросил его спрятать. Ян привел его в дом.

Они крепко сдружились — Коля, Ян и Сергей, тоже бежавший из плена русский солдат. Фамилии его Ян не знал. Помнит только, что родом тот из станицы, расположенной неподалеку от Минеральных Вод. Сергей жил у соседей Наровских. У него были спрятаны два английских карабина и патроны к ним.

Парни никак не могли примириться, что просто скрываются от врага, и постоянно думали о борьбе. Они ждали случая, и такой случай пришел.

Однажды Сергей прибежал к Коле со страшными вестями. Фашисты начали зверское истребление еврейского населения. Накануне они согнали несколько семей в недостроенные дзоты в Адомовизне и уничтожили. Сейчас по дороге к Адомовизне гнали целую колонну...

— Я слышал, как жутко кричат детишки! — говорил Сергей.— Говорят, фашисты в них даже не стреляют. Они хватают детей и бьют головками о стены дзота...

Коля представил себе расправу... Его охватила ярость, отчаянная ярость. Он поглядел на Сергея, и тот понял: надо спасти людей.

Какое-то мгновение они постояли молча. Они были на чужбине, сами лишь недавно избежали смерти и все еще находились в опасности... Но плен не смог убить в них то, что вошло в их плоть и кровь, что воспитывалось советской школой, армией. Они привыкли, как бы ни было трудно, вставать на защиту тех, кому еще трудней.

— Ян, тащи дробовик,— приказал Коля,— и жиганы! Ну, знаешь, пули, с которыми ходят на медведя.

— Понимаю.

Сергей кинулся за карабинами. Скорей! К сараю! На чердак... Скорей!.. Он схватил карабины и на всякий случай, не выходя из сарая, выглянул на улицу. Как нарочно, прямо перед усадьбой разговаривали две женщины. Сергей метнулся к задней стене сарая, вырвал доску и выбросил через проем свой сверток. Потом неторопливо вышел с вилами на плечах. Обогнул сарай, швырнул вилы в навозную кучу и, подхватив карабины, побежал к хутору Наровских.

Ян и Николай ждали его.

— Сколько там конвоиров?

— Трое немцев и трое полицаев.

— Справимся. Нас ведь трое.

Парни быстро спустились вниз, в ложбину. Надо было добежать к Адомовизне раньше, чем туда пригонят обреченных. Прячась в леске, они смогут незаметно подобраться к самым дзотам. Они все ускоряли и ускоряли бег, хотя казалось, сердце вырвется сейчас из груди.

Они уже пробежали половину дороги, когда донеслись душераздирающие крики из леска. Парни приостановились и снова побежали. Крики становились все отчетливей. Уже можно было различить детские голоса и заглушающие их грубые оклики конвоиров... Раздались выстрелы... Опоздали!..

У самой опушки парни бросились наземь и поползли к дзотам, стараясь сквозь кусты разглядеть, где фашисты.

У длинной ямы стояли мужчины, женщины, дети, старики. Несколько оборванных мужчин скидывали вниз землю. Очевидно, закапывали своих только что убитых друзей. Трое фашистов повели к краю ямы новую группу людей. Полицейские стояли сзади всей колонны, не давая бежать в лес. Коля показал на них Сергею и Яну, жестом давая понять, что надо зайти с тыла.

Ян и Сергей отползли в сторону, согнувшись побежали по кустам в обход. Николай сжимал карабин, стараясь сдержаться, не выстрелить раньше, чем они подберутся к полицаям. Но один из фашистов уже поднял ружье, целясь в высокого старика. Другой замахнулся ножом на женщину. И Николай не выдержал. Почти не целясь, он выстрелил в того, кто поднял нож.

Запрокинувшись, фашист взмахнул рукой, точно вратарь, достающий высокий мяч, и рухнул наземь. Остальные бросились за спины тех, кого минуту назад собирались убить. Грянули выстрелы Сергея и Яна, потом еще один — Коли. Пятеро фашистов лежали убитыми. Шестой бросил автомат и пустился наутек. Упускать его было нельзя. Коля Турков прицелился и выстрелил. И еще раз...

Наступила странная, удивительная тишина. Обреченные стояли, не веря своему избавлению, еще не опомнившись от ужаса.

— Кто вы! — спросила молодая женщина.

— Русские! Отряд «За Советскую Родину».

Парни забрали у убитых оружие и вместе со спасенными людьми скрылись в чаще леса.

Теперь у них было восемь карабинов, один дробовик, шесть пистолетов. И было название отряда — «За Советскую Родину»... И первый боевой успех...

— Вот как началась в наших местах борьба с фашистами,— сказал мне Ян.— Мы спрятали оружие и вернулись домой. А когда пришел к нам Дегтярев, организовался настоящий отряд. Из книги вы знаете, что потом Дегтярев опять попал в плен. Во время облавы его поймали в деревне (он шел с медикаментами к какому-то больному). Но фашисты так и не узнали, что Дегтярев — командир партизан.

Отряду — командовать им стал Коля Турков — не удалось освободить Дегтярева. Он остался жив, но долго был в лагере. А Николай и Сергей не дожили до победы. Их отряд заманили в ловушку... В неравном бою, отстреливаясь до последнего патрона, они приняли героическую смерть.

Много хороших людей и один завистник

В. КАВЕРИН

Рисунки
В. Алфеевского.

1. ТАНЯ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В АПТЕКУ ГОЛУБЫЕ ШАРЫ

Машинистка треста Зеленых Насаждений стояла у окна, и вдруг — дзинь! — золотое колечко разбило стекло и, звеня, покатилось под кровать. Это было колечко, которое она потеряла — или думала, что потеряла,— двадцать лет назад, в день своей свадьбы.

Зубному врачу Кукольного Театра ночью захотелось пить. Он встал и увидел в графине с водой все золотые зубы, когда-либо пропадавшие из его кабинета.

Директор Магазина Купальных Халатов вернулся из отпуска и нашел на письменном столе золотые очки, которые были украдены у него в те времена, когда он еще не был директором Магазина Купальных Халатов. Они лежали, поблескивая, на прежнем месте — между пепельницей и ножом для бумаги.

В течение добрых двух дней весь город только и говорил об этой загадке. На каждом углу можно было услышать:

— Серебряный подстаканник?..

— Ах, значит, они возвращают не только золотые, но и серебряные вещи?

— Представьте, да! И даже медные, если они были начищены зубным порошком до блеска.

— Поразительно!

— Представьте себе! И в той самой коробочке, из которой она пропала!

— Вздор! Люди не станут добровольно возвращать драгоценные вещи.

— Ну, а кто же тогда?

— Птицы. Профессор Пеночкин утверждает, что это именно птицы, причем не галки, как это доказывает профессор Мамлюгин, а сороки или так называемые сороки-воровки...

Эта история началась в тот вечер, когда Таня Заботкина сидела на корточках подле двери и слушала, о чем говорят мама и доктор Мячиков. У папы было больное сердце, это она знала и прежде. Но она не знала, что его может спасти только чудо. Так сказал Главный Городской Врач, а ему нельзя не верить, потому что он Главный и Городской и никогда не ошибается — по крайней мере так утверждали его пациенты.

— И все-таки,— сказал доктор Мячиков,— на вашем месте я попробовал бы заглянуть в аптеку Голубые шары.

Доктор был старенький, в больших зеленых очках; на его толстом носу была бородавка, он трогал ее и говорил: «Дурная привычка».

— Ах, Петр Степаныч! — с горечью ответила мама.

— Как угодно. На всякий случай я оставлю рецепт. Аптека на пятой улице Медвежьей Горы.

И он ушел, грустно потрогав перед зеркалом в передней свою бородавку.

Папа давно уснул, и мама уснула, а Таня все думала и думала: «Что это за аптека Голубые шары?» Прежде она никогда не слышала, что в городе есть такая аптека.

Рецепт остался на столе. И в доме стало так тихо, что даже слышно было, как вздохнула и почесала за ухом кошка. Таня оделась, взяла рецепт и отправилась в аптеку Голубые шары.

Впервые в жизни она шла по улице ночью. На улицах было не очень темно, скорее, темновато. Нужно было пройти весь город — вот это было уже страшно, или, скорее, страшновато. Тане всегда казалось, что даже самое трудное не так уж трудно, если назвать его трудноватым.

Вот и пятая улица Медвежьей Горы. Только что прошел дождь, и парадные подъезды блестели, точно кто-то нарисовал их тушью на черной глянцевитой бумаге. У одного из них, с распахнутой настежь дверью, был даже такой вид, как будто он говорил: «Заходите, пожалуйста, а там посмотрим». Но именно над этим подъездом горели в окнах большие голубые шары. На одном было написано: «Добро пожаловать», а на другом: «В нашу аптеку».

Маленький длинноносый седой человечек в потертом зеленом пиджаке стоял за прилавком. «Аптекарь»,— подумала Таня.

— Нет, Лекарь-Аптекарь,— живо возразил человечек.

— Извините. Могу я заказать у вас это лекарство?

— Нет, не можете.

— Почему?

— Потому что до первого июня сего года чудесами распоряжается Старший Советник по лекарственным травам. Если он разрешит, я приготовлю это лекарство.

Он вдруг ушел, и Таня осталась одна.

Вот так аптека! На полочках стояли бутылки — большие, маленькие и самые маленькие, в которых едва могла поместиться слеза. Фарфоровые белочки, присев на задние лапки, притаились между бутылками. Это тоже были бутылки, но для самых редких лекарств. На стеклянной горке было написано: «Пейте капли от всех забот. Один флакон 50 копеек».

Вертящаяся этажерка, составленная из маленьких ящичков, стояла за прилавком, и на каждой дверце можно было прочитать название лекарств: «Таблетки от трусости» или: «Порошки от лени».

На матовом стекле вдоль прилавка вспыхивала и гасла надпись: «Антиподлин». Пока Таня раздумывала, что значит это странное слово, дверь открылась, и толстый мальчик, пугливо оглядываясь, вошел в аптеку. Это был Петька, тот самый, с которым она познакомилась в пионерском лагере в прошлом году. Но Петька был не похож на себя, вот в чем дело! Воротник его курточки был поднят, а кепка надвинута до самых ушей. Увидев Таню, он покраснел и надул щеки.

— Здравствуй, Петя. Хорошо, что мы встретились! Мне будет не так страшно возвращаться домой.

— Если вам страшно,— возразил Петя,— вы можете купить таблетки от трусости, а мне они не нужны, потому что я ничего не боюсь. Кроме того, я вовсе не Петя.

Конечно, это был Петя! Конечно, он пришел, чтобы купить таблетки от трусости. Но ему стало стыдно, когда он увидел Таню, и он притворился, что он вовсе не Петя.

— Ах ты, глупый мальчишка,— начала было Таня, но в эту минуту вернулся Лекарь-Аптекарь.

— Не разрешил,— еще с порога сказал он.— У него сегодня отвратительное настроение. Два тридцать,— сказал он Пете, хотя тот только подумал: а хватит ли у него денег на таблетки от трусости?

— Пожалуйста, верните мне рецепт,— попросила Таня.— Где живет Старший Советник? Главный Городской Врач сказал, что моего отца может спасти только чудо.

— Ради бога, замолчи,— болезненно морщась, сказал Лекарь-Аптекарь.— У меня больное сердце, мне жаль тебя, а это очень вредно. Надо же в конце концов, товарищи, подумать и о себе. Возьми рецепт. Он живет на Козихинской, три.

2. ТАНЯ ЗНАКОМИТСЯ С КОСОЛАПЕНЬКОЙ ЛОРОЙ И ПОЛУЧАЕТ КОРОБОЧКУ, НА КОТОРОЙ НАРИСОВАНА ПТИЦА

Дом был обыкновенный, давно не крашенный, скучный. Закутавшись в дырявую шаль, лифтерша сидела у подъезда. Она была похожа на Бабу-Ягу. Но это была, конечно, не Баба-Яга, а самая обыкновенная старая бабушка, закутанная в дырявую шаль.

— Девятый этаж! — сказала она сердито.

И Таня не успела опомниться, как лифт взлетел и распахнулся перед дверью, на которой висела обыкновенная медная дощечка, а на дощечке было написано: «Старший Советник по лекарственным травам». Таня нажала кнопку, и детский голос спросил:

— Кто там?

— Простите, пожалуйста, не могу ли я видеть Старшего Советника?

Дверь распахнулась. Девочка в халатике, беленькая, толстенькая, с косичками, стояла в передней. Разумеется, Таня не знала, что ее зовут Лора, что она не только толстенькая, но и косолапенькая, и ходит немножко боком (и больше всего на свете хочет быть тоненькой и ходить не боком, а прямо), и что она берет уроки вежливости и аккуратности у той самой Феи Вежливости и Аккуратности, которая служит вахтером в Главной Палате Мер и Весов.

— А ты действительно хочешь его видеть?

— Конечно.

— Не удивляйся, пожалуйста, что я спрашиваю. Дело в том, что я никому не верю. Мой отец говорит, что верить никому нельзя, а уж своему-то отцу я все-таки должна поверить. Кстати, скажи, пожалуйста, ты обедаешь два раза в день?

— Нет, конечно, один...

— А я два! — со вздохом сказала Лора.— Отец, видите ли, беспокоится о моем здоровье. Ешь и ешь! И только смеется, когда я говорю, что это неприлично, когда у девочки нет даже намека на талию. Пойдем, я провожу тебя. Как тебя зовут?

— Таня.

— Ты ему не говори, что я пожаловалась.

— Ну что ты!

...Это был человек высокого роста, худощавый, черноглазый, лет сорока. Словом, на первый взгляд трудно было догадаться, что он Старший Советник и что все чудеса находятся в его распоряжении. Глаза у него были беспокойные, и левая ноздря время от времени отвратительно раздувалась. Но ведь и у хороших людей, как известно, бывают плохие привычки. Добрый доктор Мячиков трогал же каждую минуту бородавку на своем толстом добром носу. Зато Старший Советник улыбался. Да, да! И можно было назвать эту улыбку добродушной, даже добродушнейшей, если бы он не потирал свои длинные белые руки и не втягивал маленькую черную голову в плечи.

— Что я вижу? — сказал он, когда девочки вошли в кабинет.— Дочка еще не спит. И даже привела ко мне свою подругу?

— Не притворяйся, папа,— строго сказала Лора.— Ты прекрасно знаешь, что у меня нет подруг. Эта девочка пришла к тебе по делу. Ее зовут Таня.

— Здравствуйте. Извините. Меня направил к вам заведующий аптекой Голубые шары. Будьте добры, разрешите ему приготовить это лекарство.

Таня положила на стол рецепт.

Почему у Старшего Советника так странно блеснули глаза? Почему он так страшно вытянул трубочкой губы?

— Боже мой! — закричал он.— Ваш отец заболел. Какое несчастье!

— Разве вы его знаете?

— Еще бы! Я прекрасно знаю его. Много лет тому назад мы жили рядом, на одном дворе. Каждый день мы купались и очень любили нырять. Интересно, помнит ли он меня? Едва ли.

— Наверное, помнит,— вежливо сказала Таня.— Между прочим, он и теперь еще умеет отлично нырять.

— Вот как? — И Старший Советник схватился за сердце.— Лорочка, дружочек, приготовь мне, пожалуйста, прохладную ванну. Кажется, сегодня я опять не усну.

Можно было подумать, что Лоре не хочется выходить из комнаты, хотя не было ничего особенного в том, что отец попросил ее приготовить прохладную ванну.

— Подожди меня, хорошо? — шепнула она Тане и вышла.

— Но скажите, Таня, доктор Мячиков предупредил вас, что это лекарство должны принять вы, а не ваш отец?

— Я?

— Да. Но если вы не хотите, я не буду настаивать, нет! Лекарство не нужно заказывать. Оно лежит у меня в столе.

И он протянул Тане коробочку, на которой была нарисована птица.

— Спасибо,— сказала Таня.

— А когда твой отец поправится, спроси у него, пожалуйста, помнит ли он мальчика, который держал с ним пари, кто дольше просидит под водой?

— Непременно.

Таня взяла коробочку, поблагодарила и вышла. В коридоре она открыла ее. Там лежала пилюля, самая простая, даже хорошенькая. Она положила ее в рот и проглотила.

Вот тут неизвестно, сразу она превратилась в сороку или прежде услышала, как Лора, выбежав из ванной, с ужасом крикнула:

— Не глотай!

3. ПЕТЬКА ПРИНИМАЕТ ТАБЛЕТКИ ОТ ТРУСОСТИ И СТАНОВИТСЯ ХРАБРЫМ

Как же поступил Петька, когда Таня ушла из аптеки Голубые шары? Он поскорее купил таблетки от трусости и побежал за ней. Ему стало стыдно, что девочка попросила проводить ее, а он, мужчина, невежливо отказался.

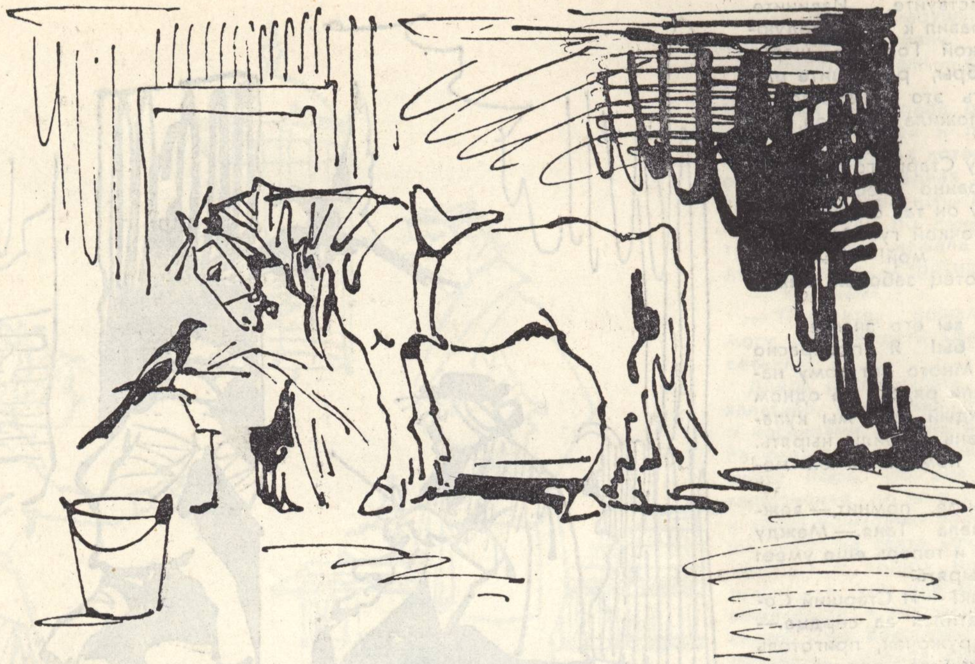
На Козихинской было темно, район незнакомый. Таню он не догнал, потому что останавливался на каждом шагу и хватался за карман, в котором лежали таблетки.

Дом номер три опасно поблескивал под луной. Тощая кошка с разбойничьей мордой сидела на тумбе. Лифтерша, выглянувшая из подъезда, была похожа на Бабу-Ягу. А тут еще какая-то птица вылетела из окна и стала кружиться над ним так низко, что чуть не задела своим раздвоенным длинным хвостом.

Это уже было слишком для Петьки. Дрожащей рукой он достал из кармана таблетки и проглотил одну, а потом на всякий случай — вторую. Вот так раз! Все изменилось вокруг него в одно мгновение. Дом номер три показался ему самым обыкновенным, облупившимся домом. Кошке он сказал: «Брысь!» А от птицы он просто отмахнулся и даже погрозил ей кулаком.

Разумеется, он не знал, что ей хотелось крикнуть: «Помоги мне, я Таня!» Увы, теперь она могла только трещать, как сорока!

— Ну, тетка, как делишки? — сказал он лифтерше.

— Не беги, не спеши,— сказала лифтерша.— Посидим, поболтаем.

Возможно, что если бы Петька принял одну таблетку, он подождал бы Таню у подъезда, но он, как вы знаете, принял две, а ведь две — это совсем не то, что одна.

— Мне некогда болтать с тобой, тетя,— отвечал он лифтерше.— Ну-ка, заведи свой аппарат.— И в одно мгновение он взлетел на девятый этаж.

— Тебя-то мне и надо,— сказал он, взглянув на медную дощечку, и забарабанил в дверь руками и ногами.

Все люди сердятся, когда их будят, но особенно те, которым с трудом удается уснуть. Рассердился и Старший Советник. Но чем больше он сердился, тем становился вежливее. Такая уж у него была натура — опасная, как полагали его сослуживцы. Он вышел к Петьке, ласково улыбаясь. Можно было подумать, что ему давно хотелось, чтобы этот толстый мальчик разбудил его отчаянным стуком в дверь.

— В чем дело, мой милый?

— Здорово, дядя! — нахально сказал Петька.— Тут к тебе пришла девчонка, передай, что я ее жду.

Советник задумчиво посмотрел на него.

— Иди-ка сюда, мой милый,— ласково сказал он и провел Петьку в свой кабинет.

— Здравствуй, папа,— сказал он Старому Дрозду, который сидел, нахохлившись, в большой позолоченной клетке.

— Шперр штикс трэнк дикс! — сердито ответил Дрозд.

В кабинете было много книг: двадцать четыре собрания сочинений самых знаменитых писателей, русских и иностранных. Книги стояли на полках в красивых переплетах, и у них был укоризненный вид: ведь книги сердятся, когда их не читают.

— Ты любишь читать, мой милый?

Конечно, Петька любил читать. И не только читать, но и рассказывать. Старшему Советнику повезло: он давно искал человека, который прочел бы все двадцать четыре собрания сочинений, а потом рассказал ему вкратце их содержание. Он усадил Петьку в удобное кресло и подсунул ему «Три мушкетера». Петька прочел страницу, другую — и забыл обо всем на свете.

4. ТАНЯ ЗНАКОМИТСЯ С ДОБРОЙ СТАРОЙ ЛОШАДЬЮ, КОТОРАЯ ЕЩЕ СОВСЕМ НЕДАВНО БЫЛА ДЕВОЧКОЙ И ЖИЛА НА ВОСЬМЕРКИНОЙ, СЕМЬ

Сорока — нервная птица и не живет в городах. Но Тане, разумеется, не хотелось улетать из родного города: ведь она еще не потеряла надежду снова превратиться в девочку, умеющую танцевать, с косой, переплетенной голубой ленточкой и красиво уложенной вокруг головы. Но попробуйте-ка узнать девочку, когда она взлетает на дерево и садится на ветку, покачивая длинным раздвоенным черным хвостом. Понятно, что первый же мальчишка, который увидел Таню на Медвежьей Горе, запустил в нее камнем, закричав:

— Гляди, ребята, сорока!

В Березовом саду на нее накинулись галки, а в зоопарке чуть не проглотил гиппопотам только за то, что она уселась на его голову, торчавшую из воды, приняв ее по неопытности за камень.

К вечеру, усталая и голодная, Таня залетела на бега. Здесь жили лошади в таких прекрасных, просторных стойлах, что Таня от всей души пожалела, что Старший Советник не превратил ее в лошадь. Среди них были гордые кони, недавно выступавшие на состязаниях и поэтому находившиеся между собой в дурных отношениях; были молодые, полные надежд, с гордо блестевшими, закинутыми назад гривами. Но Таня залетела в стойло Старой Доброй Лошади, которая перед бегами таскала вдоль дорожек бочку с водой и получала за это только побои.

Таня вздохнула и в ответ услышала глубокий, протяжный вздох.

— Ну что, девочка, плохи наши дела? — сказала ей Лошадь.

— Откуда вы знаете, что я девочка?

— И ты узнала бы меня, если бы я была без хвоста. Увы, давно ли я жила с папой и мамой на Восьмеркиной, семь. Меня звали Ниночкой, а теперь — Аппетит. Что за нелепое имя! Я очень любила читать, особенно сказки. У меня были синие ленточки в гриве, я хочу сказать — в косах. Каждое утро я чистила зубы и каждый вечер мыла копыта, я хочу сказать — ноги, в горячей воде. Я уже начинала немного ржать по-английски. Сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— А мне было пятнадцать. Для лошади это много. Вот почему я действительно Старая Лошадь. У меня болят кости, я плохо вижу, а другие лошади только смеются, когда я говорю, что мне нужны очки. Ежеминутно я ломаю руки, я хочу сказать — ноги, при одной мысли, что никогда больше не увижу своего маленького уютного стойла на Восьмеркиной, семь...

— Вы опять запутались, Лошадь,— сказала Таня.— Вы хотите сказать, своей маленькой уютной комнатки, да?

5. ВЕЛИКИЙ ЗАВИСТНИК

Мне не хочется, чтобы Старая Лошадь рассказала вам эту историю. Вы, наверное, заметили, что она все время сбивалась. Один раз она сказала — лягалась,— а между тем речь шла о том, что мама уговаривала ее принять английскую соль. В другой раз она повторила: я ржала,— и осталось неясным, она громко смеялась или действительно ржала. Словом, лучше я сам расскажу о Великом Завистнике, лучше для меня и для вас.

Это началось давно, когда на свете еще не было ни Петьки, ни Тани, а были другие мальчики и девочки, хорошие и плохие. Два мальчика жили на одном дворе. У одного была черная гладкая маленькая голова, которую он любил втягивать в плечи, а у другого — русая, а на затылке вихор. Каждый день они купались в реке. Раз купались, значит, ныряли. Вот почему Старший Советник спросил Таню, помнит ли еще ее папа о том, как они любили нырять.

Однажды они держали пари, кто дольше просидит под водой. Они глубоко вдохнули воздух и одновременно опустились на дно. «Раз, два, три,— считали они,— четыре, пять, шесть...» Сердце билось все медленнее. «Семь, восемь, девять...» Больше не было сил. Уф! И они вынырнули на поверхность. Первой показалась маленькая гладкая черная голова, а уже потом — русая, с мокрым вихром на затылке. Черный мальчик проиграл пари.

Потом они выросли, и все, что нравилось одному мальчику, не нравилось другому. Мальчик с русой головой любил бродить по горам. В конце концов он забрался так высоко, что орлы прислали ему золотую медаль. А мальчик с черной головой, спускаясь по лестнице, бледнел от страха.

Первый никогда не думал о себе. Он думал о тех, кого любил, и ему казалось, что это очень просто. А второй думал только о себе. Иногда ему даже хотелось попробовать, как это думают о других, хоть день, хоть час. Но как он ни злился, ничего не получалось.

Потом мальчик с русой головой стал художником, и оказалось, что он умеет делать чудеса. По крайней мере так говорили люди, смотревшие на его картины. Мальчик с черной головой тоже научился делать чудеса, например, превращать людей в птиц и животных. Но кому нужны были эти чудеса? По ночам он угрюмо думал: «Кому нужны мои чудеса?» Он томился тоской, ведь завистники всегда томятся, тоскуют.

Он ломал руки, когда видел рыболовов, спокойно сидевших с удочкой над водой. Ему становилось тошно, когда он смотрел на юношей и девушек, которые, раскинув руки, ласточкой падали в воду. Он завидовал всем, кто был моложе его. У него не было друзей, он никого не любил, кроме дочки. Его отец когда-то был Министром Двора и Конюшен самого императора и никак не мог примириться с тем, что он потерял это звание. Сорок лет он не выходил из дому. Он постоянно ворчал, и, чтобы хоть немного отдохнуть от отца, Великий Завистник время от времени превращал его в старого дрозда и сажал в золоченую клетку.

— Здорово, папа,— говорил он ему.

И Дрозд отвечал:

— Шперр штикс трэнк дикс.

Нельзя сказать, что Великий Завистник не лечился от зависти: каждое воскресенье Лекарь-Аптекарь приносил ему на дом капли в большом бидоне. Не помогали!

Иногда он боялся, что зависть пройдет: ведь, кроме зависти, у него в душе была только скука, а от скуки недолго и умереть. Иногда принимался утешать себя. «Ты хотел стать великим и стал,— говорил он себе.— Никто не завидует больше, чем ты. Ты Великий Завистник. Ты Великий Нежелатель Добра Никому». Но чем больше он думал о себе, тем чаще вспоминал тот ясный летний день, когда два мальчика сидели под водой и считали: «Раз, два, три...»,— тот день, когда он проиграл пари и в его сердце впервые проснулась зависть.

6. ТАНЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В АПТЕКУ ГОЛУБЫЕ ШАРЫ

— На себя я давно махнула рукой,— сказала Старая Лошадь.— Но ты должна надеяться, Таня. И главное: не привыкай к мысли, что ты сорока. Не гордись своим раздвоенным длинным хвостом! Не трещи! Девочки быстро привыкают к тому, что они сороки, тем более, что они вообще, как известно, любят трещать. Если ты увидишь золотые очки или золотое колечко, поскорее зажмурь глаза, потому что сороки воруют все, что блестит. И самое главное: постарайся все-таки заказать лекарство в аптеке Голубые шары.

— Спасибо, Старая Добрая Лошадь. Можно мне называть вас Ниночка?

— Нет уж, брат.— Лошадь шумно вздохнула.— Куда уж! Правда, как девочка я еще ребенок, но зато как лошадь я старый, опытный человек.

— Рецепт остался у Великого Завистника,— стараясь не трещать, сказала Таня.

— Эх ты! Впрочем, не беда. Я знаю Лекаря-Аптекаря. Он тебе поможет.

— Шак и крак и шакерак,— ответила Таня.

— Ну вот!

— Я хочу сказать: спасибо, Старая Добрая Лошадь.

— Это — другое дело.

...Ночь Таня провела в стойле, а утром полетела в аптеку Голубые шары. Да, Лошадь была права! Лекарь-Аптекарь с первого взгляда понял, что случилось с Таней.

— Не смей говорить, что этот негодяй превратил тебя в сороку! — закричал он визгливо.— Не мучайте меня, у меня больное сердце! Дайте мне спокойно умереть!

Но, по-видимому, ему все-таки не хотелось умирать, потому что он взял с полки бутылку, налил и выпил рюмочку, потом — другую.

— Яд! — сказал он с наслаждением.

Это был коньяк, о котором он любил говорить: «Это для меня яд».

— Ужасно, ужасно! — сказал он.— И самое печальное, что я ничего не могу для тебя сделать, решительно ничего. Не возражать! — крикнул он так громко, что фарфоровые белочки присели на задние лапы от страха.— Во-первых, до пенсии мне осталось только полгода. А во-вторых, ты дочь своего отца, а ведь ему-то именно этот негодяй и завидует больше всех на свете. И подумать только, если бы он просидел под водой хоть на одну секунду дольше, чем твой отец, они бы вынырнули друзьями! Все, что я могу сделать,— это посадить тебя на плечо и отправиться к больным. Сегодня у меня четыре визита.

С Козихинской на Колыбельную, с Колыбельной на улицу Столовая Ложка, со Столовой Ложки на Восьмеркину — маленький, в потертом зеленом пиджаке, в ермолке, лихо сдвинутой на ухо, Лекарь-Аптекарь начал свой обход, а Сорока сидела у него на плече, стараясь не трещать по-сорочьи.

Один сел в галошу, другому соседка въелась в печенку, у третьего ушла в пятки душа, а попробуй-ка вернуть ее на старое место! Каждый раз, выходя от больного, он говорил Сороке: «Еще не придумал». Это значило, что он еще не придумал, как ей помочь. Наконец, выйдя от одного простодушного парня, который тяжело пострадал, сунув свой нос в чужие дела, он весело закричал:

— Готово!

Но прежде чем рассказать Тане, что он придумал, Лекарь-Аптекарь вернулся домой, снял ермолку и зеленый пиджак, выпил рюмочку коньяку и сказал с наслаждением:

— Яд!.. Великий Завистник давным-давно лопнул бы от зависти, Таня. Но у него есть пояс, которым он время от времени затягивает свой тощий живот. Например, когда ты сказала, что твой отец до сих пор умеет превосходно нырять, ручаюсь, что Великий Завистник раздулся бы, как воздушный шар, если бы забыл надеть пояс. Нужно стащить с него этот пояс — и баста.

— Стащить?

— Да! Мы сделаем это,— торжественно сказал Лекарь-Аптекарь.— Я тебе ручаюсь, что он лопнет, как мыльный пузырь. А знаешь ли ты, что произойдет, если он лопнет? Ты снова станешь девочкой, Таня. Я приготовлю лекарство по рецепту доктора Мячикова, и твой отец будет спасен, потому что его может спасти только чудо. А Старая Добрая Лошадь вернется к своим родителям на улицу Восьмеркина, семь, и снова будет носить голубые ленточки не в гриве, а в косах.

7. ЛЮБИТЕЛЬ НЕОБЫКНОВЕННЫХ ИСТОРИЙ РАССКАЗЫВАЕТ ЛОРЕ СКАЗКУ О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ, И ЛОРА ЗАПОМИНАЕТ ЕЕ НАИЗУСТЬ

А Петька все читал и читал. Когда его окликали, он только спрашивал: «М-м?..» — и снова читал строку за строкой, страницу за страницей. Одно собрание сочинений он прочел и принялся за другое. Можно было надеяться, что он расскажет Великому Завистнику хотя бы вкратце, о чем написаны книги,

стоявшие в нарядных разноцветных переплетах на полках. А он не рассказывал. Не потому, что не мог, а просто потому, что ему не хотелось. Он даже попробовал, но у Великого Завистника так неприятно раздувалась ноздря, когда кому-нибудь не везло даже в книгах, и он с таким удовольствием потирал свои длинные белые руки, что Петька перестал рассказывать и теперь только читал.

Время от времени папа-дрозд, злобно косясь на него, начинал кричать:

— Шперр дикс, цып-тэкс трррэнк!

Это значило: «Я Министр Двора и Конюшен его императорского величества. Прогоните мальчишку!»

Петька накидывал на клетку одеяло, и, думая, что наступила ночь, папа-дрозд засыпал.

В общем, Петька совсем зачитался бы, если бы не Лора, которая то и дело приходила к нему поболтать.

— Между прочим, отец давно хотел съесть тебя,— сказала она однажды,— но я не позволила.

— Почему?

— Просто так. Мне смешно смотреть, как ты сидишь и читаешь.

Два раза в неделю она брала уроки у Феи Вежливости и Аккуратности и, вернувшись, показывала Петьке, как она научилась теперь ходить: не боком, а прямо и легко, как снегурочка, а не тяжело, как медведь. Но Петька только спрашивал: «М-м?..» — и продолжал читать.

Чтобы похудеть, Лора ела теперь не пять раз в день, а только четыре и спала после обеда не два часа, а только час двадцать минут. И похудела, правда, не очень. Но Петька все равно не обращал на нее никакого внимания. Она надела на шею ожерелье и, разговаривая, все время играла им, как будто нечаянно. Но хоть бы раз Петька взглянул на это хорошенькое ожерелье из венецианского цветного стекла!

Оставалось только рассказать ему что-нибудь поинтереснее, чем эти толстые книги, от которых он не мог оторваться. И она отправилась к Любителю Необыкновенных Историй.

Это был отставной клоун, вырезавший трубки из виноградного корня, очень хорошие, хотя иногда он и забывал проделать отверстие для дыма. Зато истории, которые он рассказывал, были не то что хорошие, а превосходные, и очень жаль, что никто не хотел их слушать. Как только он открывал рот, жена говорила: «Ну, здрасте, поехал!» Дети — у него были взрослые, даже пожилые дети — начинали зевать, а гости приходили к нему с условием, что будут говорить они, а не он и притом о самом обыкновенном: «У Марьи Иванны родился сын, а она ведь ждала дочь» или: «Петр Ильич будет получать теперь не восемьсот рублей в месяц, а восемьсот пятьдесят четыре».

— Ага, старик,— с торжеством говорили они, уходя,— сегодня тебе не удалось рассказать ни одной необыкновенной истории!

Всем надоели его рассказы, вот почему он так обрадовался, когда к нему пришла Лора.

Она вошла немножко боком, но вообще почти прямо и если не так легко, как снегурочка, то уже не так тяжело, как медведь. Она вежливо поздоровалась и сказала:

— Не можете ли вы рассказать мне какую-нибудь интересную сказку? Я запомню ее слово в слово, потому что у меня, видите ли, превосходная память.

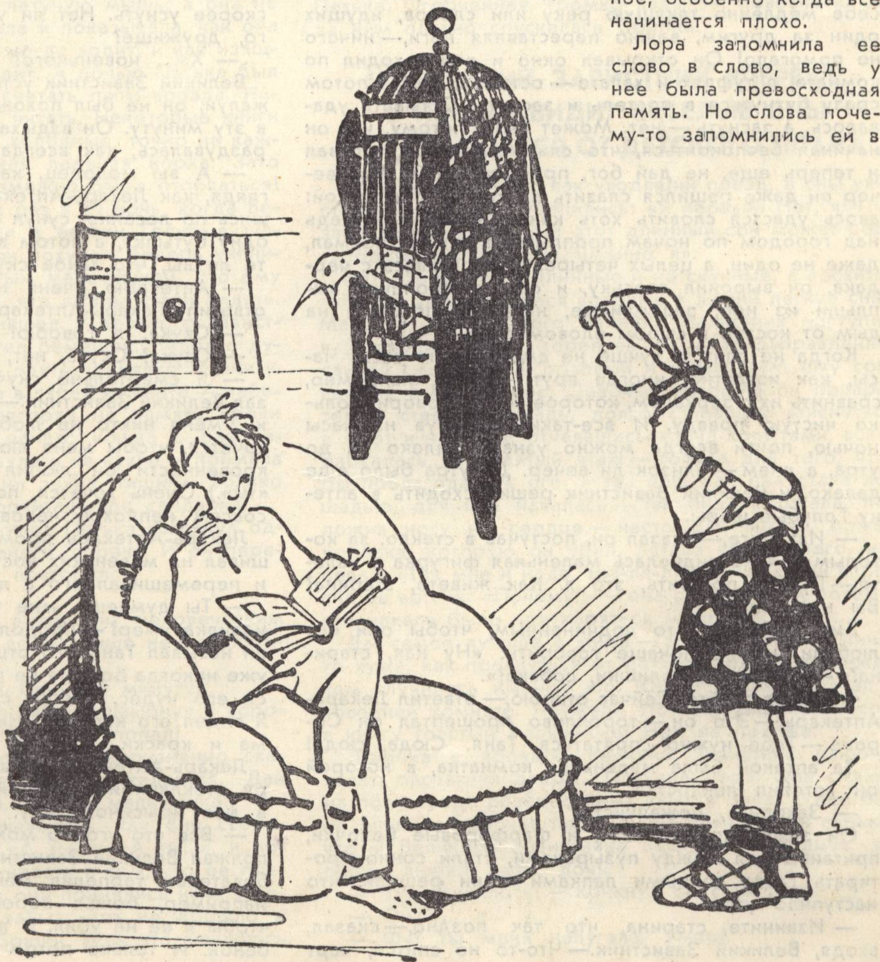
— Да ради бога! — откладывая в сторону начатую трубку, сказал Любитель Необыкновенных Историй.— Сколько угодно! Грустную или веселую?

— Веселую.

— Отлично!

И он рассказал ей о девочке Красная Шапочка. Вы, конечно, знаете эту историю, дети? Может быть, она не очень веселая, особенно когда волк глотает бабушку, надевает ее чепчик, который ему совсем не идет, и ложится в постель, поджидая Красную Шапочку с пирогами. Но зато все кончается хорошо. А ведь это самое главное, особенно когда все начинается плохо.

Лора запомнила ее слово в слово, ведь у нее была превосходная память. Но слова почему-то запомнились ей в

обратном порядке. Например, не «Жила-да-была девочка, которую прозвали Красная Шапочка», а «Шапочка Красная, прозвали которую девочка, была-да-жила». Понятно, что Петька не стал слушать. Впрочем, он послушал минут пять, а потом засмеялся и сказал:

— Да, здорово это у тебя получается!

И снова принялся за чтение. Теперь, когда Лора приходила к нему, он только лениво смотрел на нее одним глазом и читал себе да читал, строку за строкой, страницу за страницей. Иногда, впрочем, он рисовал на полях чертиков с хвостами, изогнутыми, как вопросительный знак.

8. ВЕЛИКИЙ ЗАВИСТНИК РАССКАЗЫВАЕТ О СЕБЕ

Когда у Великого Завистника начиналась бессонница, он завидовал всем, кто спит. Он скрипел зубами, думая о том, что соседи сладко похрапывают, с открытыми форточками, кто на боку, а кто на спине. А где уж тут уснешь, если то и дело приходится скрипеть зубами! Он завидовал даже ночным сторожам, впрочем, только тем, которые — даром что они были ночные сторожа! — все-таки спали.

Все люди стараются уснуть, когда им не спится. Старался и Великий Завистник. Он ведь тоже был как-никак человек. Он считал до тысячи, представлял себе медленно текущую реку или слонов, идущих один за другим, важно переставляя ноги,— ничего не помогало! Он открывал окно и долго ходил по комнате, в туфлях и халате — остывал, чтобы потом сразу бухнуться в постель и заснуть. Остывать удавалось, а заснуть — нет. Может быть, потому, что он начинал беспокоиться, что слишком долго остывал и теперь еще, не дай бог, простудился? В этот вечер он даже решился слазить на крышу с авоськой: авось удастся словить хоть какой-нибудь сон, ведь над городом по ночам проплывают сны. И поймал, даже не один, а целых четыре. Но, спускаясь с чердака, он выронил авоську, и сны неторопливо выплыли из нее, задумчивые, неясные, похожие на дым от костра в сыром еловом лесу.

Когда не спится, лучше не смотреть на часы. Часы, как известно, иногда врут. Нельзя, например, сравнить их с зеркалом, которое всегда говорит только чистую правду. И все-таки, взглянув на часы ночью, почти всегда можно узнать, далеко ли до утра, а днем — близок ли вечер. До утра было еще далеко, и Великий Завистник решил сходить в аптеку Голубые шары.

— Извините,— сказал он, постучав в стекло, за которым неясно виднелась маленькая фигурка в халате.— Прошу простить, это я. Как живете, старина? Вы не спите?

Ему казалось, что подчиненным, чтобы они его любили, нужно почаще говорить: «Ну как, старина?» — или: «Как делишки, собака?».

— Здравствуйте. Сейчас открою,— ответил Лекарь-Аптекарь.— Это он,— торопливо прошептал он Сороке.— Тебе нужно спрятаться, Таня. Сюда, сюда!

За аптекой была маленькая комнатка, в которой он готовил лекарства.

— Заходите, пожалуйста.

Он зажег полный свет, и фарфоровые белочки, притаившиеся между пузырьками, стали сонно протирать глаза сонными лапками — они решили, что наступило утро.

— Извините, старина, что так поздно,— сказал, входя, Великий Завистник.— Что-то не спится, черт

побери! Решил узнать, как ваши делишки, и кстати прихватить у вас какую-нибудь микстурку, чтобы поскорее уснуть. Нет ли у вас чего-нибудь новенького, дружище?

— Хм... новенького? Надо подумать.

Великий Завистник устало опустился в кресло. Пожалуй, он не был похож на *великого* завистника в эту минуту. Он вздыхал, и левая ноздря у него не раздувалась, как всегда, а уныло запала.

— А вы молодец, как я посмотрю,— сказал он, глядя, как Лекарь-Аптекарь, быстренько вскарабкавшись по лесенке, сунул свой длинный нос сначала в одну бутылку, а потом в другую.— Интересно, знаете ли вы, что такое скука?

— Аптекарю очень нужен нос,— не расслышав, ответил Лекарь-Аптекарь.

— Скука, я говорю!

— Скука? Скука, нет, не нужна. Нос и руки.

— Я смертельно скучаю, старый глухарь! — сказал Великий Завистник.— Все мне врут, и, кроме дочки, меня никто не любит. А ты думаешь, мне не хочется, чтобы меня любили, старик? (В минуту откровенности он любил называть подчиненных на «ты».) Очень хочется, потому что, если подумать, я совсем неплохой человек.

Лекарь-Аптекарь промолчал. Он был занят: взвешивал на маленьких костяных весах маковый настой и перемешивал его с липовым медом.

— Ты думаешь, мне так уж хочется, чтобы этот мазилка умер? — продолжал Великий Завистник (так он называл Таниного отца).— Ничуть! Все равно ему уже никогда больше не придется нырять. Что касается его чудес, честно скажу, не могу согласиться. Я видел его картины. Ничего особенного: холст, рама и краски.

Лекарь-Аптекарь молчал. Он размешивал микстуру стеклянной палочкой и старался не подсыпать в нее крысиного яду.

— Все что угодно можно сказать обо мне,— продолжал Великий Завистник.— Я простодушен, нетребователен, терпелив, меня легко обмануть. На днях, например, божья коровка притворилась мертвой, чтобы я ее не убил. И я поверил! Поверил, как ребенок. И только потом догадался и убил. У меня

много недостатков, но уж в зависти меня никто и никогда не смел упрекнуть.

«Именно не смел»,— подумал Лекарь-Аптекарь.— Готово,— сказал он вслух.— Примите, и я ручаюсь, что через полчаса вы прекрасно уснете.

Возможно, что самое главное произошло именно в эту минуту. Великий Завистник встал и подтянул брюки — он забыл дома свой пояс. Разумеется, он сделал это по возможности незаметно: в присутствии подчиненных неудобно все-таки подтягивать брюки. Но у Лекаря-Аптекаря был острый глаз и, пробормотав: «Извините, пожалуйста, я сейчас»,— он торопливо прошел в маленькую комнатку за аптекой.

— Таня,— прошептал он одними губами.

Сорока, забившаяся в темный уголок, встрепенулась.

— Лети к нему. Он забыл дома свой пояс. Ты помнишь адрес?

— Да.

Лекарь-Аптекарь распахнул окно.

— Я постараюсь задержать его. Принеси мне пояс. Забудь о том, что ты девочка. Ты — Сорока-Воровка.

9. ТАНЯ И ПЕТЬКА ИЩУТ И НЕ НАХОДЯТ ПОЯС

Днем Великий Завистник ссорился с дочкой: все хотел превратить Петьку в летучую мышь, а она не хотела. Днем Лора приходила и показывала, как она теперь ловко ставит ножки, когда ходит, и как изящно складывает их, когда сидит. А ночью Петька был один-одинешенек, если не считать папы-дрозда. Никто не мешал ему читать и читать. Некоторые книги он перелистывал, они были холодные, точно на каждой странице лежала тонкая ледяная корка. Зато другие... Ох, от других невозможно было оторваться!

Однажды — это было как раз в ту ночь, когда Великий Завистник отправился в аптеку Голубые шары,— Петька заметил, что он похудел. Теперь уж никто не назвал бы его толстым мальчишкой. Это ему понравилось. Плохо только, что штаны стали падать. Он поискал веревочку, не нашел. У Великого Завистника на спинке кровати висел ремешок. Недолго думая, Петька затянулся им и опять принялся за книгу.

Лора сладко похрапывала в своей комнате — набегалась за день, устала, повторяя на память уроки вежливости и приличных манер; кошка с разбойничьей мордой шумно метнулась на кухне — поймала мышонка, и все утихло — ни звука, тишина. Только страница прошелестит — прочитана, до свидания!

Вдруг кто-то постучал в окно. Петька взглянул одним глазом. Ничего особенного, сорока. И он перевернул страницу. Но стук повторился.

— Открой!

«Гм... Странно! Сорока, а говорит человеческим голосом. Впрочем, в этом доме лучше не удивляться».

— Открой, ты слышишь? Сию же минуту!

Петька лениво распахнул окно и швырнул в сороку пустой чернильницей — жаль, не попал!

— Хорош! — влетая в комнату, укоризненно сказала Таня.— Не пускает, да еще и кидается. Дай срок, влетит тебе от меня, глупый мальчишка!

Пожалуй, не стоит рассказывать, как они ссорились. Петька все говорил: «А ты...», «А ты...», и получалось, что Таня сама виновата в том, что ее превратили в Сороку. Наконец они принялись искать ремешок. Конечно, Петька забыл, что не прошло и часа, как он подтянул им брюки, ведь это случилось между двумя страницами, из которых одна была интереснее другой! Да и трудно было представить себе, что Великий Завистник, чтобы не лопнуть от зависти, надевал этот старенький ремешок. Его пояс — так им казалось — должен был состоять из стальных колец, тонких, как паутина.

Они искали долго. Нет и нет! Зато в письменном столе Таня нашла рецепт доктора Мячикова и бережно спрятала его под крыло.

Они искали все время, пока Великий Завистник, зевая, шел домой из аптеки Голубые шары. Он задремал в лифте и проснулся лишь, когда дверь лифта на девятом этаже закрылась с металлическим шумом,— так сильно подействовал на него маковый настой на меду. Полусонный, еле передвигая ноги, он вошел в свою комнату, и только тогда Таня с Петькой перестали искать ремешок. Полумертвые от страха, они притаились под кроватью, на которую он рухнул, едва стащив с себя пиджак и брюки.

— Каршеракешак,— прошептала Таня.

Это значило — надо бежать. И Петька понял ее, хотя и не понимал по-сорочьи. Но нужно было подождать, пока Великий Завистник крепко уснет. И они сидели под кроватью, дрожа, особенно Таня, потому что Петька теперь уже не так трусил, как прежде. Но вот негромкие свисточки послышались в комнате: Великий Завистник всегда негромко посвистывал, а уж потом начинал храпеть. На цыпочках они выбрались в переднюю, оттуда на лестницу — и кубарем с девятого этажа! Кубарем катился Петька. Огорченная, громко вздыхая, повесив клюв, за ним плавно спускалась Сорока.

10. ВЕЛИКИЙ ЗАВИСТНИК ВПЕРВЫЕ В ЖИЗНИ ВИДИТ ВЕСЕЛЫЕ СНЫ И ПРОСЫПАЕТСЯ ОТ ДЕТСКОГО ПЛАЧА

Он еще посвистал, как уходящий поезд, а сны уже стояли в очереди, толпились: «Я первый! Нет, я! Позвольте, граждане, вот этот длинный сон может подтвердить, что первый именно я».

Нет, это были не длинные и не скучные, а восхитительные, приснившиеся впервые в жизни легкие сны! Мальчик, на которого Великий Завистник наступил в прошлом году, торопясь в Аптекоуправление, явился смеющийся, розовый и сказал, что ему совсем не было больно. Девочка, которую он превратил в старую лошадь, долго старалась втиснуться в лифт и наконец, отчаявшись, стуча копытами, вскарабкалась на девятый этаж — только для того, чтобы поблагодарить его: с тех пор, как она стала лошадью, для нее началась — так она проржала, положив ногу на сердце,— настоящая жизнь. Божья коровка, которую он убил, летала вокруг него, напевая: «Так мне и надо, тра-ля-ля», и, когда он спросил ее во сне: «Почему?» — она ответила: «А потому, что нечего было притворяться мертвой».

Да, самое лучшее в мире — это сон, но нет ничего хуже, как проснуться от детского плача. А между тем случилось именно это. Кто-то громко плакал в соседней комнате. Неужели этот уткнувшийся носом в книгу толстый мальчишка? Нет, не похоже.

Вскочив с кровати, Великий Завистник накинул халат, распахнул дверь... Плакала Лора. Она сидела на полу среди разбросанных книг, в руках у нее было длинное сорочье перо, и она плакала так горько, что у Великого Завистника защемило сердце: он очень любил свою дочь.

— Что случилось? — крикнул он с ужасом.

— Он у... у... у...

— Фу! Ты меня напугала. Умер?

— Нет, ушел.

— Ушел? Но это прекрасно...— начал было Великий Завистник, но успел произнести только «прек» и подпрыгнул, потому что Лора больно ущипнула его за лодыжку.

— Ай! Почему ты плачешь, мое бедное дорогое дитя? Ты жалеешь, что я не успел превратить его в летучую мышь?

Вместо ответа Лора легла на пол, лицом вниз, прямо в маленькую лужу, которую она наплакала, и принялась бить об пол ногами.

— Хочу, хочу, хочу! — кричала она.— Хочу, чтобы он вернулся!

Она колотила своими толстенькими косолапенькими ножками и так сильно, что жильцы восьмого этажа поднялись на девятый, чтобы почтительно спросить, не пожаловаться ли им в домоуправление.

— Он вернется, обещаю тебе! Даю честное благородное слово!

— Я не верю! — кричала Лора.— Ты нечестный, неблагородный. Ты сам говорил, что никому нельзя верить.

— Но как раз в данном случае можно! — в отчаянии кричал Великий Завистник.— Не забывай, что я твой отец. Успокойся, я тебя умоляю! Откуда у тебя это перо?

— А-а-а! Я хочу, чтобы он сидел в кресле и читал. Я хочу, чтобы он спрашивал: «М-м?..» — и смотрел на меня... а-а-а... одним глазом!

— Хорошо, хорошо, он вернется и скажет: «М-м...»,— чтоб он пропал! И будет смотреть на тебя одним глазом.

Похолодев, он отнял у Лоры перо. Оно было сорочье, а сорочье перо могла выронить только сорока.

11. ВЕЛИКИЙ ЗАВИСТНИК НЕ НАХОДИТ СВОЙ ПОЯС, ХОТЯ ПРЕКРАСНО ПОМНИТ, ЧТО ПОВЕСИЛ ЕГО НА СПИНКУ КРОВАТИ

«Враги! — уныло думал он, грызя ногти и втягивая маленькую черную голову в плечи.— Мне завидуют, это ясно. Я на виду, мне сорок лет, а я уже Старший Советник. Я доверчивый, а доверчивым всегда худо. Вот пригрел этого мальчишку, а он ушел, даже не сказав спасибо».

«Будем рассуждать спокойно: Сорока прилетела не за мальчишкой, а за рецептом. Она еще надеется заказать лекарство в аптеке Голубые шары. Но аптекарь — мой друг! Я всегда относился к нему снисходительно. Тем хуже! Во всяком случае, для меня».

«...Я запутался,— думал он через час, пугаясь и холодея.— Мне грозит опасность. Вот что нужно сделать прежде всего — подумать не о себе. Это освежает».

Ему всегда было трудно думать не о себе и главное, неинтересно. Но все-таки он подумал.

«Нет, Лекарь-Аптекарь не посмеет приготовить лекарство без моего разрешения. Ведь он знает, что до первого июля я распоряжаюсь чудесами. И Заботкин умрет».

Улыбаясь, Великий Завистник потер длинные белые руки.

«Да, но его отнесут во Дворец Изящных Искусств. Духовой оркестр будет играть над его гробом похоронный марш, и не час или два, а целый день или, может быть, сутки. Самые уважаемые в городе люди,— думал он с отчаянием, чувствуя, как зависть просыпается в сердце,— будут сменяться в почетном карауле у гроба».

Это была подходящая минута, чтобы надеть ремешок, и Великий Завистник протянул руку; помнится, он повесил его на спинку кровати. Ремешка не было. Он обшарил платяной шкаф — не забыл ли он ремешок в старых брюках? — вывернул карманы, обыскал письменный стол. Он разбудил дочку и пожалел об этом, потому что, едва открыв глаза, она залилась слезами. Он засунул в мусоропровод свою длинную белую руку, и рука поползла все ниже — в восьмой, седьмой, шестой, пятый этаж. Нет и нет!

Вытянув губы в длинную страшную трубочку, бормоча: «Ах так, миленькие мои!»,— он вернулся в свою комнату.

— Значит, так? Хорошо же!

(Окончание в следующем номере)

Никем не поручено, нигде не записано...

ПОЕЗД В БУРАНЕ

Только что в школьном зале жужжал киноаппарат и третьеклассники внимательно следили за приключениями героев из сказок. Но вот Саша Розка нажал кнопку, и плутоватые зайцы и наказанная за хитрость лиса будто спрыгнули с полотна и быстро спрятались в киноаппарате.

— Ну, а теперь одеваться! — скомандовал Саша и повел своих зрителей — октябрят — в раздевалку.

Таня Егорова оделась раньше всех. Она попробовала открыть наружную дверь, но та почему-то не поддавалась. Саша налег на дверь плечом. Резкий порыв ветра ударил в лицо и снова с силой захлопнул дверь.

— Как я теперь до дома дойду? — захныкала Таня.

Вова Бандурин, Юра Татарчук, Витя Леонтьев держались более стойко. Они знали, что октябрята не должны раскисать. Но и бравые октябрята и сам Саша отлично понимали, что на улице тот самый холодный степной ветер, который свалил однажды забор, сорвал крышу с гаража, повалил антенны телевизоров. С ним шутки плохи!

— Подождите меня! — Саша быстро надел пальто, завязал шапку-ушанку. — Держись-ка, Юра, за меня, а ты, Витя, за Юру!

Даже Таня перестала хныкать, увидев, как длинная, очень плотная вереница ребят потянулась на улицу. Это было так похоже на поезд, в который они играли с семиклассниками на переменах, что Таня тоже крепко уцепилась за Иру Драбкову и деловито спросила:

— Ты вагон с чем? С мороженым? А я везу вафли... А Саша — паровоз? — старалась перекричать она ветер.

— Нет, я тепловоз! — рассмеялся Саша в ответ...

Ветер лютовал, крутил снежные столбы, швырял в лица пригоршнями снега, а ребячий поезд скатывался с пригорков, петлял по улицам, отыскивая нужные дома. На остановках один «вагон» отцеплялся и исчезал в подъезде, а «поезд» следовал дальше за своим «тепловозом», и ни разу не удалось ветру разорвать цепочку третьеклассников.

Уже стемнело, когда «состав» наконец рассыпался по домам. Саша облегченно вздохнул. Теперь он мог спокойно возвращаться домой: его кинозрители дома, ни с кем из них не случится беды.

И если бы кто-нибудь спросил сейчас семиклассника Сашу Розка: «Кто поручил тебе возиться с малышами?», — Саша очень удивился бы:

— Никто не поручал, я сам. — И, подумав немного, он бы добавил: — И Валере Коганенко никто не поручал ходить к октябрятам, и Наташе Апуриной с ребятами никто не поручал готовить пьеску, и Наташе Гринштейн — устраивать праздник букваря для малышей... Что ж с того, что не поручено?

«ОТПУСК» ЮРЫ КУРОВА

Но не все в отряде такие самостоятельные.

Юра Куров, проводив родителей в отпуск, решил, что теперь он тоже совсем свободный человек и настала пора отдохнуть от уроков. Уговоры и ворчание бабушки не помогали. «Хватит с меня и того, что в школе сижу», — позевывая, отвечал он и не тревожил своих учебников. Появившиеся в дневнике двойки не очень волновали его.

Как-то днем, когда стрелка часов показывала двенадцатый час и Юра спал уже не очень крепко, раздался звонок. Бабушка открыла дверь, и Юра — о ужас! — увидел Петю Ганичкина, Валю Гота, Наташу Гринштейн. Остальных Юра не разглядел: он крепко зажмурился и так лежал, пока одноклассники не ушли. Юра точно не помнил, как это называется — рейдовая бригада или легкая кавалерия, — но он твердо знал, что ответ держать ему придется. А суд товарищей в 7-м «А» похуже всех наказаний, которые могли бы придумать даже родители, — это Юра тоже отлично знал. Совсем недавно рейдовая бригада побывала у нескольких девочек, и весь отряд высмеял их за то, что

дома они лодыри и неряхи. Юра тоже тогда смеялся и думал: «Ладно, авось, до меня очередь дойдет не скоро».

Неизвестно, что отвечал Юра своему отряду вечером того же дня, после уроков. Но даже бабушка заметила, что с той поры «отпуск» у внука кончился.

САМЫЙ ВКУСНЫЙ ХЛЕБ

Прежде чем надеть ботинки, Володя ногтем провел по лезвию конька.

— Надо бы наточить, затупились! — услышал он голос с соседней лавочки.

— Лед сегодня дрянь!

— И снег валит! — Голоса показались знакомыми. Володя обернулся и увидел: Женя и Юра уже выходили из раздевалки.

Быстро зашнуровав ботинки, Володя побежал к выходу и чуть не натолкнулся на Нину Рыкову и Свету Сафонову.

— И ты пришел? Знаешь, сколько здесь сегодня наших? И Наташка, и Валя, и Лариса — ну, весь класс! Как сговорились!

И вот уже снова седьмой класс почти весь в сборе здесь, на катке. Кто-то прокатился «пистолетиком», у кого-то не получается поворот, кто-то лихо выписывает восьмерки.

Вот, взявшись вместе за руки, устроили на льду хоровод. Оказывается, и в салки можно играть на коньках!

Кто сказал, что сегодня неважный лед и коньки плохо наточены? И кому может помешать снег? А он все идет и идет... Снежные подушки уже не только на шапочках, но и на плечах — целые сугробы!

— Ну, хватит! Еще круг — и довольно! — говорит кто-то.

Все согласны, что пора, давным-давно пора по домам: очень хочется есть. И вот еще один круг, прощальный! А за ним еще, еще и еще...

С катка возвращались вместе.

Около булочной в нос ребятам ударил такой острый и вкусный запах печеного хлеба, что пройти мимо оказалось невозможно.

Мелочи, которую наскребли в карманах, хватило только на буханку черного хлеба.

— Разрежьте нам, пожалуйста, на двадцать кусков... — смущенно попросили продавщицу ребята.

— Подождите, где-то соль у меня была! — улыбнулась девушка и пошарила под прилавком.

Что блестело на ломтях хлеба — соль или снежинки, — не все ли равно!

Никогда не думали ребята, что может быть таким необыкновенно вкусным черный хлеб!

И может, из-за этого-то хлеба и решили ребята почаще ходить на каток всем отрядом.

НЕ ТРОГАЙ НАШИХ!

Гора была пологой, ледяная дорожка блестела так, будто ее только что протерли суконкой. Ее и правда протирали мальчишки своими штанами. Садились на лед и съезжали вниз, а некоторые даже «рыбкой» спускались.

Наташа и Валя несколько раз прошлись мимо горы. Нельзя же семиклассницам кататься «рыбкой»! Засмеет вся эта малышня! А прокатиться так хотелось!

— Я придумала! У нашего дома ящик валяется!

Наверное, Золушка не так обрадовалась золотой карете, как Наташа и Валя старому ящику.

То одна, то другая съезжала на нем с горы, и ветер свистел в ушах, и белые царапины на льду тянулись за ящиком, как вожжи.

— А ну дай! — Паренек ухватился за ящик, когда Наташа затормозила у самого конца дорожки.

— Давай сюда, а то двину! — За парнем стояли еще трое.

Подбежала Валя, и хотя силы были не равны, девочки цепко держали ящик. Мальчишки наседали, и один уже занес руку... Кто знает, чем бы кончилась эта стычка, но вдруг откуда ни возьмись выскочили Леня Благодарный, Саша Терский, Валерий Васильков.

Наскок был таким стремительным и дружным, что мог бы смять любого противника, даже более многочисленного. Драчуны сразу же потеряли интерес и к ящику, и к ледяной горе, и тем более к девчонкам.

— За девок заступаются! Эх вы!..

— Иди отсюда, пока цел! — огрызнулся Саша Терский. — Держите, девчонки, свой драндулет!

НЕ ВЕРИТЕ? ПРОВЕРЬТЕ!

Вот и кончается наш рассказ о седьмом классе «А». Где они сейчас, эти ребята? Если их не окажется в школе, то вы встретитесь с ними на привале в дубовой роще, куда семиклассники любят ходить в поход. Может быть, вы столкнетесь с ними на вокзале, когда седьмой «А» будет провожать баскетбольную команду на всесоюзные соревнования. В их отряде очень сильные баскетболисты, а команда девочек даже десятиклассниц не раз обыгрывала!

А может быть, вы увидите их на кондитерском комбинате, где семиклассники помогают упаковывать конфеты и печенье. Зайдите на комбинат, и любой покажет вам цех, в котором работают ребята. Ведь это им комсомольцы комбината подарили горн и барабан.

Очень хорошая жизнь у семиклассников, много у них дел. Дела эти или придуманы одним и подхвачены всем отрядом, или придумываются всеми и выполняются каждым.

Няньки таким не нужны, затейники со стороны — тоже. Каждый из них уже убедился: хорошая выдумка, умноженная на дружбу всего отряда, приносит радость вдвойне. Не верите? Проверьте на себе, в своем отряде, в своем звене: сделайте то, что не поручено, и у вас будет очень хорошо на душе. А если каждый пионер придумает для отряда что-то свое, то скука никогда не заглянет в ваш класс. Не верите? Попробуйте сами.

Что же касается седьмого «А», о котором шла речь, то, как только Юра Куров исправит свои отметки, пионерская дружина наверняка признает этот отряд самым лучшим.

Г. Юркина.

г. Сталинград, школа № 28.

ПИОНЕРские ИЗВЕСТИЯ

№ 2 ФЕВРАЛЬ 1960 г.

АЛЛЕЯ ИЛЬИЧА

Летом в городе очень жарко. И пионеры решили озеленить улицы. Посадки протянутся от Дома культуры до моста, примерно на пятьсот метров. Эту аллею ребята назовут аллеей Ильича.

г. Чадыр-Лунг.

ЛЕТОПИСЬ ЗНАМЕНИТОЙ ШКОЛЫ

На фасаде этой школы врезаны в мрамор слова: «Здесь учился Ульянов-Ленин. 1879—1887 гг.». В апреле у ребят двойная радость: будет отмечаться 90-летие со дня рождения Ильича и 150 лет со дня основания школы. К празднику пионеры готовят летопись своей замечательной школы.

Члены кружка технического творчества областной станции юных техников готовят к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина макет Дома-музея Ильича.

г. Ульяновск.

ПЕРВЫЕ ЭКСКУРСИИ

В девятой школе ребята открыли музей Ленина. Собирали репродукции с картин, книги, снимки. Пионеры написали письма во многие города, где жил и работал Владимир Ильич, и попросили прислать фотографии, снимки документов. В музее побывали первые экскурсии пионеров из других школ Кишинева.

Учиться, жить и работать по-ленински!

ЗНАМЕНИ — САЛЮТ!

Как часовые на посту, дежурят наши пионеры у красного знамени дружины. Знамя установлено на лестничной площадке. А все пионеры, проходя мимо, отдают салют.

Валерий Некрасов

Отряд смелых. Школа № 1. г. Вологда.

ЮнТАСС СООБЩАЕТ

ТАШКЕНТ. Саженцы вишни вырастили пионеры 38-й школы. Ребята высадили их вдоль железной дороги.

ОДЕССА. Команда 57-й школы заняла первое место в международных заочных соревнованиях по пионерскому четырехборью. Второе место заняла команда школьного спортивного клуба «Оса» из Яблонова (Польша).

БАКУ. Новую трамвайную линию прокладывают неподалеку от школы № 165. Пионеры помогают рабочим.

ДЕЛА ЭТОГО ГОДА

Летом пионеры 6-й школы г. Воскресенска выращивали кукурузу и построили кролиководческую ферму. Зимой ребята помогали уличным комитетам, заливали катки и строили горки для малышей. Сейчас они выполняют вторую часть своих обязательств на ленинский год: радиофицируют школу.

г. Воскресенск, Московской области.

У МАЛЕНЬКОГО ДОМА

Ребята собрались у маленького дома на улице Цесу. Здесь жил во время своего приезда в Ригу В. И. Ленин. Пионеры прочли отрывки из поэмы В. Алатырцева «Ленин в Риге», стихотворения А. Имерманиса «В девятисотом» и Я. Судрабкална «Ленин». Закончился сбор рассказом о юности Ильича.

Школа № 12. г. Рига.

«КНИГУ КУПИТЕ!»

Хозяин дома внимательно смотрит на мальчишку.

— Тебе что, Потапов?

— Я тут книги принес. Купите?

Многие ребята села Тикши — книгоноши. Они уже продали книг на тысячу рублей.

Вот мы кто!

Только прицелился белобрысый мальчишка в голубя — за спиной раздался окрик:

— Отдай рогатку!

— А вы чего лезете, кто такие?

— Пионерский патруль!

Пришлось озорнику пойти за ребятами с красными повязками. Через четверть часа он слезно молил в городском штабе не сообщать его фамилии в школу.

Много полезного делают пионерские патрули: и за чистотой следят, и хулиганов одергивают, и велосипедистов - лихачей задерживают...

Н. Швыров

г. Тарту.

На улице Вахтру

Малыш от удивления зажмурился, снова открыл глаза. На тарелке по-прежнему лежал большущий, похожий на вопросительный знак огурец. За другими столиками школьного буфета тоже слышались радостные крики: первоклассники находили у себя кто яблоко, кто огурец, топным аппаратом, снимая ничем вроде не примечательное дерево, подойдите — фотограф расскажет историю и этого дерева и многих других деревьев и кустов в Пярну, которые он фотографировал, составляя с друзьями альбом древесных пород города.

Многое нужно уметь де-

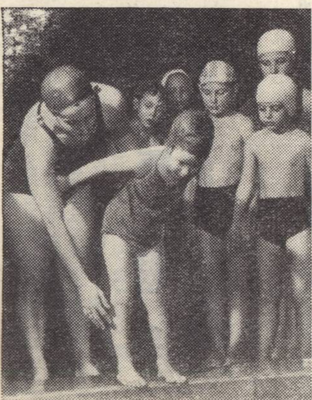

Перед вами две фотографии из жизни будапештской спортивной школы — школы будущих чемпионов, как ее называют.

На первом снимке — венгерский пионер Вильмош Ачаи. Он учится правильному «прямому» удару. Вильмош очень старается: «ведь его учитель — трехкратный чемпион олимпийских игр Ласло Папп.

Внизу — ребята из секции плавания, которой руководит чемпионка мира по плаванию Мария Литтомерицки.

Фото Е. Петруничева.

ШЕФЫ НАСТОЯЩИЕ...

Пионеры с Азовской взяли шефство над малышами своей улицы. Ребята читают им книжки, разучивают с ними песни. Командир тимуровцев Юра Лохаткин.

г. Куйбышев.

...И ШЕФЫ-БОЛТУНЫ

Воспитатели малышового детдома № 1 разравнивают площадку для игр. Неподалеку пионеры 75-й школы.

— Что ж вы не помогаете? — сказали ребятам. — Ведь вы же шефы!

— А разве нас просили помочь? — удивились «шефы».

г. Владивосток.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Алеша Шестопал (редактор), Валера Иванов, Таня Копылова.

Юные техники — Родине

СТАНОК. Слава Шаркунов, Толя Жиборев и Леня Кашицын из Семенцевской школы Вологодской области сделали станок, на котором можно точить, строгать и сверлить детали.

ИНСТРУМЕНТЫ. Сто расшивок, 50 отвесов и другой инструмент для строителей сделали ребята из 29-й школы Сызрани. С помощью этих инструментов построено четыре жилых дома — 192 квартиры.

МАШИНЫ. Марка «123ш» стоит на тракторе, транспортере, подъемнике колхоза «Ленинский путь». Это подарки техников 123-й ленинградской школы. Сейчас ребята собирают для колхоза полуторку.

МОДЕЛИ. Модели атомной электростанции, третьего искусственного спутника, будущего атомного самолета — последние достижения Кыштымской станции юных техников.

кто спелый, с атласной кожицей помидор. А ведь за окнами сейчас январь.

Лишь несколько человек знали, в чем секрет. Подталкивая друг друга от волнения, они стояли, спрятавшись, и наблюдали за малышами. Потом осторожно вышли из школы. Через четверть часа ребята были на улице Вáхтру и поднимались на второй этаж небольшого дома с надписью «Станция юных натуралистов города Пярну». Это отсюда получили малыши огурцы и помидоры — первый зимний урожай в теплицах, построенных юннатами.

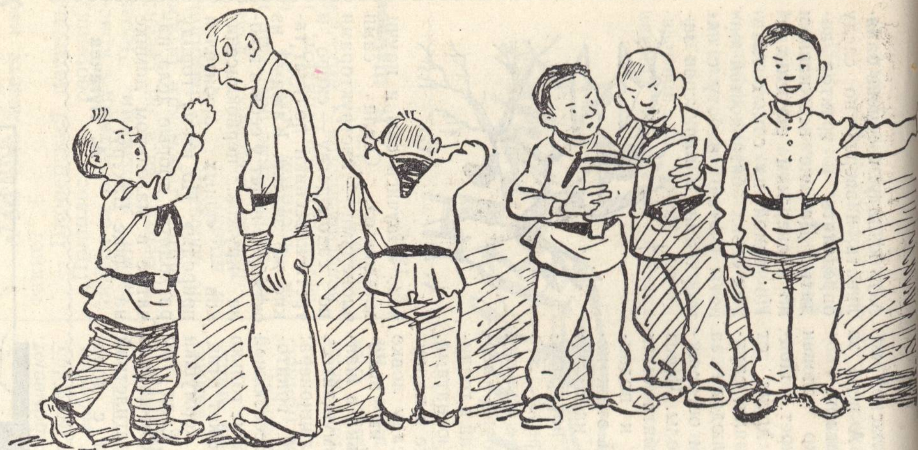
Если вы увидите в пярнуском городском саду ловко карабкающегося на высокую березу паренька в шапке-ушанке, не возмущайтесь и не зовите милиционера: перед вами юный орнитолог, дипломант Всесоюзной выставки, который не только изучает, но и бережет птиц. Он развешивает кормушки для пернатых. Если вы увидите, как в каком-нибудь дворе одиннадцатилетний фотограф возится с доллать юннату: и семена заказывать, и зверей по следу определять, и трактор водить... Да еще все навыки по пионерским ступенькам! Но одной из самых главных своих обязанностей юннаты считают работу с октябрятами. У пярнусцев закон: «Научись сам и научи младшего». Стали сами пионерами — инструкторами по садоводству — скоро и третьеклассники получат такие же значки. Каждый из октябрят ведет у себя в школе кружок первоклассников — «юных любителей природы». По всему городу расходятся добрые дела, начатые в маленьком домике на улице Вáхтру.

А. Пугачев

Собирать металлолом надо с толком и умом!

СТЫДНО ЛИ

Стыдно ли плакать? «Конечно, плакать стыдно!» — скажете вы сразу. Не торопитесь отвечать. Побывайте сначала на сегодняшнем заседании КЛУБА «ПИОНЕРА»

Это собрание клуба началось неожиданно. Вожатый Сима Соловьев зашел к концу занятий в одну школу и увидел в коридоре плачущую девочку.

— О чем она плачет? — спросил Сима у мальчика, пробегавшего мимо.

— Люба? А кто же ее знает?.. Ей только бы поплакать... Уж такая она рёва! — ответил мальчик, презрительно дернув плечом.

Сима подошел к девочке.

— Что с тобой, Люба?

Но та отвернулась и, ничего не сказав, побежала в раздевалку.

— Видите, даже отвечать не хочет! — рассердился мальчик.— Говорю вам: у нее глаза на мокром месте... И как не стыдно на людях нюни распускать!

— Ну, знаешь!..— вмешалась в разговор другая девочка.— Иной раз и рада бы не заплакать, а не удержишься... Так тоже нельзя судить...

Вот с этого и начался спор: стыдно плакать или нет? Мы продолжили его в клубе «Пионера». Первым взял слово мальчик, встретившийся Симе в школьном коридоре,— Юра Осипов.

Слезы, которым не верит Москва

— Есть у нас в классе один человек — задира и драчун отчаянный. Всегда всех задирает. Ну, раз промолчишь, два... А на третий сдачи дашь. Он, конечно, тоже в долгу не останется. И в драке он никогда не плачет.

Сделает ему учительница замечание — тоже не плачет, даже смеется.

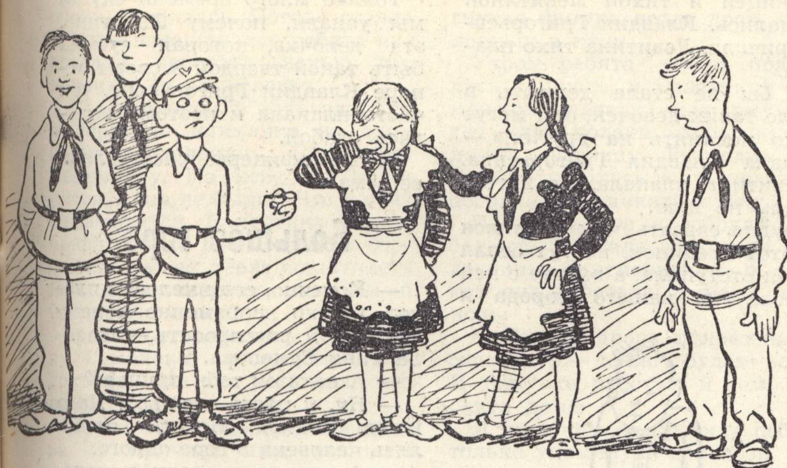
И все так, пока не отберет у него учительница дневник. Взяли дневник — готово! Он в слезы. Думаете, очень расстроился? Ничего подобного! Это он на жалость бьет: разжалобится, думает, учительница и отдаст ему дневник!

Не верю я тому, кто плачет при других! Я так считаю: если хочется поплакать, поплачь один. А кто плачет при всех, так либо у него гордости нет, либо он нарочно разжалобить хочет...

Володя Федоров согласился с Юрой.

— Поставьте хоть троечку-у-у!

ПЛАКАТЬ?

— У нас тоже был такой мальчик, на даче. Привяжется, так добром не отстанет. Ну, просто липучка. Сижу я на реке с удочкой, а он давай дразнить, и что толстый я и что рыба у меня не ловится. Кричит: «Ну и рыбак!» А чем я виноват, если не клюет?

Мне обидно стало. Говорю: «Отстань!» Не отстает. Ну, я его маленько стукнул. Он и не подумал заплакать.

Вдруг какая-то женщина подходит. Он сразу как заревет! Оказывается, это мама его. Она, конечно, на меня напустилась, что я сыночка ее обижаю, да еще моей маме нажаловалась... А он вовсе не от боли плакал, просто захотелось наябедничать.

По-моему, это о таких слезах говорят, что им «Москва не верит». И правильно говорят.

Сильный не плачет

— И от боли тоже можно не заплакать, если воля сильная,— сказала **Нора Гуревич**.— У нас в лагере была одна девочка. Она бегала лучше всех. Вечером мы все гуляли по лесу, она упала и очень сильно ушибла ногу. А на другой день было соревнование по бегу.

Наутро у этой девочки очень болело колено. Но ей хотелось постоять за честь отряда. И хотя нога у нее была перевязана, она все-таки вышла на старт и побежала. И она пришла к финишу, правда, второй, а не первой, как всегда.

По-моему, у этой девочки сильный характер. А сильный человек никогда не плачет.

Слезы слезам рознь

С Норой горячо заспорила **Таня Кинькаева**.

— Нет, я не считаю, что только слабые плачут. Есть у меня подружка. У нее нелады с русским: все тройки да тройки. Я даже считаю, что учитель к ней несправедлив: другому бы за такой же ответ четверку поставили, а у нее все тройка.

Приду к ней домой. Она сидит, слезы капают, а перед ней раскрытый учебник русского языка. Плачет, а сама учит.

И, знаете, она все-таки стала получать по русскому четверки, моя подружка! Нет, хоть она и плакала, но не считаю я, что у нее слабая воля.

Таня Семенова вспомнила случай, о котором ей рассказали в колхозе.

— Ночью в одной семье внезапно заболел ребенок. Дома были только мать да девочка-соседка. Мать не могла оставить ребенка, врач находился далеко, в соседней деревне. За ним побежала соседская девочка.

Дорога была пустынная, темная, все больше лесом. Девочке стало очень страшно, она заплакала от страха, но не вернулась домой. Так, в слезах, добежала до врача и привела его к больному ребенку.

Разве **так** плакать стыдно?

Об одной плаксе

— А все-таки девочки любят поплакать зря,— сказал **Юра Осипов**.— Взять хотя бы Любу, которая плакала в коридоре. Я уверен, что она ревела из-за пустяков. Поставят ей тройку — она и в слезы.

— А все же на твоем месте я подошла бы к Любе и расспросила, почему она плачет,— сказала **журналистка Юлия Новикова**.— Как-то в детстве я не сочла нужным расспросить о том же одну девочку. И мне до сих пор стыдно про это вспоминать.

— Кто тебя, сыночек?

— Я своей сестренке всегда говорю: не реветь!

Мы жили в одном уральском городе. Дело было в годы гражданской войны. Город заняли белые.

Госпиталь, где лежали раненые белогвардейцы, помещался во дворе нашей школы.

И вот одна наша учительница, Клавдия Григорьевна, как-то вызвала несколько старших девочек и велела им взять на себя заботу о раненых белых офицерах — приходить к ним в палату, читать вслух книги, подавать еду... Среди этих девочек была и Левитина. Имени ее я не помню, да ее никто и не звал у нас по имени. Она появилась в школе недавно, и никто с ней не подружился: такая она была молчаливая и как будто вялая. Тихо сидела она на последней парте, а когда ее вызывали к доске, краснела и ее выпуклые глаза сейчас же наливались слезами. Плакала Левитина часто и как будто без всякого повода. Нас, младших, это особенно раздражало: «Такая большая, а чуть что — в рев!»

Через несколько дней после разговора с девочками Клавдия Григорьевна пришла к нам рассерженная. Она сказала, что некоторые девочки не ходят в госпиталь, и в числе их Левитина. Клавдия Григорьевна почему-то больше всех напустилась на Левитину. Что у нее, совсем сердца нет?.. Или, может быть, на нее дома так странно влияют?

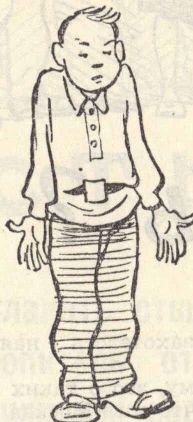
И опять у Левитиной глаза налились слезами. И опять мы не придали этому никакого значения, не подошли к ней, не расспросили...

Шли дни. Сцены между учительницей и тихой Левитиной учащались. Клавдия Григорьевна кричала, Левитина тихо плакала.

«Я бы не стала держать в школе таких девочек, они могут плохо повлиять на других!» — кричала Клавдия Григорьевна.

Левитина плакала, но в госпиталь не шла.

Трудно сказать, чем кончился бы этот поединок, но тут белая армия отступила, а вместе с ней исчезла из нашего города и

— Ну и пусть себе заливается, мое какое дело?

— У девчонок всегда глаза на мокром месте!

Клавдия Григорьевна. Через некоторое время Левитина перешла в другую школу, и мы сейчас же забыли о ней, хотя... Хотя даже теперь, когда многое забылось, грустное ее лицо стоит у меня перед глазами, и мне делается стыдно.

Только много времени спустя мы узнали, почему Левитина, эта девочка, которая сумела быть такой твердой в своем отпоре Клавдии Григорьевне, так часто плакала и поэтому казалась слабой.

Белые офицеры расстреляли ее отца.

Большое горе

— Конечно, если человек плачет, нужно непременно к нему подойти и расспросить,— сказала **Таня Семенова.**

— А если он тебя отошьет?

— Ну, и пусть отошьет! Надо найти подход. Нельзя оставлять человека в горе одного.

— А по-моему, если у человека большое горе, лучше всего оставить его в покое,— заявила **Ира Ушакова.**— По себе скажу. Когда у меня серьезные неприятности, мне ни с кем разговаривать не хочется. Я на всех злюсь!

— По-разному переносят люди свое горе,— сказала **директор 172-й московской школы Елена Александровна Музичук.**— Я расскажу вам о горе одного мужественного человека.

Шел 1942 трудный военный год. Отопление не работало, и холод в школе стоял такой, что пальцы не гнулись... И вдруг мне сообщают, что можно достать дрова, только нужно самим погрузить их и доставить с речного причала в школу.

Я сказала об этом учителям и ребятам. Работать предстояло ночью... К вечеру в школу пришли все преподаватели. Учеников же собралось человек двадцать пять, не больше. Я не

— Над книжкой плакать? Вот чудак!

очень удивилась. Погода стояла пронизывающая, все ребята недоедали, работать ночью им, конечно, было нелегко.

Мы собрались у подъезда. Тут я обратила внимание на одну нашу учительницу, Валентину Семеновну. На ней, как говорится, лица не было... Что с ней? Оказывается, Валентина Семеновна только что получила сведения, что ее девятнадцатилетний сын зверски замучен в фашистском плену.

Я стала уговаривать Валентину Семеновну идти домой, отдохнуть... Но она сказала, что пойдет с нами.

Почти всю ночь грузили дрова на причале под ледяным ветром. Наконец кое-как довезли их до школы и сложили на улице. До утра возле дров нужно было дежурить. Валентина Семеновна настояла на том, что дежурить будет она. На всю жизнь запомнилась мне ее согнутая фигура возле дров, сваленных в кучу.

Утром ребята стали подходить к школе, и Валентина Семеновна давала каждому по два — три полена, чтобы вносили на лестницу. Тут одна девочка отказалась взять поленья, побоялась запачкать шубку.

После уроков я собрала ребят и рассказала им о горе Валентины Семеновны и о том, как она работала с нами всю ночь.

— Теперь дрова привезены,— сказала я,— тепло будет всем. И тем, кто работал, и тем, кто сидел дома.

Я ни о чем не просила ребят, только упомянула вскользь, что сегодня ночью мы опять пойдем на причал. А вечером все ребята — все ученики до одного — собрались в школе. Пошла с нами грузить дрова и та девочка, которая накануне боялась запачкать свою шубку...

Как вы считаете, ребята?

Слово взял **Сима Соловьев.**

— Как будто все вы, ребята, согласны, что слезы бывают разные. Стыдно хныкать по пустякам или же для того, чтобы разжалобить других. Сильный человек старается с твердостью перенести даже большое горе... И все же есть слезы, в которых ничего позорного нет. Ну, а как вы считаете ребята: стыдно плакать в кино, в театре или над книгой?

— По-моему, плакать в кино глупо,— сказал **Юра Осипов.**— Там же все выдуманное.

— А по-моему, говорить так глупо! — закричала **Аня Дулицкая.**

А вы как считаете, ребята?.. Напишите нам, что вы думаете по этому поводу.

ЛУЧШИЕ ЮНЫЕ АВИАКОНСТРУКТОРЫ

— На старт!— слышится команда.

Еще мгновение — и модель в небе. Она набирает высоту, удаляется от старта и, развернувшись строго против ветра, по всем летным правилам, садится на три точки... Юный авиаконструктор доволен. Машина работает отлично.

Где это происходит? Кто автор модели? Ответить не так-то легко. Это могло произойти в Удмуртии и на Украине, в Грузии и в Казахстане.

В нашей стране любят авиамодельный спорт. И не удивительно, что Всесоюзные заочные соревнования, проходившие в прошлом году (условия их были напечатаны в февральском номере «Пионера»), стали настоящим праздником «малой авиации».

Звание победителя Всесоюзных заочных соревнований по моделям планеров «А-1» жюри присудило Анатолию Рысину, ученику 8-го класса «А» средней школы № 4 Хвалынского района, Саратовской области. Он набрал 898 очков из 900 возможных.

На втором месте — восьмиклассник Валерий Глазко из поселка Целина, Ростовской области.

Третье место занял Рафаэль Арутюнов, ученик 7-го класса 36-й школы г. Баку.

М. Лебединский

ПОРТРЕТ ПАРИЖА

Р. ИЗМАЙЛОВА

Есть старинная французская пословица: «Каждой птице свое гнездо кажется прекрасным». Это сказано о людях и, несомненно, о парижанах. Они не меньше любят свой прекрасный город, чем москвичи — Москву, а киевляне — Киев.

Большой город — это всегда неисчерпаемый сюжет. Кто-то подсчитал, что о Париже написано на разных языках более двухсот тысяч книг, сняты миллионы фотографий, нарисованы многие сотни картин. И все они непохожи друг на друга. У каждого художника и писателя есть свой Париж, а иногда только свой квартал, который он описывает,— один, зато самый любимый и знакомый.

Теофиль Стейнлен — известный французский график—часто изображал парижскую окраину, людей предместий: кровельщиков, каменщиков, землекопов — в полосатых тельняшках, с добродушными лицами, с характерными галльскими усами. Стейнлен забирался на чердак, чтоб оттуда рисовать суровую толпу забастовщиков, вставшую перед солдатскими штыками. Он лазил по строительным лесам, чтоб повстречаться с этими «превосходными парнями», как он называл смелых верхолазов. Иной раз он часами сидел на узеньких, старинных улочках, наблюдая труд мелких ремесленников, старой женщины, чинившей плетеные стулья, или плотника, на одежде которого нашито столько карманчиков для инструментов. В блокнот художника попадали и босой мальчик в холодный день у витрины богатого обувного магазина и бродячие парижские кошки, алчно обнюхивающие молочницу с бидонами.

Другой парижанин, Морис Утрилло, больше любил пейзаж. У него тоже была своя постоянная тема — Монмартр. Здесь, в этом районе, расположенном на высоком холме, он родился и всю жизнь изображал его узенькие улицы, мелкие, тесные лавчонки, старые церкви, находя каждый раз интересные и характерные особенности, отмечая детали старины или современной жизни.

Монмартр вы, наверное, видели в детском фильме «Воздушный змей из Китая». Именно сюда залетел из Пекина красочный змей, с таким восторгом встреченный ребятишками, игравшими недалеко от старой мельницы на одной из монмартрских улиц. Это и сейчас популярное место у «воскресных художников». Так называют в Париже многочисленных любителей порисовать в свободный день живописные уголки столицы.

И вот на выставке детских рисунков, привезенных из Франции в Москву, мы снова убеждаемся, как бесконечен портрет Парижа. Наверное, среди «воскресных художников» было немало и юных, с работами которых мы познакомились в Музее изобразительных искусств имени Пушкина.

Париж — один из тех городов мира, который сразу узнаешь и по всемирно известным зданиям и по тем деталям архитектуры и быта, которые только ему и свойственны. Если нарисовать город сверху, одни лишь крыши, все равно сразу понятно — это Париж! Только там такие характерные узкие трубы, такие своеобразные и выразительные крыши. И окна необычно длинные, похожие на двери, с чугунными решетками и ставнями-жалюзи. И другие окна, уже под самой кровлей, в неудобных, узких мансардах для жителей победнее,— это тоже Париж...

Когда внимательно рассматриваешь один за другим рисунки и акварели, присланные нам из Франции, убеждаешься, как много интересного рассказывает, казалось бы, невзрачный городской пейзаж. Вот маленькая тенистая площадь. На круглом возвышении стоят четыре осенних дерева. Вокруг такие

Мой Бельвиль. Рисунок Фернанды Бербаум.

обычные для Парижа дома. Чем привлекло это место — площадь Фюрстенберг — юную художницу Колет? Для нее, как и для других людей, хорошо знающих старую часть Латинского квартала, эта площадь связана с дорогим воспоминанием. На небольшой дощечке дома № 6 вы прочтете: «Ателье Эжена Делакруа». Это — имя знаменитого французского живописца девятнадцатого века, написавшего известную картину «Резня на Хиосе», в которой он с глубоким сочувствием изобразил страдания греческого народа и его борьбу за независимость. Когда во Франции произошла революция 1830 года, Эжен Делакруа написал картину «Свобода на баррикадах», взволновавшую общество. Вокруг фигуры Свободы, изображенной со знаменем в руках,— участники уличных боев: рабочие, интеллигенция, парижские мальчишки. Художник глубоко интересовался историей, литературой, жизнью восточных стран. В этой мастерской (по-французски «ателье») на площади Фюрстенберг он написал много картин, посвященных народам Северной Африки, Алжира, Марокко. Здесь он и скончался в 1863 году. Сейчас в ателье небольшой музей, который часто посещают школьники.

Моника Бодэ выбрала для своего рисунка другой, еще более известный уголок французской столицы. Этот красивый дворец с круглыми башнями на берегу Сены вы, может быть, встречали на страницах учебников истории.

Тут некогда помещалась тюрьма Консьержери, в которую сажали цареубийц, а впоследствии — опальных политических деятелей. Во время Французской революции здесь находилась осужденная народом семья короля и придворная знать. В музее сохранилась камера Марии-Антуанетты, в которой она была заточена в августе — октябре 1793 года. Потом в этой же тюрьме томились виднейшие деятели Французской революции. Сохранились еще старинные названия всех помещений этого древнего здания: «Зал потерянных шагов», «Комната стражей», «Галерея пленников»; они живо напоминают потомкам о далеком прошлом. На рисунке Моники — необычайно взволнованная Сена, бурное движение облаков на темном, тревожном небе над башнями. Все это хорошо доносит до нас мрачный и грозный образ тюрьмы Консьержери.

Прошлое города... К этой огромной теме французские школьники отнеслись с большим интересом. Многие из них показали, как они любят и понимают старину, чувствуют архитектурные образы и памятники искусства.

Не правда ли, хороша акварель Жозеты Мимон? Она изображает площадь Вогезских гор — одно из очень красивых мест столицы. Жозета решила написать площадь сверху, через окно старинной каменной галереи второго этажа. Отсюда особенно интересен обзор этой квадратной площади XVII века. Посмотрите на левую часть акварели, и вы увидите подругу Жозеты с мольбертом. Она,

оказывается, выбрала другую точку зрения, чтобы захватить площадь в ином ракурсе — сбоку. Описание этой площади девочки, вероятно, встречали еще в сочинениях классических писателей — Корнеля и Мольера. В давние времена площадь называлась Королевской. А когда в эпоху революции департамент Вогезов первым прислал помощь революционному правительству, площадь переименовали в честь этой поддержки, назвав ее площадью Вогезов. Но не только интересные архитектурные детали — композиция ансамбля, характер крыш, памятник в сквере — привлекли юных художниц к этой теме. Кто из парижских ребят не знает, что в доме против окна, из которого рисует Жозета, жил один из любимейших писателей молодежи — Виктор Гюго! В его квартире расположен чудесный музей, с богатым собранием документов, рисунков, картин, личных вещей писателя.

Гюго тоже очень любил рисовать. Здесь хранится более пятисот его акварелей и рисунков карандашом и сепией. Когда во время путешествия ему встречались эффектные древние руины, замок или когда он старался поточнее представить себе какой-то образ в будущей книге, пока еще существующей только в его воображении, он набрасывал поскорее рисунок на первом попавшемся клочке: на старом конверте, на обрывке газетного поля, на обороте открытки.

Гюго сам делал по своим рисункам мебель. Ему нравилась крестьянская обстановка в Нормандии и Бретани, и он воспроизводил ее. Одна из комнат музея обставлена собственноручно сделанной им мебелью. В ней висит красивый фонарь с экзотическими узорами и декоративное панно, тоже сделанное писателем. Он с удовольствием занимался столярным ремеслом и, видимо, в часы этого спокойного труда обдумывал образы своих прославленных романов. На высокой конторке в его кабинете (Гюго очень любил писать стоя) лежат последние страницы неоконченного произведения. Все, что связано с памятью Виктора Гюго, любовно сохраняется французской общественностью. Заботятся об улице его имени, она тениста и красива; берегут дома, где он жил и творил; есть «Общество друзей Виктора Гюго», в котором деятельно работают его признательные читатели — наши современники.

Конечно, не всех юных художников интересуют пейзажи, старина, известные памятники. Многие любят рисовать жизненные сцены, быт.

Сюзанне Пелисье захотелось рассказать о том, как продают на парижских перекрестках цветы. Моделью послужила старушка цветочница из того квартала, где живет Сюзанна. Каждое утро на своей тележке привозит цветочница свежие букетики фиалок, мимозу, гладиолусы, тюльпаны, ландыши. Правда, цветы не дешевы в столице, и старушка, чтобы ее зря не беспокоили, вывесила цену — 100 франков. О, это не так мало, и все же у нее, видно, есть постоянные покупательницы. Одна из них уже взяла букетик и задержалась немного побеседовать.

А художница Фернанда Бербаум нарисовала свой родной район — Бельвиль, в нем живут рабочие.

Вот эта загородка из чугуна — вход в парижское метро. Рядом стоит со своим столиком продавец газет, а справа ребята сделали снежную бабу. Это так редко удается в Париже: снег там — неожиданный гость...

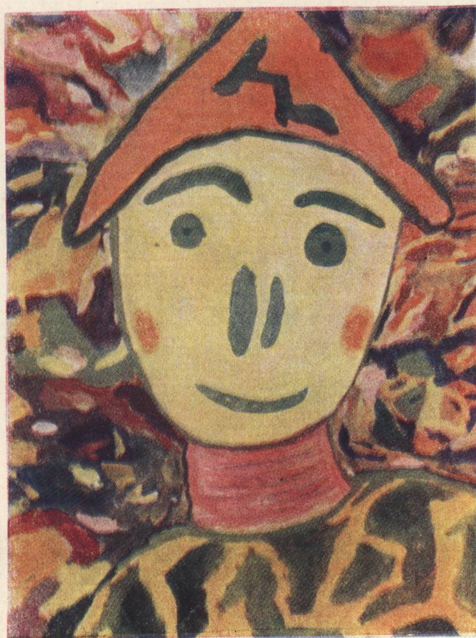
Многие приметы парижского быта заметны в ребячьих рисунках. На барже, стоящей на Сене, сушится белье, тут живут люди. Те, у кого нет кровли, иной раз спят и под мостами. Поэтому и в акварелях попадаются фигуры таких бесприютных, жалких бродяг. Те, кто был на выставке, видели рисунки, изображающие забавных клоунов, выступающих прямо на улице. Это характерно для городских окраин, где часто проводятся веселые ярмарки с представлениями.

А откуда взялся на одном из рисунков такой старомодный экипаж? Да, такие автобусы и странные фаэтоны, запряженные лошадкой в соломенной шляпе, необычные, как будто с картинки прошлого века, кареты частенько попадаются на парижских проспектах. Они кажутся нам странно заблудившимися допотопными животными. Но жители к ним привыкли, и старомодные экипажи мирно путешествуют по соседству с автомобилями последних марок.

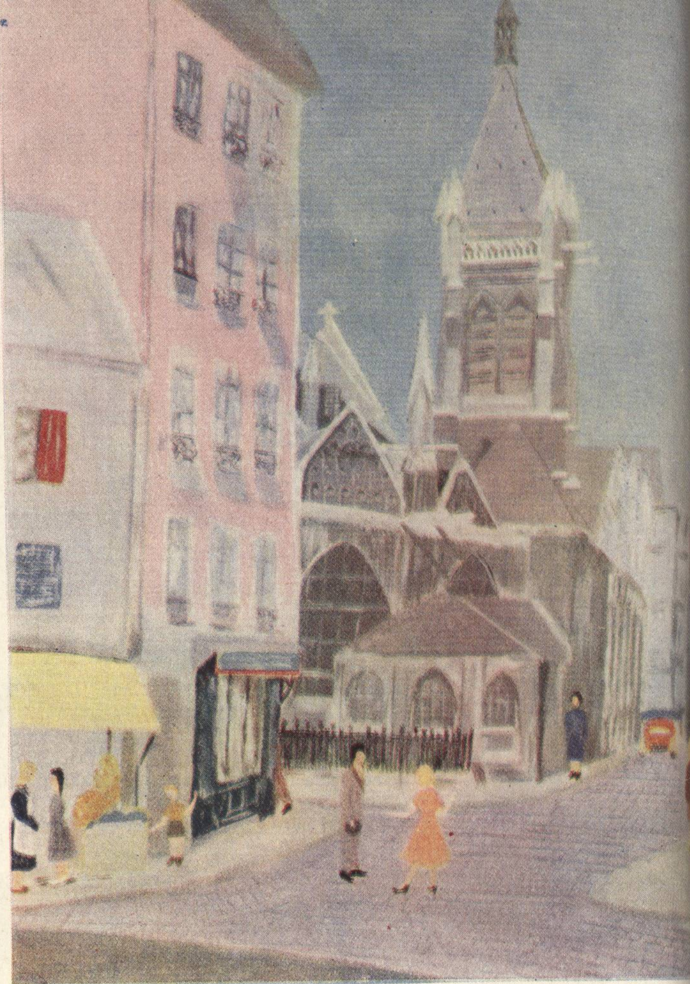
Так медленно, шаг за шагом, открывается на этой детской выставке яркий облик Парижа, и мы чувствуем, с какой трогательной привязанностью рассказывают о родном городе кисточка, карандаш и уголек, попавшие в руки парижских ребят.

ЗИМНИЙ ПАРИЖ. Маттез, 14 лет.

ВИД ИЗ ОКНА НА ПЛОЩАДЬ ВОГЕЗСКИХ ГОР. Жозет Мимон, 15 лет.

АРЛЕКИН. Ж. Д., 5 лет.

ВИД УЛИЦЫ. Н. Филипс, 15

ПРОДАВЩИЦА ЦВЕТОВ МОЕГО КВАРТАЛА. Сюзанна Пелисье, 13

КОНСЬЕРЖЕРИ В ПАРИЖЕ. Моника Бодэ.

ПАРИЖ. Колет Гинен, 13 лет.

В горах Заилийского Ала-Тау есть плато Чимбулак, излюбленное место тренировок алма-атинских лыжников. Здесь лежит ослепительный снег в то время, когда внизу, в Алма-Ате, его и в помине нет. Сюда, на залитые солнцем снежные поля, каждое воскресенье поднимаются не только взрослые, но и школьники. А уж в дни зимних каникул и говорить не приходится! Тут у ребят проходят соревнования в слаломе.

Место старта — на высоте 1 500 метров, но лыжникам не приходится одолевать

Фотография А. Геринаса.

В мире, где забудут слово «война»

ПЛАНЕТА меняет лицо

В. САПАРИН

ЧТО УВИДАЛ БЫ МАРСИАНСКИЙ АСТРОНОМ?

Устраивает ли вас наша планета? Как, по-вашему, нуждается ли это космическое тело в каких-нибудь изменениях?

Собственно, человек уже ответил на этот вопрос. Первый земледелец, сводя лес и сея на его месте хлеб, распахивая девственные степи, уже изменял планету, приспосабливал ее для своего существования. Правда, в борьбе с природой он испытал и немало поражений.

В наше время работа по переустройству Земли достигла поистине космического масштаба.

Мы нередко задумываемся, есть ли на других планетах разумные существа. Предположим, что на Марсе они есть и что их техника достаточно высока. Если так, то, конечно, марсианские ученые давно и великолепно изучили Землю, хорошо видимую в их телескопы, и дали свои названия всем земным материкам и океанам.

И вот, взяв в поле зрения телескопа планету, висящую в темно-фиолетовом небе, один из марсианских ученых обнаруживает на хорошо знакомом, изученном в подробностях, запечатленном во всех школьных атласах диске Земли какие-то изменения. Вот река, текущая на большом протяжении с севера на юг, — мы зовем ее Волгой, а марсиане еще как-то. Вдруг эта река, описанная в сотнях трудов и давно сфотографированная по всем правилам марсианской техники, начинает вести себя как-то странно. Она разливается то на одном, то на другом участке и уже больше не возвращается в свои берега. Длинные озера, в которые превращается река, сливаются одно с другим. В конце концов река совсем меняет свой облик, она превращается в цепь «озер» или «морей». Среди ученых разгораются споры. Выдвигаются и тут же опровергаются различные гипотезы. Идут дискуссии. Что происходит?

Загадок, подобных описанной, перед марсианскими учеными встает немало.

Да, нелегко быть марсианским астрономом!

Вероятно, пока люди не прилетят на Марс и не растолкуют марсианам, в чем дело, те так и не смогут понять, что происходит в наши дни на Земле.

ВСЕ ВМЕСТЕ

Грандиозные преобразования природы осуществляются в нашей стране. Реки поворачивают вспять; вода течет в пустыни; на больших пространствах бесплодные земли превращаются в сады и поля.

Но многие переделки планеты осуществимы, только если несколько стран будут работать вместе. Такой совместной работы требует, скажем, Амур, который течет вдоль границы СССР с Китаем. Эта могучая река впадает в Татарский пролив так неудачно, что песчаные мели закрывают вход в устье Амура морским кораблям.

Советский Союз и Китайская Народная Республика решили вместе переделывать Амур. По проектам, разработанным учеными, река превратится в цепочку озер-водохранилищ, на ней будут построены гидростанции, у Амура будет удобный выход в Охотское море и связь с Японским и Желтым морями. Прямо от берегов Китая и Кореи океанские теплоходы пойдут в Амур. Водный путь из Владивостока в Хабаровск сократится в три — четыре раза. Объединенная энергетическая система даст ток для промышленности и сельского хозяйства двух стран.

Но разве только эта большая река нуждается в улучшении? На земном шаре есть моря и океаны, которые тоже надо бы усовершенствовать. И есть пустыни и есть зоны оледенений — словом, множество всяческих «промахов» природы, которые человеку хотелось бы исправить.

Возможно ли это? Вполне возможно, отвечает современная инженерная мысль и предлагает проекты.

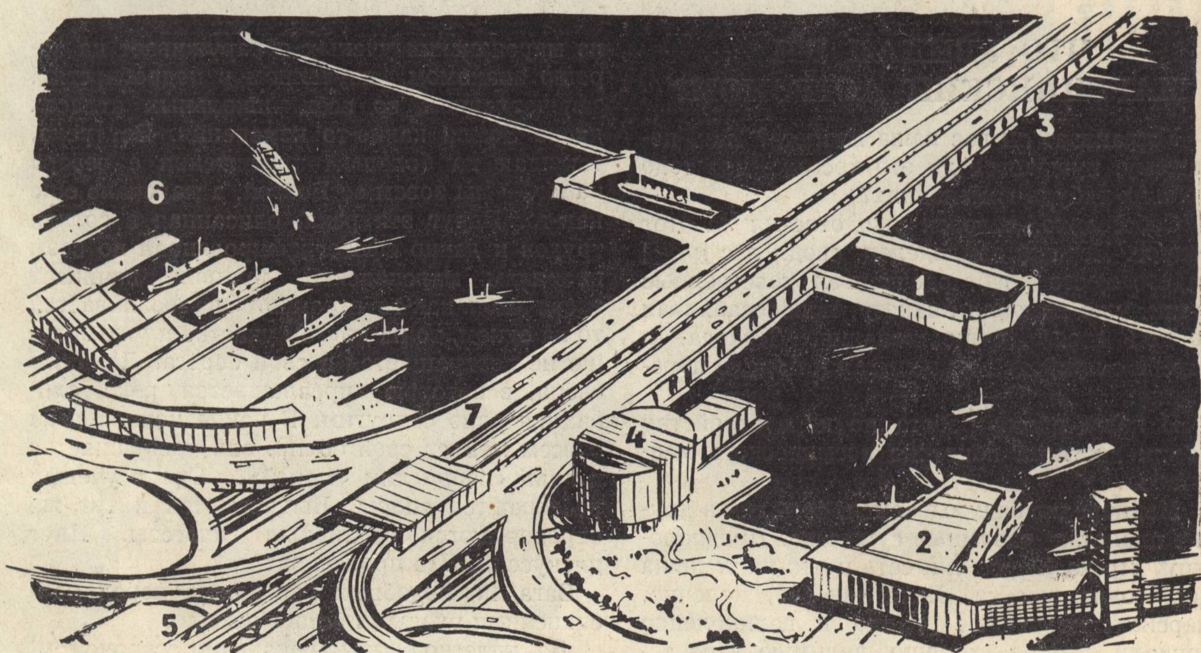
Чтобы выполнить их, нужен мир, нужен общий мирный и дружный труд народов.

18 сентября 1959 года, в памятный для всех людей день, началась новая эпоха в человеческой истории. Никита Сергеевич Хрущев от имени Советской страны предложил полное разоружение всем другим странам. Объединенные Нации уже проголосовали за это предложение. И люди поверили, что мир возможен, что можно навсегда кончить с войной.

Покончат люди с войной, с вооружением, тогда хватит могущества, времени, средств, чтобы усовершенствовать планету.

ЗЕМНОЙ ШАР — НАШ ДОМ ВО ВСЕЛЕННОЙ

В своих квартирах, в своих маленьких жилищах мы стремимся разместить отопление

На этой странице и на следующей вы видите плотину, которая соединит наш материк с американским. Посмотрите на маленькую карту на верху следующей страницы. Белой стрелкой там показано место плотины. Из одного океана в другой суда будут проходить через шлюзы (1). В плотине будет насосная станция (3), энергию насосам даст атомная электростанция (4). Около плотины расположится пассажирский порт (2) и порт грузовой (6). С материка на материк пойдет железная дорога (5) и автострада (7).

и оборудовать его таким образом, чтобы жить было как можно удобнее. Мы создаем искусственный климат не только в домах, но даже в поездах, самолетах, пароходах. Это позволяет человеку чувствовать себя как дома в любом географическом поясе Земли. Правда, до тех пор, пока он не вышел из своего благоустроенного жилища. Тут уж приходится в одних случаях надевать меховые одежды, ватники, даже обмазывать лицо толстым слоем мази, а в других — оставлять на себе лишь самые легкие одежды и укрываться в тени. Но дело не только в том, как одеваться. И промышленность и сельское хозяйство во многом зависят от климата.

Спрашивается: а нельзя ли изменить отопительную систему земного шара? Мы научились искусственно создавать климат в своих домах, на очереди наша планета.

ДВА ПРОЕКТА

Посмотрите на глобус. Там, где Тихий океан и Северный Ледовитый соединяются узким Беринговым проливом, а евразийский и американский материки как бы протянули друг другу руки, там находится ключ к преобразованию климата всего северного полушария нашей планеты.

Продолжая аналогию с ключом, мы можем сказать, что ключ этот можно повернуть в противоположные стороны, и при этом получаются два разных решения одной и той же задачи.

Советские инженеры А. И. Шумилин и П. М. Борисов предложили запереть Берингов пролив исполинской плотиной-мостом. В теле плотины должны быть установлены тысячи пропеллерных насосов, приводимых в действие мощными атомными электростанциями.

А. И. Шумилин предложил качать с помощью мощных насосов воду из Тихого океана в Северный Ледовитый, создав таким образом теплое течение, которое пройдет через Арктический бассейн в Атлантический океан. Это теплое течение позволит смягчить климат Сибири и Северной Америки.

По проекту, разработанному П. М. Борисовым, насосы должны качать воду в прямо противоположном направлении. Что при этом произойдет? Воды Ледовитого океана потекут в Тихий. Более холодные и более тяжелые, они сначала уйдут вглубь, а потом, согревшись, выйдут на поверхность. Впрочем, так будет происходить только в первые годы работы океанской насосной станции. В дальнейшем насосы будут качать воду с температурой выше, чем температура воды северной части Тихого океана. Но откуда же она возьмется?

Вот какая часть морского дна станет пригодной для земледелия, если запереть Средиземное море плотинами (на рисунке эта часть выделена белыми точками).

Из бывшего Ледовитого океана. Полярный бассейн начнет согреваться за счет теплых вод, которые потекут в него из Атлантического океана, главным образом за счет Гольфстрима. Если бы это теплое течение попадало в Арктику без всяких помех, его было бы достаточно, чтобы растопить любые, самые «вечные» льды. Но помехи существуют. Это холодные течения, в особенности Лабрадорское и Восточно-Гренландское, которые встречают Гольфстрим на подступах к Арктике. В результате первой встречи температура Гольфстрима падает на целых 10 градусов. Встреча с Восточно-Гренландским течением окончательно обессиливает Гольфстрим, и он погружается подо льды Арктического бассейна.

Отток вод Ледовитого океана в Тихий и вызванный этим мощный приток вод с другой стороны — из Атлантики — приведут к тому, что встречные холодные течения будут ослаблены или даже совсем ликвидированы. А Гольфстрим, усиленный этим током, свободно и энергично устремится в Арктический бассейн. Начнется таяние вековых льдов, разогревание Арктики и всех прилегающих к ней районов.

Дальше, по расчетам П. М. Борисова, произойдет нечто вроде цепной реакции. Ледяная и снежная шапка вокруг Северного полюса нашей планеты станет сокращаться. Сейчас она, подобно гигантскому зеркалу, отражает в мировое пространство до девяноста процентов тепла, приносимого солнечными лучами. Уменьшение снежной и ледяной шапки повлечет за собой усиленное поглощение солнечного тепла приполярными областями нашей планеты. Вода, как известно, поглощает тепло гораздо лучше, чем снег и лед. В итоге общее потепление северного полушария пойдет еще быстрее.

НОВЫЙ КЛИМАТ ПЛАНЕТЫ?

— Круглогодичная навигация по Северному морскому пути, — говорит П. М. Борисов, — позволит преобразовать ныне суровое побережье Азии в поистине величественный фасад России, о чем мечтал в свое время адмирал Макаров. Северный океан, который потеряет право называться Ледовитым, обогатится ценными промысловыми породами морского зверя и рыб. Климат по всему побережью океана и в Сибири станет примерно таким же, как сейчас на Украине. Сорок семь процентов территории СССР, 60 процентов Канады и 70 процентов Аляски, ныне пораженные вечной мерзлотой, оттают. Безлюдная тундра покроется пышными пастбищами и лугами, превратится в район массового животноводства и выращивания теплолюбивых

культур. В Якутии зацветут вишневые и яблоневые сады.

Два года назад журнал «Вокруг света» рассказал о проектах плотины в Беринговом проливе. Проекты вызвали большой интерес инженеров и ученых. За эти два года П. М. Борисов дополнил и уточнил свой проект. В этом помогли ему новые сведения о нашей планете, полученные мировой наукой во время Международного геофизического года.

Когда рождается такой гигантский план, возникает множество вопросов. Ведь осуществить утепление Арктики, сместить теплые и холодные океанические течения — это не батарею в комнате переставить! Тут последствия будут планетарного масштаба. Сразу возникают вопросы. Арктика потеплеет. А как будет «чувствовать» себя средняя полоса? Что станет с таежными массивами при новом климате? Во что превратятся степи?

Тут надо очень хорошо рассчитать, потому что в природе планеты все тесно связано.

Для более точной разработки проекта должны быть проведены дополнительные исследования, чтобы выяснить неясное, чтобы рассчитать и предугадать любое из возможных последствий.

Столь грандиозная проблема, как преобразование климата северного полушария Земли, естественно, затрагивает интересы всего человечества. Огромные выгоды от потепления Арктики, кроме СССР, США и Канады, получает вся Скандинавия, Германия, Польша, Китай, частично Япония, а также и многие другие страны. Не удивительно, что проект советского инженера вызвал большой интерес за рубежом.

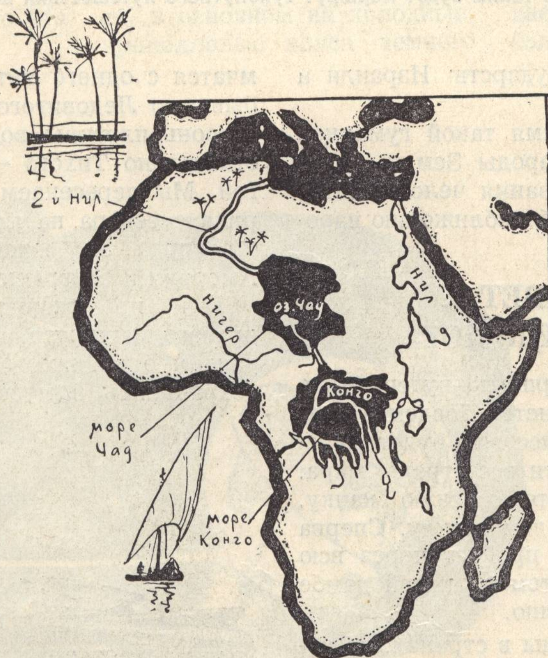
А НА ЮГЕ?

На юге тоже много дела. В тропиках, правда, нет мерзлоты и нет арктических льдов, но там свои беспорядки. Пустыня Сахара, гигантская сушилка, дышит суховеями, губит урожаи средиземноморских стран. Конго, огромная, могучая река, зачем-то течет на запад, «обогащая» океан. Средиземноморские земли, древняя колыбель человечества, стали тесны для своих «детей».

Есть несколько проектов улучшения планеты и на юге.

Немецкий инженер Герман Зергель предложил перегородить дамбой Гибралтарский пролив. Тогда Средиземное море в результате испарения воды займет меньшую, чем сейчас, площадь и часть его дна превратится в плодороднейшие пашни.

Этому же инженеру принадлежит идея переделки природы Африки. Нужно направить часть вод самой большой африканской реки, Конго, во впадину озера Чад и для затопления малонаселенной низменности в Центральной Африке. В глубине материка образуются два гигантских пресных моря. На месте песков Сахары вырастут могучие леса, уйдут в прошлое жаркие ветры, иссушающие поля и сады Южной Европы. Огромная река — «Второй Нил» — потечет из пресного моря Чад и впадет в Средиземное море близ Туниса. И даже Мертвое море может стать могучим источником жизни. В Палестине много плодородных земель, но недостает воды, чтобы превратить их в цветущий сад. Еще в 1925 году французский инженер Гандрийон предложил проект обводнения Палестины. В результате строительства плотин, насосных и гидроэлектрических станций в районе Мертвого моря, реки Иордан и Тивериадского озера решились бы и еще две важные экономические проблемы: Палестина была бы обеспечена электрической энергией и минеральным сырьем из природных запасов Мертвого моря. Для осуществления проекта Гандрийона требуется сотрудни-

Посмотрите, как изменится Африка после постройки плотин. Сегодняшние контуры реки Конго и озера Чад нарисованы белым. Вы видите их внутри будущих водных бассейнов.

Примерно таким будет маршрут сухопутного путешествия вокруг света.

чество двух соседних государств: Израиля и Иордании.

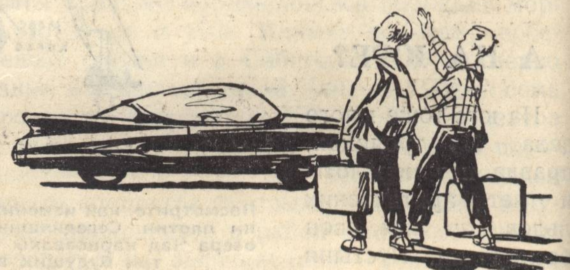
Совместный труд во имя такой гуманной цели, как улучшение природы Земли, улучшение условий существования человечества, во многом способствовал бы сближению народов.

ВОКРУГ СВЕТА, НЕ ЗАМОЧИВ НОГ

Мне хотелось бы совершить путешествие по этой обновленной планете. Поедемте вместе. Ручаюсь, что путешествие будет интересным: оно охватит почти все страны мира. Если вы плохо переносите морскую качку, это не страшно. Мы проедем посуху. Сперва Европа, потом наш путь пройдет через всю обновленную Африку, затем по новой дамбе мы снова въедем в Евразию.

Много нового увидим мы в странах, по которым поедем. Особенно на утепленном Севере. Но вот уже позади великий Китай, мы проехали Азию, и наш автомобиль въехал на плотину Берингова пролива. Электропоезда мчатся с одного материка на другой. Волны бывшего Ледовитого океана плещут с одной стороны плотины, воды Тихого — теперь действительно Тихого — мягко стелются с другой. Мы пересекаем оба американских материка с севера на юг, подъезжаем к мысу Фроуорда на южной оконечности Южной Америки и возвращаемся обратно.

И на протяжении всего пути или любого другого маршрута, который мы избрали, мы узнаем о войнах только из экспонатов, что сохранились в музеях...

ПРОДЛЕННЫЙ ДЕНЬ ЗЕМЛИ

П. ГАЛКИН, М. ЧЕРНИН

Есть два слова, которые звучат одинаково приятно на всех языках: русском и английском, китайском и немецком. Эти два слова — «свет» и «тепло». Недаром самую замечательную легенду люди сложили о Прометее, который принес им огонь.

Тысячи лет человек мечтал о светлом и теплом доме. Но вот настало время, когда можно мечтать о том, чтобы не просто в каждом доме, а на всей нашей планете стало светлей и теплей. Чтобы исчезла долгая полярная ночь. Чтобы в Сибири и Канаде зрели бананы и апельсины. Чтобы на берегах Чукотки и Антарктиды появились пионерские «Артеки».

Самое интересное, что это не только мечты.

...Все вы, конечно, знаете, что свет и тепло Земля получает от Солнца. К сожалению, к нам попадает лишь ничтожно малая доля лучей, которые несутся во все стороны от светила. Если бы удалось увеличить эту долю, перехватив и направив к Земле еще часть солнечной энергии, то земной климат сразу стал бы значительно лучше. Весь вопрос в том, каким образом перехватить солнечные лучи, летящие мимо нашей планеты.

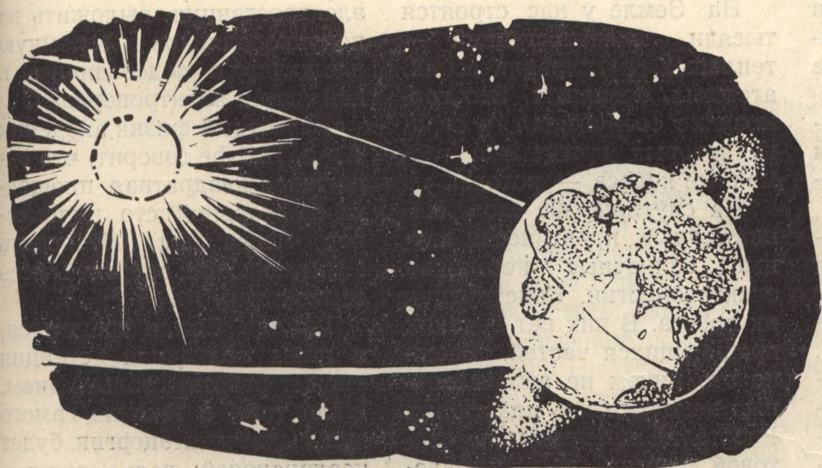
Каждый из вас, вероятно, неплохо умеет пускать зеркалом солнечные зайчики. Так вот недавно молодой советский инженер Валентин Черенков предложил пустить на Землю гигантский солнечный зайчик, соорудив для этой цели гигантское зеркало в виде кольца вокруг Земли.

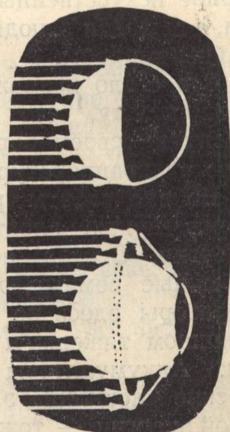
Чтобы «зайчик» приходился в основном на холодные, приполярные пояса земного шара и не припекал тропики, зеркальное кольцо должно проходить над Северным и Южным полюсами. Нижний край зеркала надо расположить на расстоянии 1 000 — 1 500 километров от земной поверхности.

Для того, чтобы зеркало «держалось» в небе, не упало на Землю, оно должно быть ее спутником — должно вращаться вокруг нее с космической скоростью.

Но из какого материала можно построить такое зеркало?

Оказывается, лучший материал для него — пыль. Вспомните, как ослепительно сверкает в солнечных лучах поднимаемая ветром снежная пыль или водяная пыль на плотине, вспомните, как вспыхивают пылинки в столбе солнечного света, падающем в комнату. Пыль обладает способностью рассеивать солнечную энергию, отражать

На левой схеме художник показал предполагаемое зеркало-кольцо, а на правой — солнечный зайчик, который будет этим зеркалом отброшен на Землю. Черным показана область ночи.

ее во все стороны. Заброшенное на тысячу километров облако из одной тонны мельчайших белых пылинок может перехватить и направить к Земле столько энергии, сколько дает Волжская ГЭС имени Ленина.

Для изменения земного климата нужна не одна тонна белой пыли, а несколько миллионов тонн. Тогда пылевые облака соединятся в единое светлое кольцо шириной в пятьсот километров.

Но каким образом забросить в космос миллионы тонн, да еще так, чтобы придать пыли громадную скорость — восемь километров в секунду?

На этот вопрос, на который еще десять лет назад не ответил бы ни один мудрец, сегодня может ответить любой школьник. Ясное дело — при помощи космических ракет! Ракет потребуется много — десятки тысяч, а возможно, и сотни тысяч. Но современной технике такая работа по плечу.

Но возможно, что зеркало-кольцо не понадобится человечеству или осуществление этого проекта окажется слишком сложным и дорогим. Возможно... Сейчас ученые еще спорят об этом. И все-таки, даже когда смелые мечты не осуществляются, они приносят пользу. Вот что говорил Петр Первый о мечтателях своего времени: «Я нимало не хулю алхимиста, ищущего превращать металлы в золото, механика, старающегося сыскать вечное движение, и математика, домогающегося узнавать долготу места, — для того, что, отыскивая чрезвычайное, внезапно обретают многие полезные вещи».

Трудно сейчас предсказать судьбу этого проекта, но нам хочется верить, что однажды ночью, взревев могучими двигателями, с ракетодромов Советского Союза и Англии, Китая и Австралии рванутся ввысь огромные огненные стрелы. В оглушительном громе и слепящем пламени уйдут в черное небо длинные стальные тела громадных ракет... Именно так представляли себе раньше начало опустошительной атомной войны.

Но люди во всех странах мира будут спать спокойно.

А когда они проснутся и выйдут на улицу, волшебное кольцо уже будет лить свой теплый свет на утреннюю Землю.

Земле—опыт искусственных спутников

Л. ГОЛОВАНОВ

Космическое пространство вокруг Земли ожило: на разные голоса заговорили в эфире искусственные спутники, выдавая людям новые тайны природы.

Это стало возможным благодаря тому, что спутники несли на своем борту сложную радиоаппаратуру.

Но для работы радиоприборов нужна электрическая энергия. Откуда ее брать? Обычные земные электрогенераторы здесь не подходят: слишком тяжелы и громоздки. Аккумуляторы — химические «копилки» электрической энергии — тоже неудобны: они довольно быстро истощаются. Выручили — об этом сейчас знают все — полупроводниковые солнечные батареи.

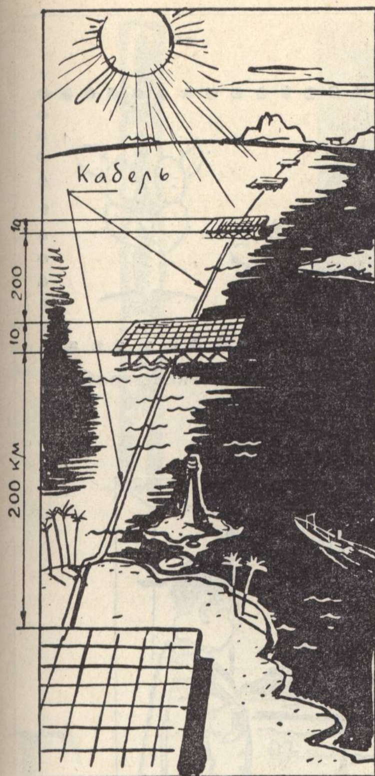
На Земле у нас строятся тысячи электростанций — тепловых, гидравлических, атомных, ветряных. Это громоздкие сооружения, в сердце которых вращаются громадные колеса — роторы.

На спутнике же стоят миниатюрные, практически вечные солнечные источники электроэнергии. Конструкция их проста. В них нет никаких вращающихся частей. Внешне это ничем не замечательные неподвижные пластинки. Работа по превращению световой энергии в электрическую идет втайне от наших глаз, где-то в глубинах вещества такой батареи.

А что, если и на Земле построить большие световые электростанции, выложить из полупроводников огромную площадку и подсоединить к ней линии электропередач?

Известный физик академик А. Ф. Иоффе говорит, что одна такая квадратная площадка со стороной сто километров могла бы обеспечить электрической энергией весь земной шар.

Правда, Земля вращается, и наша солнечная станция сможет работать только днем. Мало того, в течение самого дня выработка энергии будет неодинаковой: ведь солнце, «скользя» по небу от утренней зари к вечерней, неодинаково светит в течение дня.

Пояс солнечных батарей.

Как же быть?

Нельзя ли Землю опоясать огромными секциями солнечных батарей, подобно тому, как это уже сделано на искусственных небесных телах? Над этим задумался изобретатель Валентин Александрович Головин. Он предложил окружить земной шар по экватору огромными солнечными батареями, соединенными общим кабелем.

Нетрудно подсчитать, что для того, чтобы обеспечить всю нашу планету электроэнергией, понадобится двести полупроводниковых батарей, каждая со стороной десять километров. Такой гигантский пояс пройдет не только по суше, но и по морю. Придется создать искусственные плавучие острова. Электрическую энергию, полученную на них, можно передать на Землю, можно использовать и на месте, например, для добычи из морской воды редких химических элементов.

Солнечным батареям понадобятся автоматические устройства, чтобы в течение дня фотоэлементы поворачивались в направлении солнечных лучей, как головки подсолнечника.

Такой гигантский замкнутый пояс батарей обеспечил бы нашу планету колоссальным количеством электроэнергии, постоянным в течение круглых суток (ведь все время одна половина пояса будет в тени, а другая — на солнце).

В будущем, когда на нашей планете создадут единую для всей Земли энергетическую систему, появится возможность создать и этот пояс. Тогда все нынешние тепловые, гидравлические, атомные и прочие станции станут лишь дополнением к колоссальной неиссякаемой солнечной батарее.

Техника уже сейчас в состоянии построить такую батарею. Ведь земной шар давно опутан сетью электрических, телефонных и телеграфных кабелей. Искусственные острова тоже появились на морях и океанах. Опыт же с полупроводниковыми источниками энергии на спутниках удался блестяще. За чем же, кажется, стало дело?

Только за одним — за сотрудничеством ученых и инженеров всех стран. Только при совместных усилиях научных институтов и промышленных предприятий всего мира возможны те невиданные гигантские задачи, которые невольно поставил в своем поразительном беге прогресс современной науки и техники.

«Человечество живет сейчас в прекрасное время. Это время расцвета науки и техники, экономики и культуры, когда поистине сказки становятся былью...» — сказал недавно Никита Сергеевич Хрущев.

Мы рассказываем здесь о смелых проектах. Цель их — благо всего человечества. Авторы — люди разных стран.

Когда будут осуществлены эти проекты? И будут ли они осуществлены все? Сегодня еще рано отвечать на эти вопросы.

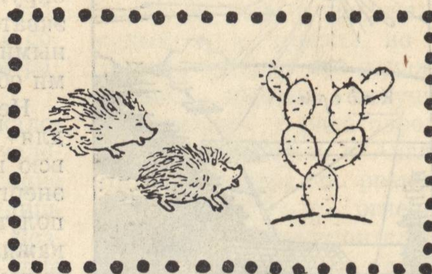
Нужно многое разведать, рассчитать, проверить. Нужно взвесить все последствия, которые вызовет осуществление этих проектов.

Но и сейчас можно сказать с уверенностью: человек уже настолько силен, что ему по плечу коренная переделка всей планеты.

Чтобы сбылись эти проекты или другие, еще более смелые и прекрасные, нужен общий труд человечества, а значит, нужен мир. Нужно, чтобы люди приняли и осуществили самый смелый и благородный проект, тот, который предложен Никитой Сергеевичем Хрущевым от имени нашего народа всем народам земли, проект всеобщего и полного разоружения, упраздняющий войны навсегда.

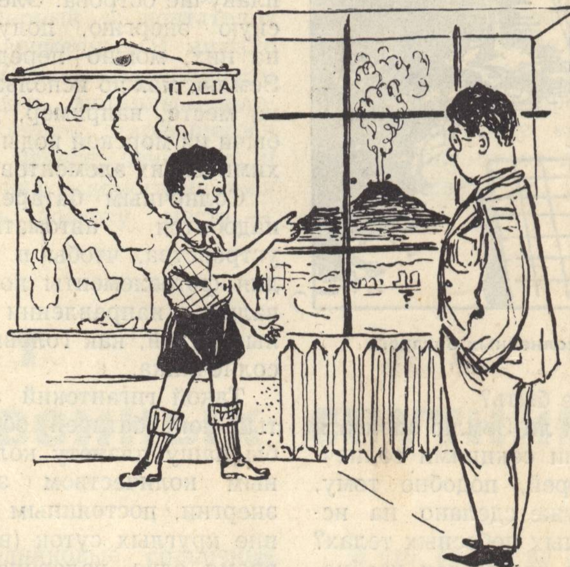

Ах, какие забавные рисунки в журнале венгерских пионеров «Табортюз»! Нет, мне непременно хочется, чтобы и вы повеселились вместе со мной.

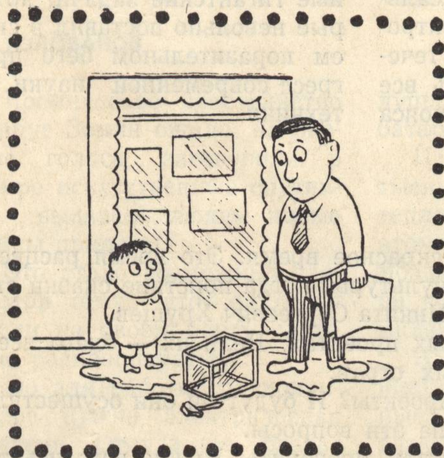
— Смотри! Какие ловкие акробаты!

Tábortűz

На уроке географии в Неаполе учитель спросил:
— Тонио, покажи, где находится Везувий?
Тонио долго смотрел на карту. Вдруг лицо его просияло, и он показал в окно:
— Вон там!

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ОКОННЫХ СТЕКОЛ

— Папа, тебе нравится мой самодельный аквариум?

Без слов.

Снежные кручи Кик Тёрна. Вдали, за лесистыми гребнями,— озеро Тахо.

Белая арена снегов и льда

ПЯТНЫШКО НА КАРТЕ

Лет пять тому назад не только жители Европы, но и далеко не все американцы знали, есть ли на свете долина Скво Вэлли и где, собственно, она находится. Да и сейчас вы напрасно будете искать ее в географических атласах. По масштабам планеты и даже по масштабам североамериканского материка долина так мала, что ее невозможно изобразить на обыкновенной карте США.

Почему же теперь о ней знают повсюду? Почему название «Скво Вэлли» склоняется чуть ли не на всех языках земли?

А потому, что Скво Вэлли избрана ареной очередной, восьмой по счету, «Белой олимпиады» — зимних международных олимпийских игр. 18 февраля отблески олимпийских факелов заплясали на ослепительном снегу, звонкие фанфары пропели традиционный сигнал, и начались состязания быстрых и смелых, состязания мастеров лыжни и ледяной дорожки. Ведь каждая страна послала сюда самых сильных своих конькобежцев и лыжников.

ДОЛИНА ИНДИАНОК

Возьмите карту Северной Америки. Найдите Калифорнию, полуостров, омываемый далеко не тихими водами Тихого океана. Нашли? Выше вдоль берега вы увидите горную систему Сьерры-Невады, часть Североамериканских Кордильер. Из коричневого хаоса горных цепей голубым глазком смотрит на вас озеро Тахо.

Чтобы добраться до озера Тахо не по карте, а на самом деле, надо совершить подъем почти в две тысячи метров. А за небольшим перевалом, двумя сотнями метров ниже, в семи милях пути от озера, окруженная горами, спряталась Скво Вэлли.

С незапамятных времен хозяевами этой долины были индейцы племени вашоэ. Каждую весну, когда снежный ковер сменялся ковром цветов и трав, а от талых вод горный ручей, сбегающий в долину, разливался широкой рекой, сюда приходили вашоэ. Легконогие воины-вашоэ после короткого отдыха поднимались еще выше, в зону альпийских лугов, к изумрудно-зеленым горным пастбищам, чтобы охотиться на быстрых карибу. А молчаливые скво оставались с ребятишками в долине, и долина служила им верным убежищем до возвращения мужей, братьев, отцов. Вот откуда идет название «Скво Вэлли» — «Долина индианок». «Скво» — по-индейски «женщина», «жена».

Но былых хозяев давно нет в долине, и горное эхо вот уже много десятилетий не слышит гортанного говора, ребячьего смеха, пения тетивы, стука топоров, звонкого собачьего лая.

ДВА ГОДА НАЗАД...

Международный Олимпийский комитет избрал Скво Вэлли ареной зимней олимпиады, и по установившимся обычаям страна-хозяйка начала приготовления к приему гостей.

Шум стройки ворвался в белое безмолвие и разбудил дремавшее эхо Скво Вэлли ворчанием бульдозеров и танкоподобных тракторов. Машины выравнивали площадки, корчевали столетние ели, трамбовали грунт, утюжили катками снег. Вместо единственного в этой долине сооружения человеческих рук, полуразвалившейся заброшенной избушки трапперов, возникло множество зданий: гостиницы для туристов-болельщиков и для спортсменов-олимпийцев, обслуживающий армию корреспондентов Дом прессы, столовые, кафе, кинотеатры, магазины и добрая дюжина всевозможных служебных и подсобных помещений. Новая автодорога, отделившись от ближайшего шоссе, повернула к Скво Вэлли и здесь, в долине, разбилась на сеть асфальтовых ручейков, обтекая дома, спортивные сооружения, места состязаний. О них, об этих местах, вы узнаете дальше.

ПИК МАЛЫШЕЙ

«Пепуз» по-индейски значит «дитя», «маленький ребенок». Пепуз Пик... Не правда ли, странное название для горы, имеющей довольно внушительные размеры? Настолько внушительные, что здесь построен самый большой в мире трамплин. Пепуз Пик поднимается над восточным краем долины, и для трамплина использован его естественный склон. Здесь человек «добавил» только столы отрыва (а их три — для прыжков разной высоты, разной длительности полета) и склон приземления, на котором специально насыпали и утрамбовали землю, чтобы изменить угол крутизны.

Промчавшись от вершины по расчищенному склону Пепуз Пика и соскользнув с самого нижнего стола отрыва, лыжник может пролететь в воздухе 90 метров. Так рассчитан трамплин. На такое расстояние бросят спортсмена могучие силы инерции и тяготения, если у него хватит отваги и мастерства «выжать» эти силы до капли, пока он скользит по снежной круче и в те недолгие доли секунды, когда его бросает в воздухе на дерзкий прыжок — полет без крыльев.

Да, 90 метров — это уже настоящий полет! Но «проектная» дальность полета может оказаться позади действительной, когда в дело, кроме вечных, физических сил движения, вступят силы человеческого характера, силы спортивной борьбы за победу.

Посмотрим, какую поправку внесут эти силы.

ЗАОБЛАЧНЫЕ СТАРТЫ

Подвешенные к кружевным мачтам стальные тросы скользят вверх, а вместе с ними — легкие висячие кресла воздушной дороги. Это путь, который ведет к двум вершинам, соседствующим с Пепуз Пиком. Одна называется Скво Пик, другая Кик Тёрн 22. Скво Пик — это понятно тем, кто уже знает, что значит Скво Вэлли. А Кик Тёрн 22 — целиком английское название. В переводе оно получается очень длинным и не вполне похожим на самого себя: «Двадцать два поворота, бьющие по нервам», или «Двадцать два поворота, дающие здоровенную встряску», или «Двадцать два оглушительных поворота».

Говорят, еще до того, как Скво Вэлли стала олимпийской долиной, какой-то легкомысленный лыжник вздумал спуститься по склону этого тогда еще безымянного пика. Что называется, «не спросясь броду, сунулся в воду». Чтобы не свернуть себе шею и не сорваться в пропасть, ему пришлось сделать двадцать два отчаянных поворота, каждый из которых он вполне мог считать последним в своей жизни.

Лыжник счастливо отделался, а от этого «слалома поневоле» родилось труднопереводимое название пика. Надо добавить, что Скво Пик, безобидный по имени, тоже не похож на аллеи парка культуры.

На этих-то лукавых склонах несколько месяцев подряд ползали гусеничные вездеходы, похожие на огромных медленных черепах.

Только ветер свистит в ушах... Одна из лучших советских лыжниц, С. Корзухина, на трассе скоростного спуска.

Они прилежно трудились, выкорчевывая пни, расчищая бурелом, прокладывая трассы для скоростных спусков, слалома и слалома-гиганта.

И вот движутся вверх люльки-кресла на стальных тросах: все выше и выше, к вершинам Скво Пика и Кик Тёрна, к стартовым площадкам.

2 048 метров. С такой высоты начинаются мужские слаломные старты (женские — чуть ниже).

Словно камень, пущенный из пращи, ринется лыжник со старта и, вздымая тучи снега на поворотах, лавируя между десятками флажков и другими препятствиями, с ошеломляющей, почти стокилометровой скоростью пролетит снежную извилистую дорогу от вершины до подошвы.

Лыжники спасательной службы с легкими нартами и медицинским снаряжением всегда готовы оказать помощь, если на горных кручах случится беда.

НАПЕРЕКОР СТИХИЯМ

Погода в Скво Вэлли мягкая и переменчивая. Бывает, утром термометр показывает пять — шесть градусов ниже нуля, а днем температура может подняться до шестнадцати градусов тепла. Такими фокусами погода может доставить порядочные неприятности спортсмену. Она и доставила их Павлу Колчину в прошлом году, во время спортивного сбора-репетиции в Скво Вэлли. Утром, когда Колчин стартовал на пятидесятикилометровую гонку, была зима как зима. А днем, когда он шел к финишу, вокруг журчали ручьи, будто весной.

Но лыжник все же может как-то регулировать свои «взаимоотношения» со снегом и погодой при помощи лыжных мазей разных номеров и составов. А как быть конькобежцу? Он беззащитен перед лицом оттепели: коньки не смажешь, лед несговорчив.

Строители ледяных стадионов Скво Вэлли, не полагаясь на погоду, которая им не повинуется, построили крытый каток с холодильной установкой, а она вполне послушна человеку.

Холодильные трубы гигантской спиралью свернулись на площади катка. Если их распрямить, они вытянутся на 112 километров в длину. А холода, который они вырабатывают, хватило бы на 4 800 больших домашних холодильников вроде «ЗИЛа».

Конькобежцы, испробовавшие лед катка Скво Вэлли, уверяют, что это наилучший лед, какого можно пожелать: он и твердый, он и гладкий, он и скользкий. Выходит, что инженеры перещеголяли деда-мороза.

Кроме того, они перещеголяли и весну-красну. «Обратным ходом» холодильная установка может вырабатывать... тепло. Такое устройство будет использовано для очистки крыш от снега. Ведь снег в Скво Вэлли бывает очень обильный — до трех метров толщиной.

На крышах с «перелицованными» холодильниками в любое время, даже в трескучий мороз, наступит «по щучьему велению» оттепель и мигом сгонит снег.

Но участников олимпиады искусственный мороз, конечно, интересует больше, чем искусственная оттепель. На ледяной арене перед трибунами, вмещающими 11 тысяч зрителей, будут проходить грандиозные состязания конькобежцев-фигуристов и горячие схватки закованных в стеганую броню рыцарей клюшки и шайбы.

Звание олимпийского чемпиона по хоккею с шайбой принадлежит сборной команде СССР. Но Канада — родина хоккея, и канадцы будут, конечно, стремиться отнять у нас первенство. Игры хоккейных команд, как правило,— одно из самых захватывающих зрелищ во время «Белых олимпиад».

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ: РАМАК!

Его поселили в Скво Вэлли заранее. Мало того! Ему построили специальный особняк со сплошными стенами из толстого стекла и с крышей причудливых очертаний, напоминающей морскую звезду. Это полупрозрачное здание возбуждает всеобщее любопытство. Впрочем, вряд ли было бы так, если бы не его жилец, Рамак. Он своего рода знаменитость в Скво Вэлли. Все знают, например, что у него чудовищная память, способная удерживать миллион слов. Это несравнимо больше, чем удерживает обыкновенная, нормальная человеческая память. А реакции у него совершенно молниеносные. Ни один спринтер из тех, что соревнуются на ледяной дорожке Скво Вэлли, не смог бы перещеголять его в быстроте реакции.

Тогда, спросите вы, почему же он не выступает вместе с ними на ледяной дорожке? Да потому, что... Ну, во-первых, он просто не может этого сделать, а во-вторых, это не входит в его обязанности. Он следит за соревнованиями, запоминает каждого финишировавшего спортсмена: его номер, фамилию, страну и показанное время. Затем он анализирует результаты и составляет список, по порядку занятых мест.

Вы сами понимаете, что это ужасающе сложная и трудоемкая работа. Ведь такое множество участни-

ков бывает в каждой «Белой олимпиаде»! В этой, например,— полторы тысячи спортсменов из тридцати двух стран.

Раньше на подведение итогов уходили часы, а то и дни. Но Рамаку с его феноменальной памятью, молниеносной реакцией и вычислительными способностями достаточно двух минут. Через две минуты после того, как закончились состязания олимпийцев по какому-либо виду зимнего спорта, Рамак передает на телеграф все итоги, да еще на двух языках: на английском и на французском. Так и знайте, ребята: если о каком-либо событии «Белой олимпиады» вы сможете прочесть на следующий день после того, как это событие произошло,— надо сказать спасибо Рамаку.

«Полет без крыльев». Н. Шамов в прыжке с большого трамплина Скво Вэлли.

— Кто же в конце концов Рамак, чем объясняются удивительные таланты этого человека? — спросите вы.

Ладно, уж так и быть, открою вам секрет. Рамак вообще никакой не человек. Это электронно-вычислительная машина, помощница судей олимпиады. Теперь вам понятно, почему Рамак не может состязаться ни с Олегом Гончаренко в беге на коньках, ни с Владимиром Меланиным в биатлоне?

ЗАОЧНАЯ ТРЕНИРОВКА

Биатлон — новый вид зимних спортивных соревнований. В олимпийские игры он включен впервые. Это лыжное двоеборье, но совсем особое. Спортсмен, проходя двадцатикилометровую гоночную дистанцию, должен показать мастерство не только в лыжах, но и в стрельбе, поразив из винтовки четыре мишени, стоящие на разном расстоянии от лыжни: 100, 150, 200 и 250 метров.

Чемпион мира по биатлону — наш советский спортсмен, кировчанин Владимир Меланин. Разумеется, он настойчиво готовился к олимпиаде. Но ему не пришлось побывать в горах Сьерры-Невады. Его лыжи ни разу не оставляли следа на снегах Скво Вэлли. Он тренировался на Урале, на крутых склонах Уктусских гор. И все же он хорошо знает Скво Вэлли. Кажется, он и во сне помнит коварные подъемы и спуски биатлонной трассы, словно тысячи раз преодолевал их.

А знаете почему? Он тренировался в Скво Вэлли мысленно, заочно, по кинофильмам. И когда теперь, накануне «Белой олимпиады», чемпион мира приехал в эту долину, он встретился с нею, как со старинной приятельницей.

НА ЛЬДУ И НА ПАРКЕТЕ

Многое можно было бы рассказать и о других наших олимпийцах. Каждый шел в Долину индианок трудной и радостной дорогой спортивной борьбы, настойчивых тренировок, совершенствования.

Вот, например, Нина Жук и Станислав Жук. Все, кто любит фигурное катание, знают этих двух ленинградцев.

Во время декабрьского «матча шести городов» болельщики-москвичи с ласковой краткостью называли их просто «Жуками».

«Жуки» — грациозная и смелая пара. Наслаждение видеть их на льду. Но слаженность, легкость, гармоничность ледяного танца «Жуков» — плод большой творческой работы.

«Жукам», правда, не приходилось, как Владимиру Меланину, искать Скво Вэлли в Уктусских горах: ведь лед, в общем, везде более или менее одинаков. Тренировка на природном льду зимой, на искусственном льду летом — вещь в Ленинграде вполне доступная. Но вечерней порой, проходя мимо дома, в котором живет эта спортивная пара, на занавесках освещенного окна их комнаты можно увидеть тени грациозного танца. Словно неведомый балет развертывается перед прохожими. Это «Жуки» без коньков придумывают новую фигуру, новую комбинацию пластических движений, которую они в ближайшей тренировке попробуют и разработают на льду.

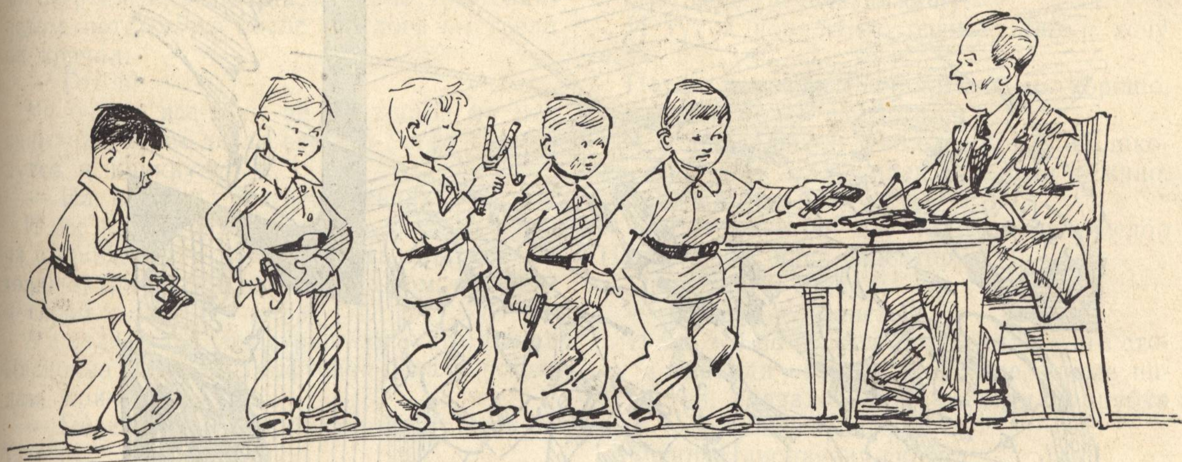
БОЛЬШЕ СТА

Советская команда уже в Скво Вэлли. Нужно не меньше десяти дней, чтобы акклиматизироваться, приспособиться к ее разреженному высокогорному воздуху. Среди наших олимпийцев — конькобежцы Олег Гончаренко, Борис Стенин, Тамара Рылова, прыгуны с трамплина Каменский, Цакадзе, Шамов, слаломистки Корзухина и Сидорова, лыжные гонщики Аникин, Баранова, Ерошина, Алевтина и Павел Колчины.

Пожелаем им всем счастливых стартов!

П. Михалев.

Сражение у Чистой речки

(ИЗ ДЕНИСКИНЫХ РАССКАЗОВ)

Виктор ДРАГУНСКИЙ

Рисунки Ю. Узбякова.

У всех мальчишек 1-го класса «В» были пистолеты.

Мы так сговорились, чтобы всегда ходить с оружием. И у каждого из нас в кармане всегда лежал хорошенький пистолетик и к нему запас пистонных лент. И нам это очень нравилось. Но так было недолго. А все из-за кино...

Однажды Раиса Ивановна сказала:

— Завтра, ребята, воскресенье. И у нас с вами будет праздник. Завтра наш класс, и первый «А», и первый «Б» — все три первых класса вместе пойдут в кино «Художественный» смотреть кинокартину «Алые звезды». Это очень интересная картина о борьбе за наше правое дело... Приносите завтра с собой по рублю. Сбор возле школы в десять часов.

Я вечером все это рассказал маме, и мама положила мне в левый карман рубль на билет и в правый — несколько монеток на воду с сиропом. И она отгладила мне чистый воротничок. Я рано лег спать, чтобы поскорее наступило завтра, а когда проснулся, мама еще спала.

Тогда я стал одеваться.

Мама открыла глаза и сказала:

— Спи, еще ночь!

А какая ночь: светло, как днем!

Я сказал:

— Как бы не опоздать!

Но мама прошептала:

— Шесть часов. Не буди ты отца, спи, пожалуйста!

Я снова лег и лежал долго-долго, уже птички запели, и дворники стали подметать, и за окном загудела машина. Уж теперь-то наверняка нужно было вставать. И я снова стал одеваться.

Мама зашевелилась и подняла голову:

— Ну чего ты, беспокойная душа?

Я сказал:

— Опоздаем ведь! Который час?

— Пять минут седьмого, — сказала мама. — Ты спи, не беспокойся, я тебя разбужу, когда надо.

И верно, она потом меня разбудила, и я оделся, умылся, поел и пошел к школе. Мы с Мишей стали в пару, и скоро все с Верой Тимофеевной и Раисой Ивановной впереди

и с Еленой Степановной позади пошли в кино.

Там наш класс занял лучшие места в первом ряду, потом в зале стало темнеть, и началась картина. И мы увидели, как в широкой степи, недалеко от леса, сидели красные солдаты, как они пели песни и танцевали под гармонь. Один солдат спал на солнышке, и недалеко от него паслись красивые кони, они щипали траву своими мягкими губами, траву, ромашки и колокольчики. И веял легкий ветерок, и бежала чистая речка, а бородатый солдат у маленького костерка рассказывал сказку про Жар-птицу.

И в это время откуда ни возьмись появились белые офицеры, их было очень много, и они начали стрелять, и красные стали падать и защищаться, но тех было гораздо больше...

И красный пулеметчик стал отстреливаться, но он увидел, что у него очень мало патронов, и заскрипел зубами, и заплакал.

Тут все наши ребята страшно зашумели, затопали и засвистели, кто в два пальца, а кто просто так. А у меня прямо защемило сердце, я не выдержал, выхватил свой пистолет и закричал, что было сил:

— Первый класс «В»! Огонь!!!

И мы стали палить изо всех пистолетов

сразу. Мы хотели во что бы то ни стало помочь красным. Я все время палил в одного толстого фашиста, он все бежал впереди, весь в черных крестах и разных эполетах, я истратил на него, наверно, сто пистонов, но он даже не посмотрел в мою сторону.

Пальба кругом стояла невыносимая. Валька бил с локтя, Андрюшка — короткими очередями, а Мишка, наверно, был снайпером, потому что после каждого выстрела он кричал:

— Готов!

Но белые все-таки не обращали на нас внимания, а все лезли вперед. Тогда я оглянулся и крикнул:

— На помощь! Выручай своих!

И все ребята из «А» и «Б» достали пугачи с пробками и давай бахать так, что потолки затряслись и запахло дымом, порохом и серой.

А в зале творилась страшная суета. Раиса Ивановна и Вера Тимофеевна бегали по рядам, кричали:

— Перестаньте безобразничать! Прекратите!..

А за ними бежали седенькие контролерши и все время спотыкались... И тут Елена Степановна случайно взмахнула рукой и задела за локоть гражданку, которая сидела на приставном стуле.

А у гражданки в руке было эскимо. Оно взлетело, как пропеллер, и шлепнулось на лысину одного дяденьки. Тот вскочил и закричал тонким голосом:

— Успокойте ваш сумасшедший дом!!!

Но мы продолжали палить вовсю, потому что красный пулеметчик уже почти замолчал, он был ранен, и красная кровь текла по его бледному лицу...

И у нас тоже почти кончились пистоны, и неизвестно, что было бы дальше, но в это время из-за леса выскочили красные кавалеристы. У них в руках сверкали шашки, и они врезались в самую гущу врагов! И те побежали куда глаза глядят, за тридевять земель, а красные кричали «Ура!».

И мы тоже все как один кричали «Ура!».

И когда белых не стало видно, я крикнул:

— Прекратить огонь!

И все перестали стрелять, а на экране заиграла музыка, и один парень уселся за стол и стал есть гречневую кашу.

И тут я понял, что очень устал и хочу есть.

Потом картина кончилась очень хорошо, и мы разошлись по домам.

А в понедельник, когда мы пришли в школу, нас, всех мальчишек, кто был в кино, собрали в большом зале.

Там стоял стол. За столом сидел Федор Николаевич, наш директор.

Он встал и сказал:

— Сдавай оружие!

И мы все по очереди подходили к его столу и сдавали оружие. На столе, кроме пистолетов, оказались две рогатки и трубка для стрельбы горохом.

Федор Николаевич сказал:

— Мы сегодня утром советовались, что с вами делать. Были разные предложения... Но я объявляю вам всем устный выговор за нарушение правил поведения в закрытых помещениях зрелищных предприятий. Кроме того, у вас, вероятно, будут снижены отметки за поведение. А теперь идите и учитесь хорошо!

И мы пошли учиться. Но я сидел и плохо учился. Я все думал, что выговор — это очень плохо и что мама, наверно, будет сердиться...

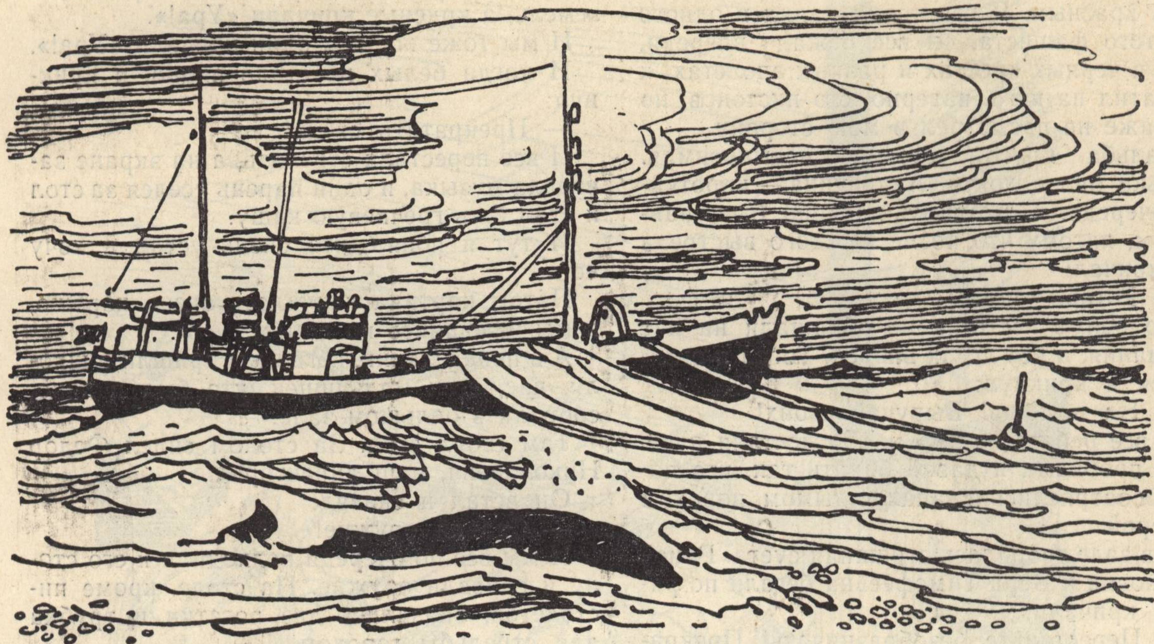
Но на переменке Мишка Слонов сказал:

— А все-таки хорошо, что мы помогли красным продержаться до прихода своих!

И я сказал:

— Конечно! Хоть это и кино, а может быть, без нас они и не продержались бы.

Кто знает...

МУРКА-МОРЯК

Юхан СМУУЛ

Рисунки Н. Цейтлина.

(Продолжение)

МУРКА, РАБОТА И СЕЛЬДЬ

Я уже давно задумал написать книгу под названием «Как это делается». В книге этой были бы такие главы: «Как пашут», «Как сеют», «Как ловят салаку», «Как ловят язя», «Как ловят угря», «Как рыба уходит с крючка», «Как делается телега», «Как подковывают лошадей»... Получилась бы книга о тех делах, которыми я сам занимался, о вещах, которые сам видел.

Но пока что поговорим о том, как ловят сельдь. Хоть сама сельдь редко заходит в Балтийское море, тем не менее ее близкая и дальняя родня живет у самого нашего порога: в эстонских проливах, в Рижском и Финском заливах. Ребята на побережье иногда поют песенку:

Селедка,
Не плачься,
За салаку
Спрячься!

В эстонских водах обитает близкая родня селедки, вьюнковая салака, которая вырастает порой до таких размеров, что селедка средней величины вполне может за нею спрятаться. Да и обыкновенная салака, которую эстонцы едят чуть ли не каждый день, может гордиться своей родней, живущей у берегов Норвегии и в Атлантике. И даже килька, эта крошка с плоским тельцем и острым носиком, может протянуть атлантической сельди свой плавничок и пискнуть:

— Здравствуй, тетя!

Однако сельдь, которую мы покупаем в магазине, обычно ловится у берегов Норвегии или Исландии. Это королевский залом, исландская и норвежская сельдь. Иногда же мы покупаем маленькую, жирную и очень сочную селедку — шотландскую. Ее ловят южнее — неподалеку от Шотландских островов. А то еще существует крупная сельдь с очень белым мясом — беринговская. Ее ловят в холодных водах Берингова моря. Водится сельдь и в Каспийском и в Черном морях. Словом, семейство сельдей весьма обширно.

Нам предстояло ловить сельдь в Норвежском море — между Исландией и Норвегией, а также в северной части Атлантического океана — между Исландией и островом Ян-Майен.

В Северной Атлантике советские рыбаки ловят сельдь преимущественно дрифтерными сетями. Высота каждой сети десять — двенадцать метров, ширина — тридцать. Летними вечерами в воду опускают сразу по сто, по сто десять сетей, так что за кораблем растягивается хвост километра на три. Все сети прикреплены снизу к толстому канату — вожаку — и образуют общий, так называемый дрифтерный порядок. Вожак достаточно прочен, чтобы можно было не бояться разрыва. Правда, во время сильных штормов бывает, что и этот канат, толщиной в руку, обрывается. Это большая беда. Пропадает несколько десятков сетей и несколько сот метров каната. Разыскать сети, унесенные бурей, почти невозможно.

Как же ловят сельдь? Как узнают, в каком квадрате океана она движется, в каком направлении и на какой глубине?

Тут у рыбаков есть два помощника — радио и моноскоп. С самого утра радист и капитан каждого траулера сидят в радиорубке и передают флагманскому судну сведения о том, как проходит лов. В эфир летят цифры, цифры, цифры. С их помощью и выясняют местонахождение рыбьих косяков, направление и скорость их хода.

Когда же траулер отправляется к новому месту лова, за работу принимается второй помощник рыбаков — моноскоп. Этот аппарат действует как эхолот, на основе закона отражения звука. У моноскопа есть большой зеленый экран, перерезанный сверху донизу белой светящейся полосой. По краям этой полосы стоят номера — от пяти до шестисот: 5, 10, 15, 20 и так далее. Шестьсот метров — это та предельная глубина, на которой моноскоп еще может обнаружить рыбий косяк. Если под плывущим траулером появится косяк сельди, то посылаемый моноскопом звуковой сигнал наткнется на него и, отраженный, вернется обратно, а светящаяся полоса на экране расплывается в одном месте, словно белая шляпка гриба. Расплывается около цифры, обозначающей расстояние от косяка сельди до киля судна. Даже неопытный глаз сумеет безошибочно определить эту глубину, но опытный сумеет еще довольно точно узнать по форме и размерам шляпки и величину косяка.

И вот наш траулер плывет по морю. До квадрата, где следует вести лов, осталось еще несколько десятков миль, а на экране моноскопа где-то между пятнадцатью и двадцатью метрами уже расплываются шляпки светящихся грибов, да и на круглой шкале эхолота вспыхивают у тех же цифр красные молнии — сигналы о косяках сельди под нами. За сигналами напряженно следят: надо узнать, разрозненные ли это стайки или крупный косяк. Яркие шляпки продолжают появляться и пропадать, и эхолот по-прежнему озаряется красными молниями. Корабль замедляет ход, начинает кружить по волнам, пока с мостика в машинное отделение не отдается команда:

— Стоп!

Сети подготовлены к спуску в воду, и траулер идет «малым вперед». За борт летит концевой буй, привязанный к сети, а затем весь порядок начинает тихо скользить в воду. Одна за другой погружаются в море сто сетей, за кормой вытягиваются в ряд темные покачивающиеся буйки. Перед тем, как сбрасывается последний буек, корабль поворачивается кругом, канат скользит по борту от кормы к носу, а затем натягивается, словно скрипичная струна. Трехкилометровый порядок сетей тянется за кораблем, который плывет теперь кормой вперед, носом назад. Потом мотор умолкает, и винт перестает работать. Начинается дрейф. Он длится до утра.

По вечерам, забросив сети, команда обычно сгружает в трюм дневной улов, достает бочки и соль для засола будущего улова и моет палубу. Корабль должен быть чистым.

Поздний вечер. На горизонте покачиваются черные корпуса сельдяных траулеров, мелькают там и сям судовые огни. Работа закончена. Прислушиваешься к свисту ветра и думаешь о милых тебе людях, о друзьях. У ног твоих сворачивается клубком неизбежный спутник каждого моряка — тоска по земле. Она мурлычет, словно кошка, ластится к тебе, а потом вдруг больно вонзается когтями в душу. Нет, не следует подпускать ее к себе слишком близко.

На траулере час отдыха. Все собираются в кают-компании, достают шахматы и шашки. Многие читают. Вообще надо сказать, что моряки очень начитанный народ. Они знакомы не только с математикой и астрономией, но и со многими вещами, не имеющими никакого отношения к мореплаванию. В судовой библиотеке, кроме Пушкина, Гоголя, Вильде и Таммсааре, Маяковского и Горького, есть литература и по истории, и по философии, и по воспитанию детей, и по садоводству, и по травосеянию. Есть «Книга о вкусной и здоровой пище», справочник автолюбителя, пособия по изучению тракторов и по собаководству. В часы дрейфа или во время шторма, когда лов прекращается, моряки получают обширные и основательные сведения из этих книг.

На часах уже ночь. Но по-прежнему светло: ведь сейчас июнь и мы находимся примерно на шестьдесят пятом градусе северной широты. Смеркается всего на полчаса. К этому свету, к этому длинному-длинному дню поначалу никак не удается привыкнуть.

Постепенно кают-компания пустеет, и на судне становится тихо. На сумеречных волнах за кормой спят бесчисленные чайки. Эти ленивые и жирные птицы питаются выбрасываемыми в море потрохами сельди. Они ждут утра.

Нередко всего в нескольких метрах от корабля из воды показывается широкая и темная спина сельдяного кита. Плавник на нем высотой в метр.

Команда спит. Лишь вахтенный штурман стоит на мостике и следит за сетями.

А под серой гладью воды плывет сельдь. Должна плыть, если верить данным радиоразведки и показаниям моноскопа. Штурман смотрит, какова осадка буев. Если совсем мелкая и если буи кружатся, значит, рыбы мало, а то и вовсе нет. Если же буи сидят глубоко в воде, то можно быть уверенным, что тысячи рыб тычутся своими серебристыми носами в ячеи сетей. И тогда утром рыбачья душа порадуется. Но:

Что нас ожидает,
Неизвестно нам.

Может быть, моноскоп нас обманул. Ведь, несмотря на всю свою точность, он только прибор. Звук с равным успехом отражается и от косяка сельди и от стаи медуз, от противных, студнеобразных рыжих медуз, которых так много в Северной Атлантике. А там, где есть медузы, нет сельди. Рыбаки ненавидят медуз, потому что их слизь ядовита. От нее на руках, даже несмотря на целлофановые нарукавники и брезентовые рукавицы, появляются болезненные, кровоточащие язвы.

Утро вечера мудренее. В шесть часов утра звенит сигнал аврала. Подъем. Палуба гудит от тяжелых морских сапог. В полседьмого — завтрак. Начинает работать главный мотор, корабль пронизывает легкая дрожь. Люди занимают на палубе свои места. Мощная лебедка крутится и наматывает канат. И вот в прозрачной воде, озаренной лучами еще низкого солнца, показывается первая сеть. И в этот момент, когда становится отчетливо видно, что в верхней части сети висят в ячеях одинокие селедки, а средняя вся бела от рыбы,— в этот момент словно какой-то толчок проходит по толпе на палубе. Все напрягаются, рыбмастер и его помощник подкатывают поближе бочки, а остальные рыбаки вцепляются в сеть и вытрясают на палубу первых рыб. Да, черт возьми, это волнующая минута!

В этот самый миг с кормы на палубу врывается серовато-бурый пес и возвещает лаем свое «доброе утро». Затем он обегает всех друзей и добрых

знакомых, тыкаясь носом в сапог каждого. А после усаживается, словно адмирал, на своем излюбленном месте: на брашпиле, на якорной лебедке, покрытой брезентом.

Мурка вышел на работу.

СОЛЬ

Начались трудовые будни рыбаков.

Будни эти однообразные и тяжелые. Если улов удачный, то работа длится по двадцать четыре часа без передышки. А если рыбы нет, все равно приходится выбирать из воды сети, а на это уходит семь — восемь часов напряженной работы.

Как легко вытягивать на борт сеть, в которой много рыбы! Правда, тогда приходится напрягать все силы. Волны качают корабль, палубу нередко заливает водой, от рыбьей чешуи она делается скользкой. Люди падают, сталкиваются друг с другом, ударяются о поручни. Они и ругаются и шутят, но все это идет на пользу делу. Когда палуба становится слишком уж скользкой, ее посыпают солью, которая заменяет тут песок. Но в любую погоду — и в полный штиль, и в самую противную мертвую зыбь, и в семибалльный шторм — день хорошего улова для рыбаков всегда праздник! Крутящийся вал медленно втягивает на палубу голубоватую сеть. Четверо матросов стоят у рыборазделочного стола по колени в рыбе и ножами отрезают сельдям головы. Рыбмастер едва успевает засаливать свежий улов. Бочки соленой сельди тут же заколачивают и откатывают в сторону. Словом, знай лови, да не спеши радоваться!

А чайки рядом с кораблем дерутся из-за селедочных голов и потрохов. Их слетается столько, что за бортом все белым-бело, а от пронзительного крика птиц закладывает уши. До чего же они жадные! Они могут ссориться между собой и воровать друг у друга добычу, но других птиц и близко не подпустят.

Вот, например, кружит поодаль странная птица: темно-бурого цвета, с длинными изящными крыльями, украшенными двумя светлыми полосами. Она намного крупнее чаек и, судя по сложению, великолепный летун. У одинокой чайки она наверняка сумела бы отнять голову или потроха. Матросы называют эту птицу «солдатом». Тактика защиты от «солдата» у чаек очень своеобразна: едва тот, готовясь кинуться вниз на добычу, сделает круг над стаей чаек, как все они сплываются друг к другу, и оказывается, что «солдату» некуда сесть. «Солдат» все кружит, но только он высмотрит новое местечко, как повторяется та же история. Чайки всегда успевают занять местечко, облюбованное «солдатом», и тот в конце концов опускается в стороне от корабля, где ему не перепадает ни кусочка. Благодаря многочисленности чайки всегда одерживают верх над бесстрашием и упорством «солдата».

Лов продолжается. На палубе уже две — три тонны неочищенной сельди. Море дает ее столько, что потрошильщики не успевают обрабатывать.

А за всем этим наблюдает Мурка со своего поста у брашпиля. Его не интересует, есть рыба или нет. Селедки он не ест, терпеть ее не может, и даже трепыхающиеся на палубе рыбы привлекали его внимание лишь в первый день. Его главная забота — следить за тем, как два его друга — матроса — справляются со своим делом: наматывают на вал носовой лебедки толстый канат.

Случается, что сеть разгружается недостаточно быстро, и тогда лебедку приходится останавливать. Мурку очень тревожат такие задержки: что это матросы бездельничают, разве на корабле так работают?!

Мурка срывается с места, с сердитым лаем скребет лапой по мокрому канату, пытается тащить его зубами. Но канат слишком тяжел для собаки. Это ужасно сердит Мурку, он разбегается и налетает на ка-

Хорошо вытягивать сеть, когда в ней много рыбы.

нат, разбегается и налетает до тех пор, пока сеть не разгрузится и лебедка не начинает вытягивать из воды новую порцию рыбы. Только тогда Мурка успокаивается.

Мурка относится к работе с уважением. Он знает, что, когда забрасывают и выбирают сети, бегать по палубе не дело. При забрасывании сетей нога может в них запутаться, и тогда на свете будет одной собакой меньше. Он попадет вместе с сетью за борт, и никакая сила его не спасет. А при выбирании сетей напастей еще больше: могут придавить бочкой лапу, наступить сапогом на хвост, а то вдруг шальная волна швырнет тебя куда не следует. К тому же какая радость бегать по заваленной сельдью мокрой палубе, пахнущей медузами и солью? Во время работы каждый должен быть на своем месте, на своем посту и заниматься своим делом. Мурка уже знает и то, что шнырять по палубе, посыпанной солью,— дело опасное. Знает это по весьма печальному опыту.

Мастер лова, старый морской волк, взял Мурку на руки.

Случилось это в первую неделю лова в ста пятидесяти милях к северу от Фарерских островов. Стояла на редкость безветренная погода, рыбы было мало, и, как водится в дни рыбацкого невезения, настроение у команды сильно испортилось. Работы хватало лишь одному потрошильщику. Вытягивая на палубу пустую сеть, люди мрачно молчали, не раздавалось шуток, никто не посмеивался друг над другом. Над океаном низко навис молочный туман, скрывший линию горизонта. Казалось, мы плывем по огромному ушату с молоком. Но, несмотря на безветрие, траулер безжалостно трепала послештормовая зыбь. У такой зыби нет острых гребней. На воде незаметно возникает какой-то плоский холм, который с тем большей тяжестью обрушивается на корабль, что тот при выбирании сетей еле-еле ползет.

В тот несчастный день водяные холмы непрерывно швыряли траулер с боку на бок. Палубу окатывало волной, и ее все время приходилось посыпать солью.

Мурке не нравились ни эти медлительные, тяжелые удары, ни мокрая палуба, ни захлестывающие ее десятитонные массы воды. К тому же собаки очень чутко воспринимают настроение людей, угадывают его по взгляду, по голосу, по жестам. Мурке не нравились мрачные лица и молчание, лишь изредка нарушаемое сердитым словом.

Хотя добросовестный Мурка и появился утром на своем посту, все же ему скоро стало скучно, и он решил вернуться к себе в каюту. Как опытный моряк, он выждал затишье между волнами и побежал на корму по палубе, посыпанной свежей солью.

Я как раз сидел в каюте и писал, когда Мурка принялся скрестись в дверь, жалобно скуля. Я открыл ему. Мурка вошел и завертелся по каюте, словно слепой, потом неуклюже вскарабкался на диван, положил голову на подушку и закрыл глаза лапами.

Я не обратил внимания на странное поведение пса. Решил, что он просто устал и хочет спать.

Нас позвали обедать. Время обеда всегда было для Мурки самым беспокойным. Хоть в коридоре и ставили для него миску, он все-таки без конца носился по кают-компании. Ведь пока на корабле было свежее мясо, ему доставались кости. И вот из-за всех трех столов то и дело слышалось:

— Мурка! Мурка! Мурка!

Мурка мчался за новой костью, но тем временем кто-то прятал старую. Мурка начинал искать ее под столами, пробираясь между большими морскими сапогами. Его интересовала не столько кость, сколько охота за нею. На эту охоту он с увлечением тратил всю энергию, накопленную за то время, что он сидел на палубе. В этой чудесной игре надо было и рычать, и скалить зубы, и вилять хвостом, и пускаться на разные уловки — словом, применять всю собачью хитрость. Слово «обедать» было для Мурки сигналом тревоги, по которому следовало сломя голову мчаться в кают-компанию.

Но сегодня Мурка даже не шевельнулся. Я окликнул его дважды, но он лишь тявкнул в ответ, что означало: «Дай попить!» Я принес воды. И когда Мурка начал пить, я увидел, что с ним что-то неладно. Сначала я не мог понять, что с ним. Лишь после того, как он провел лапой по глазам, я со-

образил, в чем дело. Глаза у Мурки опухли, гноились и, видно, болели от света. Он с большим трудом приоткрывал их чуть-чуть и тут же закрывал снова.

Оставив Мурку на диване, я пошел в кают-компанию обедать.

Кок угостил нас в этот день последним свежим мясом. Мяса, правда, было мало, но костей вполне достаточно. И уже минуты через две кто-то крикнул:

— Мурка, кости!

Но Мурки не было.

— Где же собака? Тут ей столько поживы! Где Мурка? — посыпались вопросы.

— Мурка заболел,— сказал я.

— Морской болезнью?

— Нет. У него что-то с глазами. Сильно опухли. Почти не видят.

— А ведь на палубе он был совсем здоровый,— сказал матрос, рядом с которым Мурка обычно сидел во время работы.

В кают-компании воцарилась печальная тишина. Мурка дружил тут со всеми. К нему всегда протягивался десяток рук: погладить его, поиграть с ним, дружески подразнить, угостить чем-нибудь. Он всем напоминал о суше и о детях, которые где-то вдали резвятся с собаками на зеленом лужке. Никто не смел обидеть Мурку, каждый должен был защищать его. И вдруг Мурка ослеп!..

Кто-то принес Мурку на руках в кают-компанию, и мы принялись обследовать его глаза. Пес, которого передавали с рук на руки, стонал от боли, хоть ни один врач не обходился со своим пациентом так бережно, как обходились с Муркой эти пропахшие селедкой рыбаки в высоких, до самых бедер, морских сапогах.

Но из-за чего же так внезапно заболели глаза у Мурки? Этого никто не мог объяснить.

Тут мастер лова, старый морской волк, взял собаку на руки, присмотрелся внимательно и сказал одно лишь слово:

— Соль.

Да, всему виной была действительно соль. Мурка бегал по посыпанной солью палубе. Потом втер ее лапами в глаза.

Мурке промыли глаза, и уже к вечеру опухоль спала.

С тех пор он стал осторожнее. Люди отгоняли его от тех мест, где было много соли. А если он все же нечаянно попадал туда, ему сразу отмывали лапы.

Впрочем, в ненастье Мурка большей частью сидел в каюте или на мостике. А если и выходил, то терпеливо сидел на брашпиле. «Раз уж ты на работе, так сиди на месте и не мельтешись!» — это правило Мурка хорошо усвоил.

Перевел с эстонского
Леон Тоом.

(Окончание в следующем номере.)

Родник

Владимир КОРКИН

Вода, как в зеркале,
искрится,
Оправленная в новый сруб.
Лишь припади к нему напиться —
И холодок коснется губ.

Над ним шумят седые кедры.
А он,
как утро,
молодой...

В любом краю —
Простой и щедрый,—
Я знаю,
есть родник такой.
В нем небо Родины синеет.
Отсюда дальний путь видней.
Испил воды —
и стал сильнее.
Испил воды —
и стал смелей.

Что нам читать?

Побывайте у Ласточкиных!

В южном городе, где довелось мне жить до войны, я впервые увидел ремесленника. Тогда еще только начали создаваться ремесленные училища и школы ФЗО, прошли наборы в эти школы, и воспитанникам их выдали форму.

Навстречу мне и моим товарищам по школе шел стройный, подтянутый парень в черной ладной шинели с серебряными пуговицами и петлицами, на которых, перекрещиваясь, блестели маленький молоток и гаечный ключ и чуть пониже — буквы «РУ». Фуражка с черным лакированным козырьком была надета немного набекрень, и на ней тоже красовалась эмблема труда — молоток и гаечный ключ. Парень шел спокойно и гордо, неся в руке маленький позванивающий чемоданчик.

Мне и моим товарищам из обыкновенной средней школы он показался необыкновенным. И не только потому, что был в форме, а мы в ту пору ходили кто в чем, нет, мы подумали о том, как, должно быть, счастлив человек, руки которого могут выточить из бесформенного куска металла шестеренку, винт, гайку, могут собрать это все воедино и сделать полезную машину, которая уже сама сможет вытачивать такие шестерни и винты.

С той поры уже прошло почти двадцать лет, но и теперь я с интересом простаиваю у витрин, где выставляются блестящие тисочки, молотки без рукояток, шестеренки, замысловатые детали, отсвечивающие, как рыбья чешуя, и с уважением прочитываю над всеми этими предметами: «Работа ученика РУ такого-то...»

«Умелые руки», «золотые руки» — такие гордые звания дал этим ребятам восхищенный народ. Эти руки умеют все: они могут выточить и маленький, едва

видимый глазом винтик и гигантский винт гидротурбины.

Кто знает, сколько умелых рук трудилось в последнее время над той ракетой, которая впервые в истории донесла к Луне и бережно опустила на лунную поверхность в районе моря Ясности и моря Спокойствия вымпел с «молоткастым и серпастым» гербом нашей страны!

Наверняка были среди этих рабочих те бывшие ремесленники, форме которых завидовали мальчишки окрестных дворов.

Поэтому когда я узнал, что главный герой книжки **Сергея Баруздина «Ласточкин младший и Ласточкин старший»** — ученик ремесленного училища, мне захотелось ее прочитать.

«Рабочий класс — самый главный на свете» — эта убежденность героя книжки Николая, убежденность автора становится и главной мыслью для читателя.

Ведь без рабочих рук ничего не будет на земле: ни городов, ни машин, ни автомобилей, ни самолетов, ни игрушек, ни книг, ни одежды... Книга как бы подводит к вопросу: «А чего стоят твои руки, дорогой читатель? Что они умеют?»

Прочитал книжку о братьях Ласточкиных — и словно побывал в гостях у хороших, добрых людей — **у трудящихся.** Потому что где труд, там и добро, там и душевное человеческое тепло, там и счастье. Познакомился с этими людьми — и стал намного богаче, разумнее и запомнил главное: «Быть полезным человеком — это прежде всего любить то дело, которое выбрал». Это говорит отец Николая и Леньки Ласточкиных, рабочий, глава трудовой семьи. А известно: слово рабочего человека самое верное.

В. Орджоникидзе

БРАТСТВО БЕЛОГО КЛЮЧА

Кто не читал или не слышал по радио повести **«Дети и кинжал»!** Таких ребят, наверно, не найдется. Но не многие, должно быть, знают, что автор этой увлекательной повести, писатель **Франтишек Лангер,** написал недавно еще одну книжку о чешских ребятах, которая называется **«Братство белого ключа».**

Эта книга непохожа на первую повесть Лангера. Действие ее происходит в наши дни, в свободной Чехословакии, и героям ее не приходится бороться с фашистами. Поэтому она получилась более веселой. А кроме того, книга эта хитрая. Она написана одновременно и для ребят и для взрослых людей. Писатель Лангер вложил в нее так много знания жизни, так много выдумки и юмора, что каждый человек, сколько бы ему ни было лет, прочтет ее с большим удовольствием.

Герои книги, семеро друзей, семеро веселых и предприимчивых школьников, с первой же страницы становятся нашими друзьями. Нельзя не восхищаться находчивостью главнокомандующего Штедрика, блестящие военные хитрости которого приносят «братству» победу над противником. Нельзя не сочувствовать толстому Брожеку по прозванию «Колобок», в которого отчаяние вселяет необычайное мужество. Нельзя не полюбить фантазера Ярека, который собирается стать писателем, а пока записывает беседу человека каменного века, да и всех остальных ребят с их неистощимыми выдумками и разнообразными увлечениями.

Их необычайные приключения, веселые, трогательные и героические, происходят в городе Праге — столице Чехословакии. Многие из вас, должно быть, видели фотографии этого красивого старинного города. Но герои этой книжки живут на окраине Праги, там, где кончается город и начинаются сады и пустыри, может быть, в самом интересном для ребят месте. Там-то с ними и случаются чудесные и невероятные вещи, о которых вы прочитаете в книге.

В. Гвайта

Большая

Бывает ведь так, ребята: читаете вы книгу о самых обыкновенных, хорошо вам знакомых мальчишеских делах, и герои вам как будто бы уже знакомы, и ничего особенного, выдающегося они не совершают, но закроете книгу, и хочется быть похожими на них. Хочется, чтобы ваша жизнь сложилась так же, чтобы вошел и в нее такой же беспокойный дух исканий, большой любви и дело, выбранное вами, было так же интересно, чтобы вы так же любили его, чтобы так же верна на многие годы была и ваша мальчишеская дружба.

Вот так и в этой повести: время еще дореволюционное, глухой, провинциальный городок. Живут в нем мастеровые и солдаты, лавочники и генералы.

Но не взрослые главные в книге. Кажется, будто город Т. населен одними мальчишками. Все они разные: одни, как «Аленька-Цветочек», носят бархатные курточки с бантом, боятся выйти за калитку и даже игрушки любят только покупные. Другие, как Костя, например, дрожат за потерянный столовый нож, так как мать, конечно, упрекнет: «Отец на заводе спину гнет, а тут ножи по площадям разбрасывают».

А есть и такие, как гимназист Сережка Сарычев, который больше всего на свете гордится своей фамилией, потому что к ней трудно подобрать «похожие слова».

Живут в этом городе «братья-разбойники» Куроедовы; их так трудно отличить друг от друга, что даже мать зовет их: «Вань-петь-гришь! Обедать!»

Да, разные эти мальчишки. И отцы у них разные: у одного лавочник, у другого доктор, у третьего мастеровой. И жизнь у них разная. Но все они страстно увлекаются... авиацией. Так бы мы сказали теперь. А тогда самолеты только начинали строить, и все увлекались воздушными змеями. Но и это ведь не так просто, как кажется со стороны, ибо и змеи бывают самые разные. Даже строят их по-разному, и даже веревки, на которых их пускают, строго разделяются по номерам.

Вы познакомитесь с этими разными мальчишками, от души посмеетесь над их приключениями. Но самый яркий образ в книге — Костя. За забавами его, увлеченностью «змеестроением» встает человек большой мечты, неуем-

мечта

ных поисков и сильной воли. Именно он, простой мальчишка, станет потом летчиком-конструктором и много лет спустя скажет, глядя на других ребят: «С этого у меня и началось».

И вы поймете, что эта веселая книжка — повесть о рождении летчика, повесть о том, как в человеке «просыпается чувство воздуха». Но не только это. Вы увидите в Косте человека, страстно увлеченного своим большим делом, своей раз и навсегда выбранной мечтой.

И пусть маленькая повесть **Н. Москвина «Лето летающих»**

поможет вам быть такими же упорными и целеустремленными, как Костя. Пусть и у вас в жизни будет такое же большое, интересное дело, которому можно с радостью отдать все силы, все знание, всю любовь.

Т. Жарова

Калле и его друзья

Слыхали вы о знаменитом сыщике господине Блюмквисте! Известно ли вам, из-за чего Алая роза ведет войну с Белой розой в маленьком захолустном городке! Как были найдены похищенные драгоценности и пойман убийца старика Грена! Все это расскажет вам книжка датской писательницы Астрид Линдгрен «Приключения Калле Блюмквиста».

Вы узнаете также тайну Великого Мумрика и познакомитесь с друзьями Калле — мужественным вождем Белой розы Андерсом и дочерью булочника, бесстрашной воительницей Евой-Лоттой.

Не отрываясь, будете вы следить за их приключениями, порой веселыми, порой опасными, а прочитав все до конца, поймете, каким образом Калле открыл, что жизнь сложнее самых пылких фантазий, и как в результате открытия, сделанного Калле, великий сыщик ушел в отставку.

Е. Рубцова

Это стоит запомнить

Книга о том, как себя вести, чтобы и тебе и другим было лучше и приятнее жить

ГОВОРЯТ ЧИТАТЕЛИ:

ЖЕНЯ ЭСТРОВ

Книга произвела на меня очень большое впечатление. Я впервые узнал, как возникли правила вежливости, что они не выдуманы из головы, а создавались в течение многих лет.

Читая книгу, я вспомнил, как однажды мы с другом ходили в кино. Сзади нас сидели два мальчика и грызли семечки. Когда кончился сеанс, на полу была куча шелухи. Проходя мимо, люди возмущались, а ребята спокойно ушли.

По-моему, если эти ребята прочитают книгу, им будет стыдно за себя.

КОЛЯ ДЕМЕНТЬЕВ

Раньше как мама только не учила меня хорошо и правильно сидеть за столом, как вести себя в гостях, в театре, я все равно не слушал ее. Теперь я понял, что мама учит меня ради моей же пользы, и поступаю так, как сказано в книге.

ОЛЯ ДУЛЕНКОВА

Книга учит правилам поведения в обществе и дома, чтобы ребята, придя в гости, знали, как обращаться с ножом и вилкой. В этой книге есть рассказ о мальчике, который не умел вести себя в гостях, а ведь и сейчас, придя в гости, некоторые ребята кричат, перебивают друг друга. А когда они уходят, оставшиеся говорят: «Какие у тебя невоспитанные товарищи!»

ГАЛЯ КУЗЬМИНА

О людях можно судить по их поступкам, по их поведению. Один раз был такой случай. Вышла из дома девочка, у нее были яблоки. На улице играли ребята. Им хотелось яблок, но попросить они не решились, а сама девочка их не угостила.

Девочка хотела играть с ними. Но ребята отошли в сторонку и сговорились не принимать девочку в игру, потому что она не дала им яблок.

Скажите, ребята, правильно ли поступили девочка и ее друзья?

НАДЯ ЕВСТРАТОВА

Книга **А. Дорохова «Это стоит запомнить»** учит, как себя вести, чтобы не стать посмешищем людей. Она рассказывает о разных обычаях и правилах поведения. Хороший обычай народов Кавказа: «Пока гость в моем доме, он под моей защитой».

Мне бы хотелось, чтобы все ребята прочитали эту книгу. Мне она очень понравилась.

Почему и Отчего

Муха-незнакомка

Летом я поймал большую серую муху. Из нее выползали живые личинки. Очень прошу объяснить: почему это?

Саша Малых,
ученик 3-го класса,
село Петешти, Молдавия.

Очень жаль, Саша, что ты не прислал сюда эту муху! Чтобы вполне точно ответить на твой вопрос, надо знать, что за муха, к какому роду и виду она относится. А из твоего описания — «большая серая» — это узнать чрезвычайно трудно. Так же трудно, как определить имя и фамилию человека, о котором известно лишь, что он высокий и загорелый.

Серых больших мух в разнообразном мушином царстве очень много. Интересно, какую же из них ты поймал? Может быть, муху, которая так и называется «серая большая мясная»? Наверняка нет, хотя она часто встречается в человеческом жилище и близ него. Серая большая мясная муха, как и большинство других мух, сперва откладывает яички, из которых через некоторое время выводятся личинки. А тебе попалась более редкая муха, которая яичек не откладывает. Из яичек прямо в ее брюшке развиваются личинки и потом выходят наружу. Такие мухи называются живородящими. Есть много видов живородящих мух. Например, к ним относятся все оводы. Может, тебе как раз и попался какой-нибудь из оводов? Вполне вероятно! Они все большие, и многие виды оводов серого цвета. Но, может, это был и не овод? Существует еще одна большая группа мух, называемых ежемухами за то, что они густо покрыты щетинками. Ежемухи тоже живородящие. Могла тебе попасть и Вольфартова муха. Она большая (10—13 миллиметров) и светло-серого цвета. Встречается эта муха далеко не всюду, но в южных частях нашей страны, а значит, и в Молдавии, где ты живешь, она как раз не редкость.

Это очень зловредная муха, опасная для крупных животных и человека. Самки Вольфартовой мухи откладывают личинки прямо на лету в ноздри, уши, глаза, рот, а также в открытые раны. Личинки, развиваясь в живом теле, вызывают тяжелые болезни пораженных тканей.

Эх, жаль, что мы не знаем, где ты, Саша, поймал муху! Если на цветах,— надо думать это все же Вольфартова муха, так как взрослые насекомые этого вида питаются цветочным нектаром.

Энтомолог **Е. Г. Бацылев**

Космические волчки

Пишет вам Нечаева Ира из города Днепропетровска. Как вращаются небесные тела вокруг своей оси: все с одинаковой скоростью или с неодинаковой?
До свидания!

Ирина Нечаева

Небесные тела, Ира, вращаются вокруг своей оси не с одинаковой скоростью. Земля, как ты, вероятно, знаешь, делает полный оборот за 24 часа. Спутник Земли, Луна,— примерно за 28 суток. Предполагают, что Меркурий, самая близкая к Солнцу планета, делает оборот вокруг своей оси за 88 дней. У Марса вращение почти такое же, как у Земли, примерно на 40 минут медленнее. А вот гигантские планеты Юпитер и Сатурн вертятся с огромной скоростью: у обоих сутки длятся около десяти часов. Что касается нашего Солнца, оно очень медлительно. Сутки Солнца тянутся около 27 дней.

Астроном **Г. А. Лейкин**

«Горячий холод»

Правда ли, что космические лучи горячие, и если правда, то какая у них температура?

Игорь Смирнов,
г. Ашхабад, Туркмения.

Давай, Игорь, выясним сперва, что значит «горячий» и «холодный», от чего зависят эти свойства?

Они зависят от движения молекул — мельчайших частиц, из которых состоят различные вещества. Молекулы любого вещества находятся в непрестанном движении, как мошки внутри роя. Чем сильнее нагрето вещество, тем подвижнее его молекулы. Они мечутся, сталкиваются, отскакивают друг от друга, снова сталкиваются. Бесчисленные удары молекул — это и есть тепло. Приложим руку к исследуемому предмету. Чем больше «микротумаков» и «микрозатрещин» придется на поверхность твоей руки, тем горячее предмет и тем больше тепла он передает тебе. «Тумаки» и «затрещины», получаемые градусником от молекул какого-либо вещества, передаются молекулам ртути в градуснике, ускоряют их движение, разогревают ртуть, и она, расширяясь, ползет вверх по шкале.

Но вот, Игорь, в верхней части воздушной оболочки Земли — в ионосфере — есть слои, где температура две тысячи градусов. А если ты туда заберешься с градусником, он не покажет этой температуры и ты тоже не изжаришься, а скорей всего замерзнешь. Что же, значит, ошибка? Ничуть! Частицы атмосферных газов движутся там со скоростями, которые соответствуют температуре в тысячи градусов. Но частиц этих так немного, что на твою долю достанется слишком мало сильных «микротумаков», чтобы согреть тебя, не говоря уж о том, чтобы испепелить! Вот и получается «горячий холод».

Ну, а космические лучи?

Это тоже частицы вещества, еще более мелкие, чем молекулы. Они не мечутся как попало, не толкутся на месте. Они летят в одном направлении, как горсть камешков, брошенных сильной рукой. Но «рука» действительно должна быть сильная, чтобы придать им такую скорость. Самый ближний «силач», швыряющий к нам космические частицы,— наше Солнце. Скорость у этих солнечных частиц самое меньшее 619 километров в секунду, иначе они не смогли бы улететь от Солнца насовсем.

Про космические частицы нельзя сказать, что они горячие, разве если подразумеваешь под этим огромную энергию их движения, во много раз большую, чем тепловая энергия молекул.

Физик К. Н. Клинков

Два «потому»

Дорогая редакция!
Отчего стареют люди?
Отчего мерцают звезды?
Ответьте мне, пожалуйста. Я учусь в шестом классе и живу в Стрельне, близ Ленинграда.

Стаин Володя

Ты, Володя, задал два таких различных вопроса, что пришлось нам ответы узнавать у совсем разных специалистов. Насчет звезд мы спросили не астронома, как ты, вероятно, думаешь, а физика. Физик сказал, что звезды мерцают, так как их свет пробивается через земную атмосферу, а воздух земной атмосферы имеет неравномерную плотность и все время перемещается. Теперь представь себе: на пути света звезды оказался плотный воздушный участок, и нам кажется, что звезда тускнеет. Через секунду попался менее плотный участок — снова звезда видна яркой.

О том, почему стареют люди, пришлось узнавать у многих людей: у химиков, у биологов, у врачей. Оказалось, что причин много. С возрастом организм начинает вырабатывать не совсем такие белковые молекулы, какие он вырабатывал в молодости. С возрастом затрудняется кислородный обмен, хуже усваиваются питательные вещества; человек может есть много, а ткани и клетки его тела «голодают». С возрастом изменяются кровеносные сосуды, и кровь с трудом проталкивается по ним. С возрастом происходят изменения и в коре головного мозга, а она управляет всей работой нашего тела. Если управление плохое, сам понимаешь, что и вся «машина» начинает работать плохо.

Старение идет медленно и начинается задолго до пожилых лет. Ученые говорят, что борьбу со старостью человек должен начинать еще в молодые годы. Труд, спорт, правильный образ жизни, регулярный сон замедляют наступление старости. Люди, прожившие более ста лет, встречаются нередко, и всегда оказывается, что это люди, которые ведут разумный и здоровый, трудовой образ жизни. Лентяи и бездельники, как правило, старятся раньше.

Редакция

До начала спектакля

Таинственная дверь

Театральный подъезд еще тонет в вечерних сумерках, еще не зажжены яркие фонари у главного входа, но дверь с табличкой «Служебный вход» хорошо освещена. Попробуем проникнуть в театр через эту дверь.

Длинный освещенный коридор. По обе стороны его много комнат — здесь одеваются и гримируются артисты. Рабочие сцены и актеры, гримеры, костюмеры, работники технических цехов, помощник режиссера, осветители — все участники спектакля задолго до его начала должны быть на своих местах.

А вот и сцена. Такой мы ее никогда не видим. Оказывается, она в несколько раз больше, чем можно было подумать, гораздо глубже и выше. Ее замыкает сплошная стена высотой во все театральное здание. По бокам занавесы — кулисы; они скрывают от зрителя боковые части сцены, образуя «карманы». Центральная часть сцены представляет собой вращающийся круг. Это оборудование есть во многих современных театрах; оно позволяет быстро менять декорации. Высоко вверху, под потолком, находятся колосники, с которых опускаются рисованные на холсте декорации. А под полом внизу помещаются электрооборудование, ход в оркестр и люки, куда могут опускаться части сцены; вспомните разные неожиданные исчезновения на сцене.

Вскоре приходят рабочие и устанавливают декорации первого действия. Это комната. А за комнатой, в глубине сцены, невидимой зрителям, они приготовили двери, окна, часть стены — все для быстрой смены декорации во второй картине.

В комнате на сцене будут стоять стулья, стол, лампа, телефон, у героя пьесы в руках должен быть портфель. Это все настоящие вещи, и называются они реквизитом; заведует им специальный человек — реквизитор. Сейчас он стоит посередине сцены и тщательно, по списку проверяет реквизит каждого действия.

Настоящее и ненастоящее

Но не только настоящие вещи «играют» на сцене. Вот стоит на столе ваза, полная фруктов. Какие аппетитные яблоки, виноград, груши! Так бы и съел, если бы не убедился, подойдя поближе, что они из папье-маше. Такими «настоящими» сделал их искусный мастер — театральный бутафор. Пройдем в его мастерскую, она здесь же, за кулисами,— и мы увидим еще и не такие чудеса. Вот каменный аляповатый купидон из купеческого особняка, рядом уличный фонарь, чугунная решетка, тяжелая полка с книгами, чапаевская тачанка, большая фарфоровая ваза с позолотой. Рабочие сцены легко поднимают и переставляют эти «тяжелые» вещи: ведь они из папье-маше!

Но зачем нужны подделки, хотя бы и очень искусно сделанные? Разве нельзя поставить на стол красивую фарфоровую вазу, разложить настоящие книги по полкам или вкатить на сцену настоящий пулемет?

Да, но кто же разглядит настоящую позолоту на настоящей вазе из зрительного зала? Разве только зрители первых рядов. А как унести со сцены четыре полки с тяжелыми книгами в течение двух минут? Как быстро и бесшумно убрать пулемет?

Театральная бутафория должна быть легкой, прочной, хорошо видной зрителю, недорогой и выразительной. Ненастоящие вещи здесь нужнее настоящих. Таковы законы сцены.

Бутафор работает в тесном содружестве с художником-постановщиком. Он выполняет бутафорию по эскизам художника, но и сам многое придумывает, чтобы облегчить и работу актера и труд всех тех людей, которые невидимо для зрителя создают спектакль.

Когда ломаются шпаги

...Уличная ссора. О, королевский мушкетер не потерпит обиды! Миг — и обнажены шпаги. Удар, ответный удар — шпага противника сломана.

Спектакль идет с успехом много раз подряд. Сколько же шпаг надо приготовить только для одной этой пьесы?

Оказывается, всего только две. В рукоятке шпаги находится рычажок; легкий нажим — освобождается часть клинка, шпага сломана. А в антракте бутафор вставляет обломок в гнездо на клинке, и шпага готова для боя.

В театре пользуются простыми и дешевыми материалами: бумагой и клеем, фанерой и картоном, марлей и крахмалом, холстом, жестью, краской. Крупные бутафорские вещи не могут существовать без каркаса. Его делают обычно из дерева или проволоки. Посмотри па последнюю страницу обложки. Видишь, ствол дерева сделан на деревянном каркасе. К нему прикреплены специальные гнезда — в них вставляют, или, как говорят в театре, монтируют, ветки. Сверху ствол обтягивают тканью, которую затем расписывают.

Вот так в театре создают скалы, дома, каменные стены. Доспехи, шлемы, фонари, книжные переплеты делают из картона: сначала рисуют отдельные части, скажем, стекла фонаря и его крышку, потом делают выкройку, по этой выкройке вырезают части из картона и склеивают их. Для прочности места склейки соединяют тонкой материей или плотной бумажной лентой. Очень хороша для бутафории и марля, туго накрахмаленная и раскрашенная. Может быть, ты сам мастерил из нее яблоневые цветы для первомайского парада и знаешь, что они выглядят, как живые...

Репетиция без актеров

...Действие происходит в гавани. Рабочие нагружают корабль, таскают тяжелые ящики. Вот один из ящиков выскользнул из рук и упал на землю. «С грохотом упал на землю» — написано у автора пьесы. Но грохота не последовало. Ящик-то сделан из картона, а «шумовик» вспомнил об этом пять минут спустя!

Другое явление. Собралась молодежь, кто-то хочет спеть под гитару. Но реквизитор забыл повесить ее на стену. Актер решает спеть без аккомпанемента. И вдруг за сценой музыкант-исполнитель громко ударяет по струнам: реквизитор не сказал ему о своей оплошности.

Путаница не столь смешная, сколь грустная. Ведь она разрушила впечатление от спектакля!

Чтобы избежать этого, в театре существуют репетиции без актеров. Много раз по заранее намеченному плану воспроизводят шум дождя, грохот канонады, сверкание молнии. С часами в руках, исчисляя время минутами и секундами, репетируют перестановку декораций. На обратной стороне каждой части декорации есть номер, каждой вещи на сцене отведено определенное место, как на боевом корабле.

Очень большую роль играет в театре свет. С его помощью творятся чудеса: свет может спрятать от глаз зрителя целый дом, бросить солнечный луч в комнату, высветить только лицо или только руки актера.

Подобно музыке, свет аккомпанирует спектаклю. Источников света в театре много. Одни светят со сцены, из-за кулис; другие находятся перед сценой и в осветительной ложе. Весь этот сложный механизм подчинен одному человеку. Он следит за ходом спектакля, подает команду осветителям, в его руках описание световых эффектов — «световая партитура».

Месяцы упорной совместной работы режиссера и актеров, художников, декораторов, осветителей, костюмеров и гримеров предшествуют дню премьеры — первой встречи зрителя со спектаклем. И если спектакль имел успех, то каждая вспышка аплодисментов в зале радует не только режиссера и актеров, но и тех, кого не было видно на сцене: скромных тружеников, работавших за кулисами, в осветительной ложе, в технических цехах и мастерских театра.

То, что вы узнали здесь, может пригодиться и вам, ребята, когда вы задумаете звеном или отрядом ставить какую-нибудь пьеску. Рассмотрите внимательно рисунки. На них видно, как делаются различные бутафорские предметы. Все это вы можете сделать сами, стоит только попробовать, дать волю своей изобретательности.

Ю. Кирцер,
Е. Филиц

В царстве моем великая радость. Повелел я принять в оруженосцы мои достойнейших из достойных.

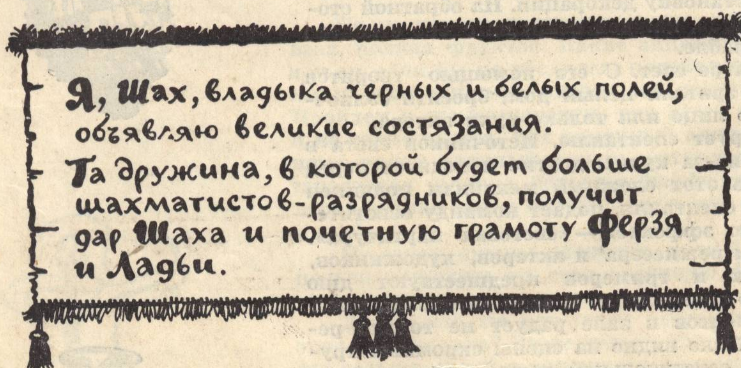
Андрюша Варсобин живет в Ленинграде. Недавно в его школе проходило шахматное командное первенство. Андрюша играл на второй доске. Он одержал 6 побед в 7 партиях.

Толя Пасько из Макеевки. Он учится в 7-м классе. Имеет первый разряд по шахматам. Задачу мою Толя решил правильно. Первый ход в ней королем на f8.

У Рифа Канафеева только пятый разряд. Но он любит шахматы и недавно, играя в Доме пионеров, занял первое место.

И еще в оруженосцы мои я принимаю Юру Ильинского из Днепропетровска, Сашу Уланова из Кирова, Гришу Кравченко из Луганска, Игоря Малого из Одессы.

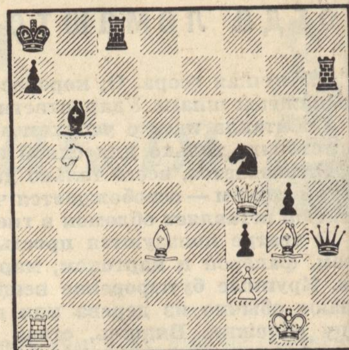
А теперь внимательно прочитайте грамоту мою.

СЕКРЕТЫ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ

А теперь мне хочется рассказать вам одну историю.

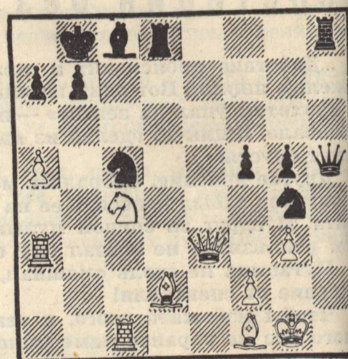
Помню, дело было в 1738 году в Сирии, в городе Алеппо. Шахматист Филипп Стамма принес мне свою книжку «Секреты шахматной игры». «Вот,— говорит,— попробуй, Шах, реши две мои задачи из этой книги. Решишь — все свои секреты открою».

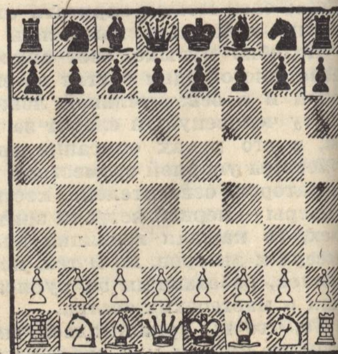
Посмотрел я на задачу, задумался. Долго думал, но решение нашел. Вот как надо здесь играть. 1. Cd3—e4+ Лh7—b7 2. Фf4—b8+ Лc8 : b8 3. Лa1 : a7+ Cb6 : a7 4. Кb5—c7 мат.

Правда, красиво Стамма все придумал?!

И другая тоже задача красивая. Но решение ее я вам не скажу. Сами найдите, как белые, начиная игру, победы добиваются.

Происшествия на шахматной доске

Знакома ли вам эта позиция? Конечно, знакома! Ведь это начальное расположение белых и черных фигур. Но даже в этой

позиции возможны три шуточные головоломки, которые советую вам разыграть вместе, на занятии шахматного кружка.

Первая головоломка. Как разменять все фигуры и пешки в 17 ходов? А вот и решение головоломки: 1. e4 d5 2. ed Ф : d5 3. Фh5 Ф : a2 4. Ф : h7 Ф : b1 5. Ф : g7 Л : h2 6. Л : a7 Л : g2 7. Л : b7 Л : g1 8. Л : c7 Ф : b2 9. Л : c8+Крd7 10. Л : b8 Л : b8 11. С : b2 Л : b2 12. Л : g1 Л : c2 13. Ф : f7 Л : d2 14. Ф : e7+Кр : e7 15. Л : g8 Л : f2 16. Л : f8 Л : f1+ 17. Кр : f1 Кр : f8.

Сокрушительный ураган пронесся над шахматной доской, с которой исчезли все фигуры и пешки. Быстрее чем в 17 ходов головоломку эту решить нельзя.

Вторая головоломка. Как запатовать черных в 10 ходов? Это удивительное задание выполняется так: 1. e3 a5 2. Фh5 Лa6 3. Ф : a5 h5 4. Ф : c7 Лah6 5. h4 f6 6. Ф : d7+ Крf7 7. Ф : b7 Фd3 8. Ф : b8 Фh7 9. Ф : c8 Крg6 10. Фe6.

Третья головоломка. Как объявить вечный шах на третьем ходу?

И здесь совместные усилия белых и черных дают возможность выполнить задание: 1. f4 e5 2. Крf2 Фf6 3. Крg3 Ф : f4+ с вечным шахом на полях h6 и f4.

СКОРО МАТЧ БОТВИННИК — ТАЛЬ!

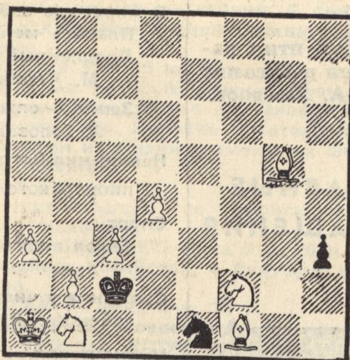

Об этом матче мы будем рассказывать в следующих номерах.

Дружеский шарж **Ю. КИСКАЧИ.**

ЗАДАЧИ МОИХ ДРУЗЕЙ

Многие ребята присылают мне свои задачи. Давайте одну из них разберем вместе. Прислали ее ученики 7-го класса из Киева Толя Никитин и Миша Черничкин.

Вот как ребята решают эту задачу: Крa1—a2 h3—h2 2. a3—a4 h2—h1Ф 3. Кb1—a3 мат.

Интересно задумано, но вот что в вашей задаче, Толя и Миша, мне не понравилось.

Есть в этой позиции фигуры, которые для решения не нужны вовсе. Вот, например, пешка d4. Зачем она стоит? Вполне ведь можно и без нее обойтись. Всем ребятам совет: когда составляете задачи, только те фигуры и пешки ставьте, которые для решения необходимы.

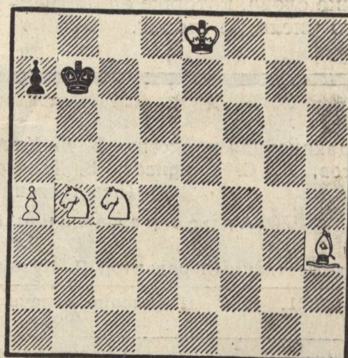
А потом, почему нам задачи нравятся? Потому, что решения их найти нелегко, а первый ход особенно.

Так ли это в задаче ребят? Увы, нет! Есть у черного короля одно свободное поле b3, и сразу, первым ходом, отнимают белые это поле. Бросается в глаза такое решение. Вот и второй мой совет запомните. Так старайтесь задачу составить, чтобы первый ход очевидным не был.

И еще одно замечание. Поразному можно Толину и Мишину задачу решать. Первым ходом можно и слоном на c4 пойти. Надо, чтобы в задаче только одно решение было, только один путь к цели вел.

А теперь попробуйте сами другую задачу решить. Прислал мне эту задачу ученик 5-го класса 6-й школы города Заторска Леня Бредихин. Белые, начиная игру, дают мат в два хода.

В ЧАСЫ ДОСУГА

ЧТО ЗА ПТИЦЫ?

Названия каких четырех птиц записаны этими маленькими ребусами?

Составил **А. Завьялов.**

ЗАБАВНЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ

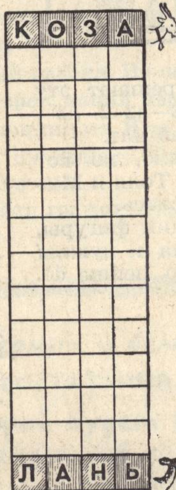

Не так-то просто превратить «козу» в «лося». Для этого вам надо в каждом горизонтальном ряду написать слово из четырех букв (имя существительное несобственное в единственном числе).

Каждое следующее слово должно отличаться от предыдущего только одной буквой. Какие три слова вы здесь напишете?

Таким же путем «коза» может превратиться и в «лань». Только это значительно сложнее: вам придется подобрать двенадцать слов.

Решая эту задачу, можно писать во множественном числе такие слова, которые единственного числа не имеют.

Содержание

Редактор **Н. В. Ильина.**

Редакционная коллегия: **В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе** (заместитель редактора), **В. И. Орлов, В. А. Поддубная** (ответственный секретарь), **М. П. Прилежаева, Г. Я. Тимофеева.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710. Телефон Д 3-30-73. Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **А. Ефимова.**

А 00821. Подписано к печати 26/I 1960 г. Тираж 550 000 экз. Изд. № 255. Заказ № 3144. Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Детгиз

В первом полугодии 1960 года Детгиз выпускает следующие научно-художественные книги:

АРТЕМЬЕВ И. **БУДНИ РАДИОЛОКАЦИИ.** Цена 5 р. 30 к.

Популярный очерк об основах радиолокации, о практическом применении ее в народном хозяйстве. Серия «Наука и техника семилетки».

БЕРМАН Л. **ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СТРАНЕ АВТО.** Цена 3 р. 70 к.

Путешествуя с мальчиком-лилипутом в недрах автомобиля-великана, читатель получит живое и наглядное представление об устройстве и работе современного автомобильного двигателя.

ВОЛКОВА А. **СЛЕД ЗА КОРМОЙ.** Цена 3 р. 75 к.

В древности люди разделяли весь мир на четыре стихии. О том, как из пленника «духов воды» человек стал хозяином водной стихии, как завоевывал ее, рассказывается в этой книге.

ДОРОХОВ А. **СЕРЕБРЯНЫЙ БЕГУН.** Цена 5 р. 30 к.

Сто интересных рассказов о спорте, из которых можно узнать, кто выдумал футбол, когда появились первые лыжи, может ли человек прыгнуть выше своей головы и поднять самого себя. Попутно читатель познакомится с разными любопытными историями из жизни знаменитых спортсменов, а также найдет много полезных советов.

ЕЛАГИН В. **ЗОЛОТОЙ КОЛОС.** Цена 5 р. 5 к.

Книга рассказывает об истории пшеницы, о ее происхождении, о том, как ученые создают новые сорта пшеницы.

ЗАХАРЧЕНКО В. **ВНИМАНИЕ, ГОВОРИТ БУДУЩЕЕ!** Цена 3 р. 70 к.

О семилетнем плане развития народного хозяйства, о будущем науки и техники, о коммунистическом завтра.

ЗИГЕЛЬ Ф. **ВСЕЛЕННАЯ ПОЛНА ЗАГАДОК.** Цена 4 р. 75 к.

Популярные очерки о новейших открытиях современной астрономии.

ЛАРИОНОВ Л. **ПРО ТО, С ЧЕМ ТЫ БУДЕШЬ ВСТРЕЧАТЬСЯ КАЖДЫЙ ДЕНЬ.** Цена 3 р. 15 к.

Небольшие рассказы об электродвигателе, о том, что он собой представляет, каковы основные законы, на которых он построен.

МАР К. **ЧУДЕСА ИЗ ДЕРЕВА.** Цена 4 р. 60 к.

В этой книжке открыт музей дерева — Деревоград. И чего только не увидит там читатель! Дерево было первым домом человека, оно давало ему и кров, и пищу, и одежду. Прошли века, и человек научился из дерева строить дома, корабли, делать ткани, тетрадки и тысячи других вещей, с которыми мы встречаемся каждый день.

РОЗЕН Б. **МАТЕРИАЛ ТЫСЯЧИ НАЗНАЧЕНИЙ.** Цена 2 р. 80 к.

Книга о производстве искусственного химического сырья, синтетических материалов и их использовании по семилетнему плану.

ХАЛИП Я., ЮЩЕНКО Л. **ПЛЫВЕМ ПО ДНЕПРУ.** Цена 3 р. 90 к.

В книге рассказывается о путешествии по Днепру.

ЭЙДЕЛЬС Л. **ИЗБУШКИ НА ДОРОЖКАХ.** Цена 3 р. 15 к.

Книга о новых занимательных задачах по математике.

Цены на книги указаны ориентировочно.

Перечисленные книги по мере их выхода в свет поступят в продажу в книжные магазины книготорга и потребительской кооперации.

«СОЮЗКНИГА»

Цена 2 р. 50 к.

Любите ли вы, ребята, придумывать и создавать всякие театральные чудеса для ваших школьных спектаклей? Правда, ведь это не менее интересно, чем играть в пьесе?

Прочтите статью «До начала спектакля», она напечатана на стр. 76—77. Вы узнаете, как делают различные предметы, которые могут понадобиться для постановки: дерево, вазу, рыцарские доспехи,— и многое другое, что здесь изображено.

Рисунок **Ю. Кирцера.**